

314 Crimes

William Force

12+

Книга повествует историю о двух друзьях, гениальном детективе и не менее одаренном химике, которые попали в непростую ситуацию. Химик «Картер» создал химический наркотик, под воздействием которого главные герои помогли преступникам успешно нарушить множество законов. За содеянное им, вероятнее всего, грозит смертная казнь, однако героям удастся скрыться от правительства Вашингтона, и после этого они решают раскрывать собственные преступления.

Светило солнце. А что ему ещё оставалось делать? Лучи проходили сквозь листву деревьев, под которыми я стоял, и слепили мне глаза. Никакой романтики, это солнце меня достало. Всегда больше любил холод на улице, ведь тогда мисс Бантри разрешала мне заходить домой к моему приятелю со школьных лет, и в эти моменты я мог отдохнуть от своей матери.

Иногда я зарабатываю на том, что выполняю научные работы по химии и биологии для студентов. И сейчас накопилось достаточно денег, чтобы я мог купить последний ингредиент для моего особого вещества. Придется отдать несколько тысяч, но уверен, оно того стоит. Также сегодня намечалась вечеринка в честь чего-то там, и мы с моим другом Рейнболом договорились пойти туда вместе. Мне редко удаётся вытащить его куда-то. Он слишком часто работает, чтобы позволять себя развлекать хотя бы по выходным. А я развлекаюсь довольно часто. Мой психолог говорил, что таким образом я убегаю от себя, от своих страхов и своих демонов. Не то, чтобы горжусь этим, но после моих приемов ей самой понадобился терапевт.

К полудню пришел к своей металлической коробке, которую называю домом. Гараж, который снимаю у местного деда. У меня, как это называется, было непростое детство. Денег совсем не много, поэтому приходится в нем и жить. И в принципе я не жалуясь, меня все устраивает. Я повесил посередине занавеску, которая делит гараж на две части. В одной поставил кровать и комод, в другой сделал лабораторию. И это очень удобно. Не приходится лишний раз ездить в отведенное место. Знаю, санитария благодаря этому уходит в сторонку, но я сделал все, что смог. Накопил денег еще пару лет назад и поставил очень хорошую вентиляцию. А все химические пробирки храню в сейфе. Самой химией увлекаюсь, наверное, лет с шести. Не уверен, что мне есть, чем похвастаться. Просто хорошо знаю свойства всех элементов и иногда смешиваю их, дабы узреть реакцию.

Синтез вещества проходил довольно быстро, но я так увлекся раздумьями, что не заметил, как наступил вечер. Полез в свой комод. Нужно надеть что-то культурное. Это вечеринка, а не тусовка в ночном клубе. Есть шанс с кем-то познакомиться, кто предложит работу. Или, возможно, найду себе спутницу на какое то время. Мне тяжело порой без женского пола, слишком люблю утеху и страсть. Но не думаю о серьезных отношениях. Как по мне, они являются помехой для практически чего угодно. Хотя возможно, я просто не умею правильно себя вести. И именно поэтому могу за день весело провести время с двумя или больше. Они такие разные. С одной хочется обсуждать трудности жизни, с другой — увлечения, третья пускай лучше молчит. В молчании тоже бывает красота. И всех их объединяет одно свойство. Они запросто могут помочь мне отвлечься и расслабиться. Почувствовать себя живым и забыть, хотя бы на время, о тех мыслях, которые сводят меня с ума. Но, конечно же, они — не единственное, что мне помогает.

Я надел синий пиджак под черные брюки. Под низ — рубашка и голубого цвета бабочка. Помыл голову с помощью самодельного крана и почувствовал, что достаточно привёл себя в порядок. Кстати, если мне нужно принять душ, то я иду в Мотель. Итак, остались лишь пара штрихов и капли для глаз. На улице уже было мало прохожих. Луна освещала мне дорогу до места, в котором мы договаривались встретиться с Рейном. Но он написал СМС о том, что немного опоздает. Пришлось заходить одному.

На входе меня проверили на наличие запрещённых предметов, и я без проблем зашёл внутрь. Своё вещество я хорошенько спрятал, и если на вечеринке нет гомосексуалистов, которым понравится моя задница, никто его не найдёт.

Руки уже начинали немного дрожать, это был плохой знак. Хотя даже не знак, это был сигнал, о том, что мне давно пора расслабиться. Я подошёл к бару и заказал себе пинту пива. Распивал его, разглядывая картины, висящие по всему залу. Некоторые были, как будто бы нарисованы в давнее время, хорошими художниками. Другие были олицетворением современности. Но все чем-то цепляли меня.

В самом заведении было достаточно много людей, чего я не ожидал. Мне 24 года, и я даже видел людей гораздо младше меня. Хотя неожиданно, что тематические вечеринки интересуют молодежь. Но должен отдать должное, алкоголь здесь явно по сниженной цене и не уступает качеством. Возможно, это и есть истинная причина их присутствия.

— Ещё один бокал крафтового, пожалуйста, — пробормотал я бармену и успел заметить, как на меня, не отрывая глаз, смотрят две красотки. Они подошли первыми.

— Привет, — отозвалась блондинка, стоящая ближе ко мне. — Интересует искусство?

— С чего вы это взяли? — Поинтересовался я и резко осознал, что они видели, как наблюдаю за картинами. — Да, конечно увлекаюсь, но не считаю, что рисовать их, это дар. Как по мне, этому может научиться каждый, у кого есть руки.

Они рассмеялись. Назвали свои имена, но я их не запомнил, а спрашивать еще раз было неудобно. Узнал, что блондинка работает официанткой в каком-то ресторане, а ее подруга работает архитектором, и у неё какая-то рана под левым глазом. С ней у меня оказалось больше общих тем. И в один момент, когда я ей рассказывал о работе, нас отвлек ребёнок. Девочка лет десяти. Она подбежала и обняла блондинку.

— Она, наверное, хочет денег, у меня в кошельке есть мелочь, одну секунду — Я полез в кошелек, но блондинка остановила меня и, улыбаясь, сказала, что это её дочь. Вторая неловкость за последние пять минут.

Маленький человек смотрел на меня из-под розовой шляпки. Глаза были обозленные, очевидно, она поняла мою ошибку, и я быстро перед ней извинился.

— Как тебя зовут, малышка? — Обратился я к ней, приседая на корточки.

— Меня зовут Аманда, — отозвалась девочка и спряталась за платьем матери.

— Она у меня стеснительная, не бери в голову. — Сказала блондинка и взмахом руки пригласила нас всех сесть за стол.

— Она чем-то увлекается? — Спросил я.

— О да, очень любит рисовать. Поэтому мы здесь.

— Поэтому вы здесь?

Блондинка снова засмеялась. Мне она понравилась.

— Ты пришёл на тематическую вечеринку и даже не знаешь, какая тематика?

— Картины, точно. — В этот момент я окончательно почувствовал себя идиотом. Нужно было как-то выкручиваться. — Я увидел постер, увидел цены на пиво, и решил, что не могу не прийти. Кстати, надеюсь, вы будете не против, если к нам присоединится мой приятель?

— А какой он? — Отозвалась вторая девушка. Казалось, она уточняет, чтобы понять, на кого ей класть свой очаровательный зелёный глаз.

— Ну, он джентльмен. Смешливый, строгий. По его мнению, он содержит гармонию между дисциплиной и Хаусом. — Я, правда, не знал, что еще о нем добавить.

— А чем он занимается? — Совершенно нормальный вопрос, который возможно слегка меня огорчил, ведь чем занимаюсь я, никто не спрашивал.

— Он детектив в полиции последние 3 года. Ранее работал патрульным. Кстати, а вот и он.

Рейнбол шёл к нам своей обычной походкой, рассматривая по пути все и всех. Я слишком хорошо его знаю. Он напрягает мозги даже тогда, когда стоит отдохнуть. На нем был черный свитер под черные брюки. Очевидно, он решил не наряжаться сегодня.

— Ребята, это Рейн Свифт. — Представил я своего друга. Он сел за стол, рядом со мной.

Мы стали болтать о работе и том, что и кого тревожит. Мой друг был в центре внимания и, впрочем, так происходило довольно часто. Хотя если бы девушки знали, что я живу в гараже, наверное, вообще не стали бы со мной говорить. Но меня это никогда не беспокоило. Ни одно, ни другое. К тому же я знаю, что ни у одной женской особи нет шансов. Если я испытываю потребность хотя бы воспользоваться женским полом для своих утех, то моего друга это не интересует вообще. Мне иногда кажется, что он асексуален, и это связано с какой-то болезнью.

— Как вы познакомились? — обратилась ко мне блондинка, видимо понимая, что пора отдать кусочек внимания и в мою сторону. Но на этот вопрос все равно ответил Рейн.

— Я начинал работать в полиции в тот момент. И мне дали задние, сказали найти парня, который не приходит в школу и, если есть проблемы, поговорить с социальной опекой. Я пришёл по адресу и нашёл Картера. Он жил с матерью, но я ее не увидел. Мы начали разговаривать, я задал вопрос, почему он не ходит в школу, и Картер ответил, что ему там не дают знаний, что он учится сам, и у него своя лаборатория. Я попросил посмотреть на неё, и был очень удивлен всему, что там обнаружил. Кучу книг из школьной библиотеки, пробирки, механизмы. Я понял, что если что-то сделаю, то лишь помешаю парню. И тогда я попросил его прийти в школу на следующий день, чтобы никто на меня не жаловался, и было видно, что я выполнил свою работу. Он это сделал и потом снова перестал ходить в неё.

Рассказ не сильно удивил девушек. А мне пришлось отойти в туалет по двум причинам. Во-первых, я не люблю вспоминать прошлое, во вторых, меня уже начало крутить. Я зашёл в туалет, умылся, и мне снесло крышу, когда я зашёл в кабинку. Между кабинами в туалете невысокие стены, и на соседней стене я увидел пакет похоже с тем, что мне больше всего сейчас было нужно. Я его схватил и тут же ринулся в женский туалет, ведь наверняка хозяин пакета был с другой стороны стены.

Чистый кокаин. Его было не много, но стоило бы это все равно дорого. И, к сожалению, посмотрев в свои тайные карманы в пиджаке, я не нашёл шприцов. Пришлось пользоваться старым методом.

Вернувшись за стол к нашим новым знакомым, я уже был полон сил и энергии. К нашему разговору присоединилась малютка Анабель. Она рассказывала о том, что ей понравился мальчик за соседним столом. И мой друг как всегда не смог удержаться.

— Почему не попробуешь подойти к нему и познакомиться? — спросил Рейн, обращаясь к девочке.

— У меня ещё недостаточно развит навык обаяния. — Остроумно ответила она, глядя на реакцию моего друга и продолжила, — Мама говорит о том, что если хочу покалечить сердца парней, нужно научиться показывать себя умной или глупой. Что нужно правильно улыбаться и смеяться над несмешными шутками. — Бог ты мой, подумал я. В свои лет

восемь она уже хорошо понимает сарказм и ведет речь, как настоящая леди.

— Твоя мама безусловно взрослая и состоявшаяся женщина, — Продолжал Рейн, глядя на блондинку, — Однако, я не могу полностью с ней согласиться. Иногда то, чего ты хочешь, можно добиться простой логикой. Выводами и предположениями.

— Как это «простой логикой»? — Удивлённо спросила девочка. — Мама говорит, что работает только обаяние. Ей я верю больше.

— Хорошо, давай поиграем с тобой в игру. Наша цель наблюдать и делать выводы, чтобы знать, как поступить и как реагировать.

— Как настоящие детективы?

— Да! Как они самые. Итак. Это тематическая вечеринка на тему рисования. Логично предположить, что мальчик, который нас интересует, любит рисовать, верно?

— Верно. — Ответила девочка.

— Однако у него футболка с футбольной командой, спортивные кроссовки, которые уже настолько изношены, что это видно с десяти метров. А также браслет на левой руке с маленьким футбольным мячом. Значит, он скорее любит футбол, чем рисование.

— Почему?

— У тебя много одноклассников?

— Двадцать четыре.

— Мальчиков примерно половина?

— Да.

— Кто-то из них рисует?

— Нет.

— Вот и ответ. Очень не много людей, которые занимаются спортом и рисуют. Спорту приходится уделять много времени, как и творчеству. Значит, он увлекается рисованием, но явно спорт для такого человека будет важнее. Отлично, мы узнали, что он любит спорт, но почему он здесь?

— Может он все-таки сильно любит рисовать?

— Нет, нам нужно принять истину. Придется полагаться на статистику. Давай посмотрим на родителей. Скажи, что они делают?

— Папа смотрит в телефон, мама на картины. А он пьет сок.

— Папе, видимо, не интересно это мероприятие. Сыну тоже. Значит, они здесь, возможно, из-за матери. Видимо, ее слово — закон, раз она смогла притащить сюда двух человек, которым это едва интересно. Значит, она строгая. А около десяти минут назад мальчик упрашивал ее купить ему пирожное с имбирем из меню, но она отказала и ответила, что это дорого и вредно.

— Как ты это услышал? — В недоумении поинтересовалась Анабель.

— Нужно использовать все органы чувств, которые у тебя имеются. Так вот, из-за своей строгости он не получил пирожное. Кстати, оно тут и в правду стоит порядком дороже, чем в других местах. Значит, парень любит футбол и сладкое. Что ты видишь у мамы в сумочке? — Девочке явно нравилась эта игра. Она встала со стула и стала вглядываться в сумочку женщины напротив, пока я обменивался взглядами с нашими соседками по столу. Только сейчас я заметил, что у матери девочки, у блондинки, нет кольца на пальце. Ребенок автоматически заставил меня сфокусировать все внимание на её подруге. Я вдруг вспомнил, что она представилась как Грейс.

— Две игрушечные машинки, — Наконец заметила Анабель. — Он любит играть в

машинки?

— Абсолютно верно. Значит, вот как мы поступим. Я дам тебе семь долларов на имбирное пирожное. Ты его купишь и подойдёшь угостить им парня. Затем начнешь говорить с ним про футбол и игрушечные машинки. Спрашивай, как часто он играет, какие команды ему нравятся.

— А как же обаяние?

— Ты начнёшь говорить с ним о том, что ему интересно. Тут не нужно обаяние, он будет удивлён, что ты угадала, что ему нравится. А если хочешь беспроигрышный вариант, то скажи ему, что тебе тоже нравится футбол. И не забывай что у него строгая мама. Понравиться ей будет сложнее, но ведь она любит искусство, и ты его любишь тоже. Поговори с ней об этом, если начнёт вам мешать. И расскажи о том, что сама дошла до всех логических разъяснений, чтобы подогреть интерес матери.

Удивленная Анабель взяла семь баксов и побежала к бару. Блондинка тоже была удивлена и о чем-то стала болтать с Рейном, но мое внимание отвлекли двое парней, которые ходили по залу, рассматривая всех вокруг. Также я увидел парня на выходе, который не давал никому пройти. Стало очевидно, они ищут пакетик, который я украл. Но он был небольшим, и потому я надеялся, что они просто уйдут. Однако, чтобы перестраховаться, положил пакетик в сумку к Рейну, которую он всегда носит с собой. Вдруг они меня видели в туалете и захотят провести обыск. После этого действия я постарался максимально сильно вникнуть в разговор сидящих со мной за столом людей, чтобы не подавать виду, будто я встревожен. Хотя сердце уже выпрыгивало из груди. Однако, как мне показалось, мой друг совсем этого не замечал.

— Я думала, что такими забавами себя развлекают только в кино, — начала Грейс. — Вы постоянно это делаете?

— Делаю что? — Рейнбол посмотрел на неё с недопониманием.

— Смотрите на людей, делаете выводы. — Мой друг засмотрелся на ребят, бегающих по залу. Я решил, что моя очередь говорить.

— Он делает это только при необходимости. Вам не о чем переживать.

— Да я и не переживала. Тем более, я уверена, что в человека нельзя заглянуть с помощью логических выводов. Мы слишком сложные и по-разному реагируем на ситуации, в которых оказываемся. — Ох, мой друг с ней бы поспорил, но он все еще смотрел по сторонам.

— Возможно, вы правы. — Ответил я и налил себе еще пива.

— Вот, например, — продолжала Грейс, пока мы с блондинкой внимательно слушали.

— Можем даже превратить это в маленькую игру. Если угадаешь, можешь задать любой вопрос. Итак, у меня есть подруга, с которой мы дружили с детства, но в один момент, около месяца назад, она мне навредила. Причем, довольно подло и самое главное, совершенно неожиданно. У неё был парень, с которым они проводили много времени вместе. Его я тоже хорошо знала, и потому в любые поездки они брали с собой и меня. Иногда случались ссоры, но я помогала им разобраться, если это было при мне. Признаться честно, я чаще была на стороне ее парня, ведь объективно, он был прав. Хотя моя подруга не злилась на меня в таких ситуациях. Скорее даже благодарила, что я им помогаю. Но потом, она сорвала мне сделку, причем даже не попыталась скрыть, что это она. Я была зла, и мы весь вечер проговорили по телефону, обмениваясь оскорблениями. У неё были деньги, счастье, квартира и ежемесячные поездки за город. И все же, ей удалось найти причину навредить

мне. — Мы с блондинкой молчали. Она видимо знала ответ, а я уже был достаточно пьян, чтобы у меня пропало желание напрягать мозги. И тогда в нашу реальность вернулся мой друг.

— Слишком просто. Нельзя отбирать у тигрицы ее детеныша так же, как нельзя отбирать у девушки ее заблуждения. Она ревновала своего парня к тебе, а ты лишь подливала масла в огонь, когда поддерживала его в их спорах. И благодарила она тебя для того, чтобы не показывать истинное отношение. — Рейн закурил сигарету и сбрасывал пепел себе в бокал. — Ты права, люди сложные, с набором своих индивидуальных особенностей, но найти кого-то по-настоящему уникального — сложная задача. Мы ездим в одном метро, едим похожую еду и переживаем идентичные или схожие сложности в жизни. Поэтому лично меня совсем не удивляет тот факт, что твоя подруга предала тебя из-за ревности. Противостоять эмоциям довольно сложная штука. А если верить врачам, то это еще и вредит здоровью. Эволюция не предусмотрела, чтобы мы себя сдерживали.

— Хорошо, хватит. — Ответила Грейс. — Я тебя поняла. У нас есть уникальности, но в целом мы все одинаковые. Но речь была не только об этом, а еще о том, что нельзя заглянуть в человека с помощью логики. Ну, хорошо, теперь можешь задать мне свой вопрос. Как происходил мой первый раз или любимая поза. Может, мой самый заветный секрет или хочешь, чтобы я рассказала постыдную историю о себе. — Мой друг немного помедлил, пока мы сидели и внимательно смотрели на него, ожидая вопроса.

— Вот мой вопрос, Грейс. Почему ты сегодня пыталась себя убить из пистолета твоего брата? — Глаза Грейс расширились от удивления, а волосы, будто стали дыбом. После такой реакции ей уже точно не отвертеться, подумал я. Но ответа не последовало, поскольку наше внимание привлек крик девушки с другой стороны зала. Один парень держал ее за руку, а второй сидел и разговаривал с Анабель. Родителей того парня, который ей понравился, уже не было видно, как и его самого.

Мой друг резко встал со стула и направился к недоброжелателям. Я последовал за ним, оглядываясь на перепуганных девушек, с которыми, мы только что болтали.

— Простите, вы пугаете посетителей, что случилось? Может, вызвать полицию? — обратился Рейнбол к парню, который был выше его на полфута. Но в ответ он схватил его за горло и почти вежливо объяснил, что они не уйдут, пока не найдут то, что им нужно. Я не борец и находился в том состоянии, когда желание врезать кому-то доходит до апогея. Таков частый эффект кокаина. И я это сделал. Врезал по лицу громиле, который стоял перед нами. Правда, толку от этого было никакого. Его лицо даже не повернулось по инерции в сторону. И тогда он схватил меня второй рукой, и я почувствовал, как мои ноги отрываются от земли. Он что-то бормотал, но я уже плохо понимал, что именно. Не пришлось долго ждать реакции моего друга. Он тоже ударил громилу, что принесло ещё меньше результата, чем «ничего». Тогда вурдалак ударил Рейнбола ногой, а меня откинул в сторону, и мы оба оказались в лежачем состоянии на полу. Но главным было то, что из сумки Рейна выпал пакет, который я ему положил. В голове мелькнула мысль, что стоило сразу от него избавиться. Инвазивно или хотя бы в унитаз. Но было поздно. В этот момент я понял, что мы, как любят говорить ребята помоложе, сейчас потерпим фиаско.

Плохо помнится, как нас избивали и бросали по всему залу. Подключилась охрана, и ей, кажется, влетело так же, как и нам. Но это помогло заморить плохих парней и, наверное, понимая, что скоро приедет полиция, они удалились. А мы с Рейном отказались давать показания и, махнув девчонкам руками, ушли.

— Я как то плохо себя чувствую, — сказал Рейн, когда мы присели на лавочку.

— Ты про физическое состояние или про моральное? — Поинтересовался я.

— Мне как-то печально на душе. Обычно такого не случается. Я, кстати, не злюсь, если что, на тебя за то, что ты подкинул мне тот пакет. Но мог бы предупредить. Странно, что эти люди вообще там оказались.

— Ясно. А мне печально, что девочки не захотели идти с нами.

— Ты свое лицо видел? — С ухмылкой спросил Рейнбол.

— Расскажешь, как ты понял, что та вторая пыталась себя убить?

— Эта рана у неё под глазом. Ожог от выстрела. По размеру я предположил, что это примерно триста тридцать восьмой. Пока ты был в туалете, она упоминала о своем брате, который связан с работой, в которой есть риск. Показала его фото, и я сразу понял, что это не коп. Затем предположил, что она взяла его нелегальный ствол и решила покончить с собой. Но в последний момент передумала.

— Ну, учитывая её реакцию на это, ты попал в точку. Хотя ствол мог быть и легальным. А я думал, ты увидел порезы на её руках или вроде того. Неужели ей стало настолько грустно? Мне всегда было тяжело понять тех, кто на это решаются.

— Конкретно её ты вряд ли смог бы понять. Это была бы не спокойная смерть со вскрытыми венами или пузырьком таблеток. Это нервоз. Я так же видел несколько мест на её голове, где были вырваны волосы. Эта дама по-настоящему сходила с ума. Хорошо, что они не пошли с нами.

— Или волосы вырывал брат во время ссор. — Предположил я.

— Возможно. Но как бы там ни было, это все очень печально.

Мы сидели на лавочке, смотря на небо. И спустя пару минут, мне пришла в голову идея, которая изменила нашу жизнь. Идея, которая дала моей жизни смысл и одновременно забрала его. Кажется, время дарит нам крылья. А потом ломает их и начинает казаться, что все было зря. В общем, я начал уговаривать Рейна попробовать наркотик, который сам же и создал. Он никогда ничего не употреблял.

— Ты же знаешь, я не из тех, кто стремится попробовать все в этой жизни. — Сухо ответил он мне.

— Понимаю. Однажды мои волосы стриг огромный половой член. — Я немного помедлил, пока мой друг закуривал сигарету. — Ты же хорошо знаешь о моем прошлом. И знаешь, что были и другие ребята, которых я знал, и они занимались тем же самым. Я это к тому, что один из них рассказал мне, что однажды его сбил автобус. Скорая помощь успела его спасти, но врачи сказали, что он был мертв около одной минуты. И он сказал мне, что эта минута — самая лучшая в его жизни. А ведь парень не дурак, и жизнь его была не ужасной тогда. Кислород не поступал ему в мозг. Далее дело за выбросом гормонов счастья. И тогда я и сам подсел на наркоту.

Мне все-таки удалось его уговорить попробовать чуть-чуть. И сам я пробовал немного, потому что не знал, как он действует. И об этом мы вскоре пожалели.

«Суд»

Я слушал голос обвинительной стороны, прячась за тонкой стеной. В моей сумке противогаз, который мешает повернуться. Доносились голоса удивления всех присутствующих. А вход в зал суда наполнен репортерами и журналистами. Боюсь, Рейн так до конца и не понимает, что произошло. Точнее, тупо не помнит. Я выждал нужный момент и нажал на кнопку. Зал суда наполнился фиолетовым газом. А вход в суд задымился

дымовыми шашками. Я уже был в противогазе и побежал в то место, где должен был находиться Рейнбол. Он лежал на полу, но был ещё в сознании. Я схватил его за рубашку и потянул за собой в сторону чёрного входа. Начали шуметь полицейские сирены, и стало очевидно, что времени осталось совсем немного.

Мы выбежали на улицу к машине, которую я угнал. Газ был слабым, я не хотел никого убить, поэтому Рейн на свежем воздухе сразу стал чувствовать себя лучше. Но его руки крепко сжимали наручники. «С ними ещё разберёмся» — подумал я.

— Какого хрена, Картер?! — Кричал мой друг, видимо понимая, что мы садимся в чужую машину.

— Мы с тобой натворили немало бед. Я тебя украл и вместе с тобой украл и автомобиль.

— Нет. — Он поправил меня. — Ты украл автомобиль, а вместе с ним и меня.

Я говорил спокойным голосом, заводя очень старый кабриолет. Специально не воровал дорогую машину. Хотя в нашем случае было бы лучше, чтобы она ездил быстрее.

Полиция даже не заметила, как мы уехали. Ну, или заметила, но было уже слишком поздно. Я заранее продумал то, по какой дороге можно быстрее уехать. Не ожидал, что за нами увяжется хвост и, в тоже время, не ожидал, что проблемой станет сам Рейн. Он начал кричать, чтобы я остановил машину, и начал дергать меня за руку. У меня не оставалось выбора, и я просто врезал ему по лицу. От этого он потерял сознание, и мне сразу стало спокойнее. Всегда паникуют больше, если есть ещё кто-то, кто паникует.

Мы быстро выехали за город, и в нужном мне месте я вытащил Рейна из машины, положил кирпич на педаль газа и пустил машину в небольшое озеро. Правда, не рассчитал, что оно не глубокое, и в результате задняя часть автомобиля торчала из-под воды. Таким образом, ее найдут быстрее.

Рядом с тем местом я припрятал велосипед с коляской. Согласен, идея не самая лучшая. Но я взял тонкую веревку и, посадив в багажное место Рейна, привязал его к себе. Вышло так, что я надел своего друга как портфель.

На велосипеде нужно было проехать около 10 миль, что не сложно для спортсмена и очень сложно для меня. К тому же, Рейн почти сразу пришёл в сознание и стал доставать меня вопросами.

— Слушай, я был немного не в себе, когда говорил с адвокатом, — начал он, дёргая меня за спину — Может, хотя бы ты объяснишь, что произошло? Если мы что-то натворили этой ночью, то похищать меня из зала суда и затем воровать тачку не логично. Ты удвоил или даже утроил наказание. А ещё мы проехали одну милю, а ты уже мокрый как свинья. И мне в глаза слепит солнце.

— Я расскажу все что знаю, когда мы приедем. А сейчас прекращай ныть!

— И куда мы едем? — Спросил Рейн.

— В мою вторую лабораторию. Она находится в подвале жилого дома. Но живут там одни старики и, что самое главное, я арендую это помещение не на своё имя.

— Неплохо ты мне врезал. — Я повернул голову и увидел, что и вправду переборщил. Под глазом у Рейна красовался большой синяк.

Мы доехали до нашего нового места обитания спустя примерно час. Это обычный, жилой массив между городом и посёлком. С одной стороны банкоматы и Макдоналдс, с другой пастухи пасут овец. Что-то среднее, в общем.

Когда зашли в подвал, я включил свет. Затем схватил тряпки, что нашёл под столом, и

завесил ими небольшие окна, выглядывавшие во двор. Сам подвал был достаточно большим. Когда-то его арендовали под офис и потом забросили. И именно в этот момент в аренду его взял я. Заплатил сразу за долгий срок, поэтому ближайшие полгода сюда точно никто не явится.

Тем временем Рейн ходил взад-вперёд, рассматривая столы, стеллажи, пробирки. Это была лаборатория, которую я когда-то оборудовал исключительно для создания наркотиков. Но химикаты тут почти со всей таблицы Менделеева.

— Так, а теперь рассказывай все, что произошло, — спокойным голосом сказал мой друг и уселся в кресло, глядя на меня. Я сел на диван напротив.

— Я не знаю, как тебе сказать так, чтобы не шокировать. Но спешу заверить, что я сам очень не многое помню. Нам обоим стёрло память.

— Стерло что?

— Мой наркотик, который мы попробовали после вечеринки, — сказал я и, поняв, что не смогу говорить спокойно, достал из-под дивана две банки пива и кинул одну Рейну.

— Не томи, Картер. Говори все, что знаешь и все самое худшее, что мы сделали. Кроме, конечно, украденной машины и побега из суда. Это я и сам прекрасно заметил.

— В том-то и дело, что я это сделал, потому что проблем слишком много даже для тебя. Тебе разве ничего не говорил адвокат? — Рейн посмотрел на наручники и стал разглядывать наш новый дом, видимо, в поисках пилки по металлу.

— Я не знаю, говорил ли он мне что-либо. Говорю же, я был не в себе. И только сейчас, когда ты сказал, я понял, что ты украл машину, потому что мы сделали что-то похуже, чем кража. Мы кого-то убили?

— Я не знаю. — Честно признался я. — но я знаю точно, что мы совершили более ста преступлений. Точное число ещё не подсчитано.

— Что за бред? — Вскрикнул Рейн и подошёл к верстаку, увидев в нем пилу. — Ты явно сошёл с ума, Картер. Это невозможно физически. Тем более, за одну ночь.

— Когда мы были на вечеринке, было 15 сентября, верно?

— Да. — Ответил Рейн.

— Ты знаешь, какое сегодня число? — Он отрезал посередине наручники и покачал отрицательно головой. А я достал старый ноутбук и открыл в браузере календарь. На нем красовалось 9 число, ноября. Рейн открыл пиво и присел обратно в кресло.

— Что это значит?

— Вероятнее всего, мы с тобой употребляли мой наркотик снова и снова, каждый раз, когда эффект ослабевал. Я пришёл в себя несколько дней назад. Валялся в лесу. Добрался домой и там решил первым делом зайти в интернет. Мы с тобой стали самыми популярными преступниками нашего времени в Америке. За нами следили и писали о нас новости, начиная с 16 сентября. Но одно успокаивает. Почти по всем преступлениям ты проходишь как соучастник, а я твой помощник. Ты подсказывал всяким преступникам, как совершить преступление. Я пока ещё не видел ничего серьёзного, что сделали мы сами. Но замешаны мы не только в мелких делах. Мошенничество, ограбление банков. Некоторых бандитов даже поймать успели. А ты считаешься их начальником, который подал им идеи. Короче, твоя гениальность в раскрытии преступлений сыграла с тобой злую шутку и грязную игру, когда ты получил наркотик.

Рейнбол был внешне спокоен, но я чувствовал, что внутри он в шоке. И поскольку он ничего не ответил и закрыл глаза, стало ясно, что ему нужно подумать и все осознать. А тем

временем я залез в интернет, чтобы попробовать найти больше информации. О нас шумели все новостные сайты. Знаменитые люди высказывали своё мнение. В один момент я даже наткнулся на слова родителей Рейна, о том, что он был хорошим человеком, и они не верят в то, что происходит. Они на него не похожи. Такие замкнутые и холодные.

Также, в интернете появилось много людей, которые следят за нашими действиями, по сей день и комментируют их. Уже стало известно всем про побег и про украденную машину. Наверное, её уже достают со дна озера.

Чем больше я читал об этом всем, тем меньше мне хотелось об этом думать. Я спас Рейна в первую очередь, потому что мне самому было страшно. Потому что я не имел ни малейшего представления о том, что мне делать. И более того, был уверен, что у меня ничего не выйдет, и нас поймают.

Мы так просидели до вечера. В углу комнаты стоял камин. Я нашёл все ненужные доски, что были в подвале и, расколов их топором, начал топить помещение. Большой свет выключил, оставив только маленький, потому что в камине стояло огнеупорное стекло, и он хорошенько освещал все вокруг. Так же из найденных досок я склотил себе небольшую кровать. Благо, матрас тоже нашёлся. Не хватало второго одеяла, но была простынь. Я посчитал, что мне этого хватит, и сказал Рейну, чтобы он спал под одеялом на кровати. Наверное, меня давило чувство вины. Но где-то в глубине себя я пытался поспорить с этим. Ведь он сам это выбрал, я его не заставлял. Но он, кажется, и не слышал меня. За несколько часов мой друг не сдвинулся с места. Я смог его отвлечь спустя час, и он отреагировал взмахом руки. Значит, не спал. И, в конце концов, Рейн заговорил.

— Прости, Картер.

— За что? — Спросил я.

— Я не смогу нормально жить, осознавая, что причинил столько неудобства другим.

— Разве тебе не плевать на чувства людей? — Удивился я, потому что прежде слышал от него такие заявления.

— Слушай, — Рейн встал и лег на диван. — У нас есть всего два варианта. Либо мы сдаёмся полиции. Либо на всю жизнь остаемся в бегах. И если мы даже выберем второй вариант, комфортной и приятной наша жизнь уже не будет. Поэтому оба варианта не приятные, но первый будет проще.

— Мы находимся в Вашингтоне. — Слегка вскрикнул я. — В этом штате действует смертная казнь. Нас просто убьют. И да, этот вариант конечно легче, но не думаю, что он устраивает тебя больше, чем второй.

— Я не смогу работать, Картер. Жизнь потеряет интерес, нечего делать. Нечем занять мозги. Нет загадок. И толку от такой жизни? Предлагаешь нам решать кроссворды?

— У меня есть одна идея. Я тебе показал ещё не все, что у меня есть. — Я залез во внутренний карман рубашки и достал блокнот. — Я предполагал такой разговор и потому решил рассказать об этом блокноте позже. — Когда мы были с тобой в состоянии аффекта, я записывал сюда подробности некоторых преступлений. Очень короткие и незначительные. Но от того ведь интереснее.

— Что значит «интереснее»? К нам ведь вернётся память?

— Память утрачена, скорее всего, безвозвратно. Нейроны нашего мозга за последние несколько месяцев атрофированы. Или и вовсе уничтожены. А интерес вот в чем. Я предлагаю попробовать раскрыть собственные преступления. Подумай сам. Если нам в любом случае грозит смертная казнь, почему не попробовать насладиться приключениями.

В которых, между прочим, тебе придётся неплохо напрягать свои мозги, а мне будет просто весело и тепло на душе от того, что я сижу на диване, а не на электрическом стуле.

— Дай гляну — Рейн протянул руку, чтобы я дал ему блокнот. Но я отрицательно махнул головой.

— Не-а. Я не могу оценить, насколько могут быть полезны подсказки в этом блокноте. Да-да, тут в основном имена людей и названия. Видимо, некоторым преступлениям я давал названия.

— У нас могут уйти годы на эти расследования.

— Отлично! — Крикнул я и взял себе еще банку пива. — Значит, будем идти по своим следам, пока нас не схватит Интерпол.

— Или пока не найдётся кто-нибудь, кто захочет отомстить за наши выходки.

— Без разницы. Я же по твоим глазам вижу. Ты не хочешь идти на эшафот, пока мы не разберёмся с тем, что натворили.

Рейн не ответил. Вместо этого он снова стал о чем-то думать. А я тем временем думал об идее, которую ему предложил. Эта идея дала мне новый смысл жизни. Ну, или точнее, я хотел, чтобы он появился. Не скажу, что он и до этого был, однако отказываться даже от плохой жизни я не был готов. Но я боюсь, что мы и вправду в скором времени будем схвачены, ведь, по сути, нас ищет вся страна. И наверняка я не успею до конца насладиться свободой. Если ее можно так назвать. Думаю, мне всегда будет мало.

Но зато я уверен, что заставил Рейнбола задуматься, и его глаза и вправду немного загорелись. Он понимает, что это для нас выход. И, честно говоря, я не думаю, что он боится смертной казни. Такой, как он, будет бояться, что нас оставили бы в живых, и он не смог бы ничего делать, дабы позабавить себя.

Прошло три часа, а я все еще не мог уснуть. Рейну повезло больше. Может, меня мучала совесть или ещё что-то. Не знаю. В голове было много мыслей о том, насколько я изменил наши жизни. Хотя правильнее будет сказать, что я их разрушил. Или нет. Тяжело сказать, ведь до всего произошедшего, мы едва были счастливы.

Лабораторию, в которой мы находились, я создавал сугубо для создания наркотиков и для опасных опытов, которые лучше не проводить там же, где и живёшь. И неважно, насколько хорошая вентиляция. Итого, у меня в нем оказалось много заначек, и в один момент больше всего я стал думать о них. Наркотики — один из самых простых и эффективных способов сбежать от реальности. И когда шею душит чувство вины, а за спиной много проблем, тяжело найти другой выход. Сильные люди легко его находят. Слабые находят благодаря поддержке окружающих. Но в одном я себе никак не мог признаться. Я этот выход никогда и не искал.

Когда настало утро, я почувствовал сильную усталость. Тяжело было даже встать с кровати, а в голове образовался бардак. И тогда я все-таки не удержался.

На улицу вышел уже с большим запасом энергии. Я стал полон сил и тут же понял, что полиция будет искать нас по всей Америке. Нам точно понадобится маскировка. Также понял, что нужно обзавестись новым ноутбуком, а от старого избавиться. Я сбросил его в канализационный люк и отправился по магазинам. Рискованный вариант, но мне было плевать. По крайней мере, в тот момент.

Первым делом зашёл в магазин электроники и приобрёл себе недорогой ноутбук. Он понадобится, чтобы читать информацию в интернете, поэтому было правильным решением не тратить много денег на него. Мой бюджет максимально ограничен. Затем я купил нам два

чёрных пальто, длинную чуть ниже пояса, и две шляпы. Позже ещё прикупил очки. Знаю, я плох в маскировке и, по сути, взял то, что видел в кино. Только потом, после примерки, я осознал, что такой вид привлекает ещё больше внимания.

После покупок зашёл в кафе, чтобы перекусить. Заказал себе порцию супа, салат из крабов и пюре с тефтелями. Плотно поел, но когда попытался встать, кокаин, который уже давно во мне растворился, стал давать о себе знать. Началась моментальная ломка. Я покрылся потом, лицо наверняка стало красное, и мне было тяжело устоять на ногах.

В результате я все-таки упал, пока шёл в сторону места, которое стало нашим новым домом. Пакеты с вещами упали на меня сверху. Не знаю, на чем я лежал, но было очень неприятно. И в один момент ко мне подошёл мужчина. В голове мелькнула мысль, что теперь мне стоит опасаться людей, но высокий человек с переломанным носом и с газетой в руках протянул мне руку.

— Не ушибся? — Ласково произнёс незнакомец, поднимая меня на ноги.

Я отрицательно кивнул, и он попытался завязать со мной беседу. В ней не было ничего интересного за исключением последнего, что он мне сказал.

— Ты уже брал себе новый выпуск? — Сказал незнакомец, показывая пальцем на газету. — Уже известно, что эти двое совершили более двухсот преступлений.

Я простоял почти минуту, смотря вслед незнакомцу. «Больше двухсот преступлений». Я повторял это себе раз за разом. Даже мне казалось, едва вероятным. Но это не уменьшало мое стремление. Кажется, теперь моя жизнь по-настоящему обрела хоть какой-то смысл. Я подумал, что, узнав об этом, Рейнбол захочет выпить, и побежал за пивом.

— Я не хочу пить. — Твердо ответил мой друг.

— Ну, почемуууууу? — Рейн заглянул в пакет с вещами, что я приобрёл.

— Что за идиотский наряд ты взял? — Спросил он, скрутив свою недовольную гримасу.

— Нам нужна маскировка. Неприметный вид, чтобы никто не узнал нас и ничего не заподозрил.

— С каких пор люди в черном стали незаметными?

— Расслабься. — Я достал пиво и, открыв его, уселся на диван. Затем с небольшой надеждой в глазах посмотрел на товарища. Он закурил. Я не говорил, что в этом помещении можно курить, но боюсь, его это мало волновало — Что ты надумал, пока меня не было?

— Все, что мы можем — это либо помереть, либо попытаться поиграть перед смертью. Умирать, однако, больно скучно. А раз мы все равно к этому придём, причем скорее раньше, чем позже, то можно повеселиться. Но боюсь, на раскрытие всех преступлений могут уйти годы. Думаю, можно было бы остановиться на первых десяти. Тем более, большую часть раскроют и без нашей помощи. Тогда заниматься такими делами уже будет бессмысленно. Ты уверен, что память не вернётся?

— Абсолютно. — Утвердил я.

— Хорошо. Тогда давай рассказывай, что у тебя там в блокноте.

«Собрание мертвых»

Я рассказал Рейну, что в моем блокноте было лишь написано пару имён и было название «Собрание Мертвых». Это не первое дело, что было в списке, но меня зацепило название. Очевидно, моему другу оно тоже понравилось, вот только не было понятно, что оно значит. Первым делом, по просьбе Рейна, я проверил в интернете, разобралась ли с этим делом полиция. Но оказалось, что они зашли в тупик и даже еще не знали, что мы в этом замешаны. Зато нас заподозрили в соучастии простые пользователи интернета, о которых я говорил ранее.

Анри, Нэнси и Джон. Эти имена были записаны в блокноте. Этой информации было максимально недостаточно. Ранее ни я, ни мой друг никогда не общались с людьми с этими именами.

— Нашёл. — Начал я. — Анри Льюис. Похоже, наши фанаты уже заподозрили, что мы как-то связаны с ее убийством. Появились любители, которые следят за нашими действиями. Мы теперь — целый культ этого поколения. Правда, боюсь, они могли присвоить нам не только наши заслуги.

— Согласен. — Сказал Рейн, откатившись на спинку дивана. — Сейчас кто угодно может совершать преступление и маскировать его так, якобы его совершили мы. Это не важно, у нас ведь имя в блокноте. Расскажи о ней.

— Я зашел в её социальные сети. Друзей не много, парня нет. Она работала в музее искусства. Проводила экскурсии для местных любителей и туристов. Ей двадцать четыре года. Закончила художественный колледж и сразу пошла работать.

— Где была убита?

— На мосту, — ответил я. — Зарезана ножом по горлу. Затем сброшена с моста на землю. Тело уже захоронили.

— Наши поклонники уже успели что-то выяснить?

— Нет. Наверное, им мешает полиция. И я не думал, что тебе это будет интересно. Ты же всегда любил действовать в одиночку. Даже со мной почти никогда не делился рассказами о работе.

— Отказываться от чужого мнения в нашем положении чревато лишними заботами. К тому же, нам нужно начать это все так, чтобы была возможность адаптироваться.

— Ну что ж, ясно. У тебя есть версия?

— Ты издеваешься? Я по-другому работаю, Картер. Для версий нужно больше информации. Нам как минимум нужно поехать к этому мосту. А если сейчас начать строить догадки, то это детский уже лепет.

— Уверен? — С удивлением спросил я. — Если нас кто-то узнает, то сразу придет полиция, и вряд ли удастся скрыться. Почти наверняка им разрешено сразу стрелять в нас на поражение.

— Не о чем переживать, — сказал Рейн, вставая с дивана и надевая очки. — У нас же есть твоя крутая маскировка.

Мы отправились на тот мост, где убили некую Анри. Неважно, как именно мы связаны с этим делом, но раскрытие ее смерти явно будет подсказкой. На улице было не так холодно, чтобы носить те пальто, которые я купил, поэтому многие люди на нас засматривались. Рейнбол был прав, такой вид слишком подозрительный. Благо на мосту был ветер, и в

теплой одежде нам было не холодно. Но пришлось снять шляпы. Рейн смотрел куда-то вдаль, вниз на предположительно то место, куда упала девушка.

— Я знаю такой твой взгляд. Ты напряжен, верно? — Спросил я у товарища.

— Возможно, самую малость. Ты ведь и подумать не успел о том, что, возможно, ее убили мы.

Это правда. Такое мне в голову не приходило и сейчас насторожило. Но я понял, что нужно отвлечься, если я хочу, чтобы мой друг не передумал идти за собственными призраками.

— Что нужно делать? Как ты поступаешь в таких ситуациях? — Спросил я.

— Самое главное, научится задавать вопросы. Это, кстати, и повседневной жизни тоже касается. Во-первых, у нас нет данных полицейского отчета, поэтому придётся воспринимать слова наших поклонников в интернете, как истину. Им известно, что девушка была сначала зарезана, а потом сброшена. Высота этого места около сорока пяти футов. Проще было бы ее столкнуть вниз, и тогда все могло бы выглядеть как несчастный случай или самоубийство. Но вместо этого, чтобы не рисковать, убийца сначала перерезает ей горло. Почему он поступил именно так?

— Не знаю. А тебе это о чем-то говорит?

— Конечно. Я видел много убийств и любой профи поступил бы менее опасным для себя способом. Я думаю, мы имеем дело вероятнее всего с новичком. Но другой стороны, вопросов еще больше. Ведь возможно, это маньяк. А еще, возможно убитая хорошо знала преступника, и он побоялся, что она выживет после падения.

— Круто, что ещё? — Спросил я.

— Почему ее убили именно здесь?

— Не знаю. Довольно безлюдное место. По крайней мере, вечером здесь немного машин.

— Дело не в этом. — Рейн закурил сигарету и в его глазах я увидел искры. Те самые, на которые рассчитывал с самого начала. — Машинам здесь останавливаться нельзя. Это бы привлекло внимание, потому что останавливаться здесь запрещено законом. Значит, убийца гулял здесь с ней. Или знал о том, что она гуляет по этому мосту и подкрался сзади, но тогда он вряд ли бы выбрал именно это место. Но есть факт в поддержку этой теории. В начале тротуара висела камера. Наверняка полиция об этом знает, и если бы убийца пришёл с девушкой, его бы опознали. Значит, он пришёл отдельно и, наверное, специально попытался не попасть под камеру. В любом случае, я думаю вероятнее это тот, кто не был ее близким, но зато знал, что она гуляет по мосту.

— Ты явно смотришь глубже, чем я.

— Наверное. — Согласился Рейн. — Путь к разгадке во многом лежит через мотивы. Если понять мотив преступления, то его становится легко разгадать.

— И что теперь нам нужно делать?

— Нужно понять мотив и узнать как можно больше об этой девчонке. Я пойду, пообщаюсь с ее сотрудниками по работе. А ты найди ее друзей. Представляйся частным сыщиком. Ищи мотив и связь с другими именами. Попробуй найти Джона.

На этом мы разошлись в разные стороны моста. Я посмотрел ее друзей в социальных сетях, и, выбрав одну симпатичную девчонку, отправился к ней. Путь выбрал через дворы, избегая толп людей и машин. Наверняка за нашу поимку назначена награда, и больше всего я боялся, чтобы меня не узнала та самая красотка. Рейнбол, к слову, был очень спокойным. Я

знал, почему он спокоен. Ему не так плохо, как должно быть, по той же причине, что и мне. Нечего терять. Нет семьи, близких связей, друзей. У него была только работа. У меня только лаборатория. Даже в случае смерти мы едва что теряем. Его родители, конечно, еще живы, но, насколько мне известно, он перестал с ними поддерживать связь еще в детстве. А я все детство рос с матерью, и день ее смерти стал самым лучшим днем в моей жизни.

Есть одно местечко. Старая железная дорога. Она давно заброшена, уже все проросло природой. Я решил скоротать путь через неё и по пути позвонил девчонке. Ее звали Ванесса. Приятный голос так и манил меня к ней. Она без проблем согласилась на встречу. Но эти рельсы были не совсем по пути. Я пришёл туда по другой причине. Мы теперь преступники, и нам нужно иметь одну соответствующую вещь. Я хотел купить оружие, чтобы чувствовать себя защищенным. Моя мать всегда говорила, что лучше иметь его, чем нуждаться в нем, поэтому всегда засыпала, храня под подушкой полностью заряженный тридцать восьмой. У нее была паранойя и не без причины.

Рядом с заброшенной остановкой постоянно общивались парни, которые продавали наркотики. Честно говоря, мне и самому показалось, что пистолет — это оправдание. Мы договаривались по дороге к мосту с Рейном, что я постараюсь не принимать наркотики, но таких разговоров у нас уже было довольно много, и никогда они не давали ожидаемого результата. И если с героином я ещё могу попробовать попроситься, то чтобы попроситься со всем вместе, нужно время. После покупки пистолета я ещё набрал себе таблеток. Парочку выпил сразу и отправился к Ванессе.

Я влюбился. Не в прямом, конечно, смысле, но красота этой девицы заставила меня забыть цель, с которой я пришёл к ней. Роскошные волосы, взгляд, длинные ноги. Я это обожал. Мы сели за летний столик в одном кафе. Наверное, ей показалось странным, что я в очках и в шляпе, но я решил, что лучше не снимать их. Представился частным детективом, которому якобы заплатили родители погибшей Анри. Она оказалась любопытной. Сразу стала расспрашивать, мол, что я думаю и кого подозреваю. Благо, все вопросы можно обломать фразой: «Я обязан сохранять конфиденциальность».

Она немного рассказала про Анри. Девушкой была замкнутой. Почти не общалась с людьми вживую. Парня не было, рисовала. По мосту прогуливалась каждый день и всегда одна. Об этом знал каждый, что делало круг подозреваемых, как по мне, все шире и шире. Анри училась в художественном колледже и отлично разбиралась в живописи. Большого подруга о ней не знала. И, судя по ее спокойствию, они почти не общались. Я уже было подумал, что мне нечего спрашивать, как вдруг вспомнил, что ещё просил Рейн. Узнать связь с другими именами. Но не успел задать этот вопрос, как мне понадобилось срочно отойти в туалет.

Дюжина людей в самом кафе наблюдали, как несколько раз я упал по дороге в уборную. Во второй раз встать уже оказалось слишком сложно, и я в неё заполз. Там умылся и понял, что слишком хреново себя чувствую. В запрятанном кармашке пальто еще оставалась маленькая доза, и игла нашлась.

В общем, вышел из туалета я полным энергии и заказал нам на столик еды и мартини для красоты. Мы с ней заболтались о ее жизни и ее проблемах. Это было очень даже мило, и я чувствовал себя очень комфортно. Затем официант принес ей стаканчик мартини, и она дала мне глоток. Перед тем, как это сделать, я спросил, знакомо ли ей имя Нэнси. Пока я делал глоток, Ванесса объяснила, что Нэнси была подругой Анри, и была потому, что она тоже умерла, незадолго после неё. В этот момент мартини выплеснуло у меня изо рта прямо

на красивое платье Ванессы. Я начал извиняться, но она взяла вину на себя, оправдав меня тем, что стоило сказать об этом раньше. До того, как я начал делать глоток, например.

Ванесса не знала подробности смерти Нэнси, потому что не знала её саму. Но я был более чем уверен, что её тоже убили. И так загорелся рассказать об этом Рейнболу, что и позабыл о девчонке напротив. Хотя и находился я не совсем в том положении, чтобы заводить с кем-то знакомства. Короче, я позвонил другу, но тот сказал, что мы обсудим все подробности, когда окажемся дома.

Я приехал на пару часов раньше Рейна. Все это время сидел за ноутбуком и смотрел новости о нас самих. Весь интернет был полон информации, но не было ничего полезного. Зато я узнал, что нас внесли в Интерпол и что правительству известно о том, что мы являлись в основном соучастниками преступлений. Большинство преступников уже были пойманы и в суде предоставляли разного рода доказательства того, что мы подсказывали план действий. Также было пару видео с нашим участием. В основном, в них был я, и я входил в магазины, разбивая витрины и ломая двери. Ума не приложу, как у нас это все получилось. Как не поймала полиция так быстро, как должна была. И почему, в конце концов, поймали Рейна, а не меня или нас обоих. В голове родилась идея, что созданный мною наркотик сильно улучшал работоспособность мозга и базовые функции человека.

Мой друг вернулся домой и напугал меня своим видом. Царапины на лице и руки в крови. Но взмахом руки Рейн дал понять, что он в порядке и тогда он упёрся рукой о стену и дал себе время отдышаться. Явно домой вернулся бегом. Только спустя пару минут он ушел в уборную. Там не было ванной, но был умывальник, в котором он умылся. Вернувшись, сел на диван. Я поставил стульчик напротив и тоже уселся.

— Ты что-то выяснил? — Спросил он, дотрагиваясь до пепельницы и прикуривая сигарету.

— Может, сначала расскажешь, что стряслось с тобой?

— Небольшая проблема. Стоило сразу предположить, что мы нанесли вред многим людям, и одними из таких людей, могут быть те, кто захотят отомстить.

— Тебя преследовал киллер? — Спросил я.

— Да. Он сначала попытался сделать все тихо с помощью ножа, но у него не вышло. Лишь задел немного мою руку, но ничего серьёзного. И тогда он еще пострелял по мне, но попасть тоже не удалось. За остальную кровь не волнуйся, я убежал, и в один момент скатился по склону. Поцарапал себя об ветки кустов.

— Выходит, это не профессиональный убийца?

— Он легко предугадывал то, куда я пытался скрыться, и я несколько раз его не замечал. Пускай он меня и не грохнул, но парень хорош. Не удивлюсь, если у него на затылке штрих-код.

— Понял. — Я был рад, что с моим другом все в порядке. Но сам факт того, что нам угрожала дополнительная опасность, сильно настораживал.

— Теперь будет немного безопаснее. Ты ведь купил пистолет.

— Откуда ты знаешь? — Удивился я.

— Увидел его очертания под твоими джинсами. Лучше носи его в пальто.

— Ладно. В моем блокноте было имя «Нэнси». Это подруга убитой, и эта девушка тоже мертва. Я общался с подругой Анри по имени Ванесса. Но, к сожалению, она плохо знала ее и совсем не знала Нэнси. Мне немного удалось нарыть. Знаю, ты не любил обсуждать свои дела. Но тебе ведь нужно мое мнение?

— Конечно. Я люблю рассуждать один, но взгляд со стороны зачастую оказывается полезным. — Я был рад это услышать от своего друга. Он дал мне зеленый свет на обсуждения всех преступлений. Просто, на самом деле, раньше трудно было из него вытаскивать подробности разных дел. Он не любил о них трепаться и злился каждый раз, как я пытался влезть в его жизнь.

— Я не нашёл Нэнси в списке друзей у Анри в социальных сетях. Могу предположить, что Нэнси не хотела, чтобы её подозревали. А попытка себя скрыть говорит о её прямой связи со смертью подруги. Думаю, моя версия получит крепкий фундамент, если окажется, что Нэнси совершила самоубийство.

Мой друг достал из-под дивана две бутылки пива и кинул мне одну.

— Более вероятно то, что они поссорились перед смертью. И что обе были убиты.

— И почему же это более вероятно? — Спросил я.

— Потому что оба имени у тебя в блокноте, под надписью «собрание мертвых». Наверняка ты дал такое название потому, что все, кто там перечислены — мертвы. И вряд ли по своей воле.

Мне и в голову это не приходило, но звучало очень даже логично. Наверняка я так и сделал. И это только все усложнило, ведь теперь у нас несколько смертей, в которых нужно разобраться.

— Ты что-то смог узнать? И в какой момент ты столкнулся с киллером? — Спросил я.

— Я был в музее. Анри в нем работала. Рассказывала про всякие отрасли искусства. Старинные картины, книги. Решил выйти покурить и наткнулся на кучу манекенов, лежащих возле мусорного бака. Штук десять, не меньше. Засмотрелся на них и увидел этого человека. По его взгляду уже было все ясно. А затем уже заметил в его руке нож. Не знаю, как он меня вычислил.

— Спрашивал у сотрудников о ней?

— Да. Но она почти ни с кем не общалась из них. Так что врагов там нажить себе точно не могла.

— У тебя уже есть версия?

— Да, есть парочку. Займемся этим завтра, нужно хорошо все обдумать.

Рейнбол сидел на диване, скрестив руки и закрыв глаза. Он погрузился глубоко в свои мысли. Наверное, обдумывал свои версии. Он всегда мне говорил, что хорошая фантазия — это залог эффективности в раскрытии преступлений. Потому что можно достоверно представить все варианты того, что могло произойти, и работать над ними. Вероятнее всего именно в таком темпе мы и будем действовать.

Тем временем я думал о том, что все-таки обеспокоен киллером, который напал на моего друга. Пускай ничего страшного не произошло, но Рейн такой же беспечный, как и я. Кажется, он легко может провоцировать свою собственную смерть через риск и неосторожность. С другой стороны, я знал, на что он способен.

Но как только представлял, что с ним может что-то случиться, сразу становилось дурно. Дело не в том, что я чувствовал себя ответственным за него. Просто в этом мире никого другого у меня не осталось. И получается, не смотря на мою вину в нашей ситуации, он все равно рядом. Едва ли бы кто-то другой мог поступить бы так же. Но Рейн не отворачивался от меня, не смотря ни на что. Поэтому он стал мне дорог как товарищ. Ладно, возможно я вру сам себе. Все-таки чувствую ответственность, несмотря на то, что он всегда был как будто мой опекун.

На улице начался сильный дождь. Я смотрел на улицу, отодвинув шторку от маленького окна. В голову пришла мысль что возможно, этот киллер мог проследить за Рейнболом и находится где-то рядом. Я взял пистолет, надел в пальто и вышел на улицу. В любом случае мне хотелось пробежаться, чтобы выплеснуть все мысли с головы. А бег с этим справляется почти так же хорошо, как наркотики.

Вышел на улицу и тут же побежал по мостовой. Дождь бил по лицу, а молнии освещали темные улицы. Я старался как можно меньше оглядываться, чтобы не привлекать к себе внимание. Но за 20 минут бега так никого и не увидел.

Тогда я встал около подъезда и закурил сигарету. Наверное, после такой пробежки под дождем, немного заболело, но это не пугало. А вот что действительно напугало, так это девчонка, которую я обнаружил неподалёку. Она стояла, упершись спиной об дерево. Я подумал, что, возможно, убийца попросил её следить за мной, но тут же понял, что звучит это немного глупо.

А напугала меня сама внезапность её присутствия. Казалось, что она взялась ниоткуда и смотрела прямо на меня. Я решил подойти к ней поближе и попробовать заговорить. Машинально засунул руку в пальто и держал пистолет. Затем спросил, ждёт ли она кого-то. На что не получил ответа. Девушка спрятала лицо за капюшоном и старалась не смотреть в мои глаза. Все выглядело еще подозрительнее, чем сначала. Тогда я повторил вопрос в надежде получить ответ и сжал пистолет в руке еще сильнее. Но вместо этого в мое лицо прилетело облако газа из перцового баллончика. Я упал на колени и стал кашлять. Слезы текли, и я не мог успокоиться почти минуту. Когда стало легче, девчонки уже и видно не было. Правильно поступила на самом деле. Я бы на ее месте сделал бы точно так же, если бы ночью в темноте подошел незнакомец. После этого вернулся в дом и попытался умыться, что вообще-то оказалось глупым решением. От воды глаза стали печь еще сильнее. Рейн все так же неподвижно сидел на диване, скрестив руки. Но когда я заварил чай, он тут же открыл глаза и обратился ко мне.

— Что с тобой? — Видимо у меня ещё слезились глаза.

— Не люблю дождь, просто он сковывает слезы. — Ответил с шуткой я и посмеялся.

— Ходил на улицу убедиться, что я не привёл убийцу с собой?

— Ты очень догадливый. Или я слишком предсказуемый. Но да, за этим я и ходил. Все отлично, его там нет. Это намного лучше, чем, если бы пришлось от него отбиваться.

— Ну да, не считая убийц, поездка Кеннеди была просто отличной. — Я снова от души посмеялся и подвинул чашку чая к своему другу.

— Возле дома стояла девчонка. Я подошёл к ней, и она брызнула мне в лицо перцовым баллончиком. Надеюсь, эффект скоро полностью пройдёт. Но это, наверное, неважно.

— Да, ты прав. — Ответил Рейн. — Это не важно.

Какое то время я мониторил интернет. Но ничего интересного для себя так и не нашёл. Затем посмотрел на свои пробирки. Правда, к сожалению, у меня совсем не было настроения проводить разного рода опыты. И тогда я решил попробовать поболтать с Рейнболом. И это было не зря. Мы болтали почти всю ночь, и это подняло мне настроение. И моему другу, наверное, тоже.

— Ты ведь любил свою работу? — Спросил я у него.

— Я люблю загадки. На такие вопросы довольно сложно отвечать, ведь почти всегда нужно конкретизировать.

— Почему всегда?

— Ну, я не любил заполнять бумаги. Иногда чисто признательного текста бывало на сорок страниц. Не любил общаться с глупцами

— Да уж. Хладнокровное отношение — это, видимо, залог успеха. Ты ведь считаешь, что сантименты лишь мешают в любой области. Но ты любил делать то, что делал и такую любовь, похоже, не нужно объяснять.

— Любую любовь порой нужно объяснять. — Рейн откатился на спинку дивана и закурил сигарету, не отводя от меня глаз. — Человек говорит, что он любит природу. То есть, он любит, когда ураганы сносят дома и убивают людей? Нет, конечно, нет, но понимать можно по-разному. С другой стороны, люди, которые стали жертвами катаклизма, скажут, что не любят природу. Но на деле им нравится ходить по горам, купаться в море и нюхать фиалки. Если они, конечно, не верующие.

— А что меняется, если они верят в бога? — Спросил я.

— Ты в курсе, что больше всего верующих в бедных странах. За исключением, конечно, США. Мы умудряемся совмещать. Но в целом логика проста. Верующий человек, вероятнее всего, будет считать, что он не мог повлиять на ситуацию. Что то, что он получил, это воля божья. Что он этого заслужил. Есть люди, которые говорят, что доверяют другим. И говорят, что нужно любить всех окружающих. И что это значит? У этих людей нет замков на домах или они, когда видят бездомного, ведут его домой, чтобы накормить? Даже звучит смешно.

— И что же ты любишь в своём деле?

— Я люблю процесс раздумий. Это единственное, что доставляет мне удовольствие. Поэтому я и согласился разгадывать совершенные нами преступления вместо того, чтобы пойти на эшафот.

— То есть, едва ли что-то имеет смысл, и лучше выдать максимум удовольствия, чем просто принять смерть?

— Естественно. — Ответил Рейн. — Мы все равно получим своё, рано или поздно.

Мне нравилась позиция моего друга. Она была схожа с моей, но если судить объективно, то мы выглядели как дети, которые решили избежать ответственности. И плевать на последствия. Я знал, что Рейнбол не общается со своей семьёй уже очень давно. Поэтому у него тоже остался только я и загадки, которые приносят ему удовольствие. Наши последние загадки.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Картер, — начал мой друг. — И ты абсолютно прав. Нам едва ли важны жизни людей и, как я понимаю, мы оба не чувствуем вины за содеянное. И даже если бы помнили, все равно было бы плевать. Поэтому, если тебе кажется, что мы психи, то ты абсолютно прав.

— Психи? Вот кем ты нас считаешь? — Спросил я. — Но в целом, с этим трудно поспорить. И раз мы уже начали светскую беседу, и ты немного рассказал о себе, то будь добр, расскажи о своём первом деле. Мне всегда было интересно, с чего все началось. В интернете пишут, что твоя статистика удивляла начальство. Раскрыто больше дел, чем у кого-либо во всем штате.

— Я никому не рассказывал об этом, но, похоже, никому и не смогу. Поэтому незачем уносить это в могилу. — Взгляд Рейна и его выражение лица, говорили мне о том, что мне удалось поласкать его самооценку. — Мне было 12 лет, — продолжил он. — Я жил со своей семьёй в Британии. Отец, мать, брат и сестра. Оба младшие. На два и три года. Я ходил в младшую школу. Помню, прихожу домой после учебы, кладу в углу кухни портфель и кричу, что я дома. Но никто не отзывается в ответ. Захожу в гостиную и вижу заплаканные глаза

мамы и шокированное лицо моего отца. — Рейн закурил сигарету. Похоже, ему не просто было рассказывать об этом всем. — В общем, пришел полицейский и сообщил, что моего брата нашли мертвым недалеко от дома. Его убили тупым предметом по голове. Спустя недолгое время стали расспрашивать всех одноклассников. Ничего не украдено, поэтому подозревали тех, с кем он общался. Родители начали много пить. Подсели на успокоительные таблетки, потому что только с ними могли работать. Меня записали к психологу. И тогда я поклялся себе, что найду того, кто это сделал. У отца был гараж, в котором я занялся раскрытием смерти брата. Сначала купил большую карту города на барахолке и постелил её на весь стол. Убили тупым предметом. Я отправился на место, где нашли моего брата. На полу нашел немного остатков от красного камня. Красный кирпич. Тогда я понял, чем его убили, и отправился в полицию, где мне сказали, что предмет убийства не найдёт. Тогда я начал отмечать на карте все возможные места, куда его можно было спрятать. С кирпичом бы далеко по улице не ушли, поэтому я округлил возможную местность. Тогда впервые начал курить. Сигарету за сигаретой, пока сидел один в гараже на старом кресле, перебирая разные теории. И спустя две недели поисков по мусорным бакам, гуляя везде с лопатой, я увидел, как кто-то пытался вырыть яму возле одного дерева. Наверное, это была интуиция. Потому что, раскопав ещё немного, я нашел камень, которым был убит мой брат. И тогда стали ясными три вещи. Тот, кто это сделал — идиот. Серьёзно, что может быть тупее, чем закапывать кирпич, которым ты убил ребенка? Вот и я так подумал. Затем я обратил внимание, что в крови был не только сам камень, а и земля вокруг. И также я сильно поранил руку о стекло, пока его доставал. Меня осенило. Тот, кто его здесь закопал, поранился точно так же, как это сделал я. Но мне стало страшно относить улики в полицию, потому что там все было в моей крови. Боялся, что меня заподозрят. И мне пришлось все спрятать. Затем отправился к одноклассникам моего брата, и заставил их показать свои руки и ноги. Я искал хоть какой-то намёк на царапину, но так ничего и не нашёл. А учитель этого класса доложил на меня директору. Тот доложил родителям и вот, ко всему остальному, я был ещё и наказан. И тогда я снова сел в гараже и пытался понять, кого же ещё можно подозревать из друзей моего брата. По какой-то причине было очевидно, что убийца — не человек, проходящий мимо, а именно тот, кто знал брата. Помимо одноклассников, друзей было трое, но на похоронах они ходили, не хромя, и руки чистые. Тогда я не спал несколько ночей. Карманных денег не было и пришлось украсть сигареты у друга отца. Сестренка сидела напротив меня, чтобы смотреть в зазор двери, дабы меня никто не увидел. И тогда я заметил пять кирпичей в гараже у отца. И выглядели они так, как будто одного не хватает. И тогда мой взгляд автоматически перевелся на сестру. Она махала босыми ногами, сидя на стуле и на одной ноге я увидел глубокий шрам. Свежий шрам, идентичный тому, который остался у меня на руке. Было много проблем после этого. Особенно у моих родителей. Но денег было достаточно, чтобы оставить меня под своей опекой. И тогда я понял, что люблю загадки. После решения, я осознал, что мне больше не больно от смерти брата. Я как будто выполнил свой долг и расслабился. Всю мою жизнь становилось легче после того, как находил ответы.

На этой ноте Рейн закончил свою историю. Признаться, она меня поразила.

— Тогда ты начал становится таким, какой есть сейчас. Ты вспоминаешь о них? Имею в виду сестру и брата. И где она сейчас? В тюрьме? — Спросил я.

— На сегодня хватит. Не ройся у меня в голове, Картер. Не то выроешь себе в ней могилу.

После этого мы долгое время молчали и слушали, как дождь за окном бил по дороге и по подоконникам. Наконец-то мой друг открылся передо мной. Я и сам с тяжелой историей, но моя не сравнится с его. Нет, я не чувствовал зависть. Я восхищался. Не смотря ни на что, этот человек добился и получил то, чего хотел. Не сдался, как это сделали его родители. Как в свое время это сделал я. Наверняка, он перестал с ними общаться именно из-за того, что им было больно. Этот человек всегда поражал меня. И так мы и просидели почти всю ночь, слушая каждый самого себя, в объятиях тьмы.

«Дуратский случай»

Прошло около двух недель с того момента, как мы нашли первые улики.

Пришлось на какое-то время залечь на дно. Уж больно много людей заинтересовалось нашей поимкой. Кругом висели наши фотографии, и была обещана награда за любую информацию.

Однако это не помешало мне познакомиться анонимно с одной девчонкой в интернете. Мы договорились о встрече, и в результате прогуляли с ней более трех часов. Её звали Эбби. Красива и умна. Не высокого роста, с каштановыми короткими волосами. Я рассказывал о себе, который был раньше. Про любовь к химии и про отсутствие желания находить официальную работу. Однажды я слышал о том, что нужно выбрать для себя ту работу, которую ты бы выбрал, если бы работа была тебе не нужна. Но мне нравилось только торчать в своей маленькой лаборатории.

В свою очередь Эбби рассказала, что учится в театральном, на актрису. Параллельно учит точные науки и занимается танцами. Сама по себе амбициозная и незаурядная дама. А больше всего мне понравились ее манеры речи и жестикуляция. У неё явно талант потому что, когда она начинала говорить, все вокруг меня замирало. А когда мы смотрели друг другу в глаза, я как будто видел спасение от своего одиночества. Голубые глаза так и отдавали теплом. Как принцессы в сказках.

На улице было прохладно, но что-то внутри согревало меня. К сожалению, моему счастью не суждено было длиться долго. Мы встретились с Рейном, и по его голосу, я понял, что он куда-то спешит, и ему нужен я.

Но он не звал меня. Вместо этого мы начали гулять и болтать втроём. Рейн рассказывал какие-то сказки о себе, а Эбби, в свою очередь, о себе. Она рассказывала о том, как каждое утро, перед тем как прийти на учебу, кормит собак на улице, что гуляют возле её дома. Но взгляд моего друга был недовольным после этого заявления. Очевидно, ему не нравилось проявление доброты. Увидев свет в глазах этой девушки, я осознал, насколько холоден мой друг.

Спустя ещё полчаса прогулки, ребята заговорили о чём-то, пока я отвлекся на птиц.

— То есть, ты и вправду думаешь, что бесполезно показывать человеку ошибки, даже если он их сам не видит? — Спросила Эбби, обращаясь к Рейнболу.

— Конечно. — Ответил он. — Это ничего не изменит, сколько не пытайся. Люди и сами видят свои ошибки, но сами предпочитают с ними ничего не делать. Я бы даже мог доказать это на тебе.

— Пожалуй, не стоит. — Сказал я и посмотрел на своего друга, нахмутив брови. Я знал, чем это обычно заканчивается.

Но девчонка явно заинтересовалась тем, что имел в виду Рейн. А я чувствовал, что ему не стоит этого делать.

— Не могла бы ты подойти ближе и дыхнуть мне в нос? — Спросил он.

— Зачем? — Вполне естественный вопрос задала Эбби

— Чтобы я мог убедиться, что у тебя очень неприятный запах изо рта.

— Но я чищу зубы! — Вскричала она.

— Несомненно, чистишь. Вот только запах все равно есть. У тебя с собой две упаковки жвачки и освежитель дыхания. Пользуешься и тем и другим, чтобы убрать запах. Думаю,

жвачки тебе не помогали, и ты поняла, что дешевле покупать раз в неделю освежитель, чем постоянно брать себе новую пачку. Значит, это уже давно. Что же это может быть? Я бы мог предположить курение, но едва ли это возможно. Только если бы курила очень много. Но тогда ты бы уже успела покурить, пока мы гуляем. Есть ещё пару вариантов, но я осмелюсь предположить самый интересный. — Взгляд моего друга был прикован к девчонке. А она показалась мне резко напуганной. Будто бы он загнал мышь в угол и продолжил объяснять, — я думаю, это булимия. Ты блюешь все, что кушаешь. Подсказка этому тот факт, что ты кормишь собак. Это не проявление доброты. Ты просто отдаёшь им ту еду, что дают тебе родители на учебу. Я ведь прав? — Девчонка кивнула. — Что же. Даже если бы я сказал тебе, что у тебя отличные бедра. Что у тебя красивые ноги и прекрасное тело. Если бы тебе об этом сказали сотни людей. Разве это изменило бы что-то? Уверен, что нет.

На этом прогулка закончилась. Эбби поблагодарила за проведённое с ней время, обняла меня и сказала, что ей пора идти.

— Ну, и зачем ты ее обидел? — В злости спросил я, обращаясь к Рейнболу.

— Если бы не обидел, ты бы остаток дня думал о том, как было бы хорошо с ней переспать. А теперь ты весь мой.

Я определенно зол. Можно было просто забрать меня. И, похоже, Рейн мою злость уловил.

— Ты такой злой, когда тебе не дали. — С насмешкой повторил он несколько раз.

Я промолчал. Рейн рассказал о том, что полиция прекратила наведываться в дом убитой Анри. И теперь он хочет пробраться туда, чтобы собрать больше информации. Мы отправились к нему.

Если быть точным, это был не дом, а квартира на втором этаже небольшого здания. Окна и наружные стены были укрыты растениями. Мне всегда нравилось, как это выглядит.

Здание находилось на улице, где было полно людей. Хоть мы и были спрятаны в мой незаменимый камуфляж, оставаться на улице было опасно. Благо, вход к квартирам находился со стороны двора. Рейн оставил меня снизу, пока сам поднялся к двери Анри. Он велел мне оставаться снизу и приглядывать, чтобы никто не заходил. И если кто-то зайдёт, то немедленно позвонить ему. Думаю прямо в этот момент, Рейн пытался взломать замок подручными средствами. На случай, если не получится, я дал ему небольшой баллон с жидким азотом. Вряд ли, конечно, выйдет заморозить замок изнутри и сломать, но можно хотя бы попытаться.

Я, конечно, был рад, что мы снова занялись делом, и это удаляло скуку. Но я не мог выкинуть Эбби из своей головы. Она безумно прекрасна, но как же я не смог увидеть того, что увидел мой друг. Мне не давало покоя, что такая чудесная девушка терзает себя выдуманной не красотой и всякого рода комплексами. Пожалуй, я злился на Рейнбола из-за того, что он сделал явно хуже для неё. Но в голову не приходило идей, как ей помочь. Можно было бы попробовать заставить её посетить психолога, но я где-то слышал, что это поможет, только если осознавать проблему и хотеть желать её решения. Чего она явно не делает, ведь тогда сама бы уже обратилась за помощью. А с другой стороны, я сообщник с кучей противозаконных деяний, и глупо надеяться, что у нас бы с ней что-то вышло. Похоже, получается, что я попытался бы ей помочь только в том случае, если бы был шанс быть с ней. От этой мысли у меня невольно промелькнула улыбка на лице. Выходит Рейн всегда был прав на счёт желания доброты. Я бы даже это делал с надеждой на возврат чего-то другого.

Пока я спорил сам с собой, прошло уже около двадцати минут, а Рейн все никак не выходил. Я уже стал немного переживать, несмотря на то, что понимал, что ничего случиться не может. Однако спустя какое-то время, я все-таки увидел своего друга. Но его вид меня напугал. Когда он подошёл поближе, я увидел кровь, которая застыла у него на шее. Он схватил меня за пальто и приказал как можно быстрее уходить. Я, было, подумал, что его заметили соседи и избили, но как оказалось позже, ошибся.

Мы пришли в парк. Выбрали место, где почти никогда не бывает людей, и сели на лавочку. Мой друг рассказал, что он немного успел рассмотреть квартиру, как вдруг ему прилетел очень сильный удар по голове. Он потерял сознание, упав на пол. А когда очнулся, то понял, что в доме никого, кроме него, нет. И тогда он вышел на улицу и, как результат, забыл почти все, что видел. Включая и нападавшего.

Нам обоим казалось странным, что его не убили или не вызвали полицию. Просто ударили. Как будто предупредили о том, что посторонним там нельзя находиться. И в итоге, все больше и больше вопросов и никаких ответов.

От удара у Рейна началась сильная мигрень. Пришлось сходить ему за таблетками. Рана на голове была очень маленькой, поэтому я решил, что не нужно её зашивать. Просто продезинфицировал.

Мой друг, собравшись с мыслями, сказал, что нужно найти больше подробностей о смерти подружки убитой. О Нэнси. Вот только теперь это казалось более опасным. Но мы отправились к месту её убийства. Это произошло прямо рядом с её домом. На небольшом холме, с которого можно было бы увидеть окна дома убитой. Но, похоже, она жила с родителями. Поскольку именно со стороны этого холма, во дворе дома кто-то повесил полотно, чтобы не было видно окна. Думаю, это сделал отец или мать, поскольку им тяжело стало выглядывать за двор. Представить сложно, каково им сейчас. Моей матери уже нет в живых, однако, узнай она, что со мной случилось подобное, скорее, просто бы посмеялась. От этих мыслей я и сам невольно улыбнулся.

Рейнбол узнал, что Нэнси была убита выстрелом в спину. Так было написано в газете. На месте преступления мы ничего не нашли. Единственным вариантом было поговорить с её семьей. Но нам обоим было очевидно, что они этого не захотят.

Мы вернулись обратно в парк и взяли себе кофе. Меня начали брать сомнения, что мы справимся с этим делом. Боюсь, у нас может просто не хватить информации.

— Становится только сложнее, правда? — Поинтересовался я у друга.

— Несомненно, дело оказалось сложнее, чем я ожидал. — Ответил Рейн. — Но чем больше подробностей, тем лучше.

— У тебя уже есть теория?

— Несомненно. Она довольно резкая, но как по мне, более вероятная, чем остальные.

— Расскажи мне о ней. — Как только я попросил о рассказе, Рейн закурил сигарету. Это как всегда, хороший знак.

— Начнём с последнего. Меня ударили по голове, но не убили. Ты видел кого-то, кто входил или выходил?

— Нет, — ответил я.

— Отлично. Без сомнений, меня ударили, чтобы я не мог найти что-то, что дало бы путь к разгадке. Значит, в доме Анри сохранился компромат. Этот человек мог бы меня убить, но, видимо, побоялся, чтобы никто не нашел мой труп. Или видел меня с тобой. Ибо, в таком случае, полиции бы пришлось снова провести обыск, а это риск для убийцы. — Как по мне,

разъяснение было полностью логичным. Странно, что я и сам до конца это не понял.

— А как же он оттуда ушел? Тот, кто тебя ударил. — Спросил я.

— Наверняка он ушел через крышу или он живёт в одной из четырех квартир этажом выше. Думаю, сегодня попробуем прийти туда, когда стемнеет, и понаблюдаем. Мне кажется, этот человек меня узнал. Можешь считать это интуицией.

— И в чем же заключается твоя основная теория? — Некоторое время Рейн молчал, смотря вдаль. Наверное, собирался с мыслями.

— Только предупреждаю, теория и в правду резкая. Итак, Анри работала в музее и хорошо разбиралась в искусстве. Когда я пришел туда, то узнал, что в музее выставлена на продажу ваза, которую создал сам Леонардо да Винчи в пятнадцатом веке. Она оценивается в 10 миллионов долларов. И Анри было поручено рассказывать про эту вазу посетителям. Я думаю, ваза поддельная. Анри узнала об этом и поговорила с теми, кому она принадлежит. За это её и убрали. Затем её подруга, Нэнси, стала разбираться в смерти подруги и, как только убийцы осознали, что она представляет опасность, убрали и её тоже. Только представить не могу, как в этом могли быть замешаны мы. Самый страшный вариант, это конечно, что мы сами убили кого-то из них, но ты говорил, что в интернете нет ни единой информации о том, что мы хоть кого-то прикончили. Давали людям идеи, но сами оставались в тени. Возможно, это была наша с тобой идея насчёт этой вазы. Знаешь, эта теория скорее фантастична, чем реальна. Я рассказал её тебе, потому что это прикольно.

— Это гениально, Рейн. — Я был, правда, поражён такой теорией. Она объясняла все убийства. Хотя я и понимал, что звучит не до конца правдоподобно.

— Ты знаешь, как проверяют такие вещи на подлинность? — Спросил мой друг.

— Не знаю, как это делали раньше. Но сейчас, вероятнее всего, берут несколько атомов из объекта. Кажется, это чаще всего радий, если есть такая возможность. Каждый атом распадается за определенное время. Благодаря знаниям, сколько раз атом распался, можно узнать, сколько лет предмету. Не уверен, что это можно подделать. Может, ты подсказал, как эту вазу можно украсть?

— Она считалась не потерянной, а уничтоженной, и не просто так. Это почти исключено. Нужно будет собрать информацию о том, кто хозяин вазы. А сейчас давай вернемся домой, мне нужно отдохнуть.

Мы отправились домой. По дороге не говорили. Каждый был вовлечен в свои мысли. Поначалу я задумывался о той теории, что рассказал мой друг. Мне она казалась идеальной, но даже если представить, что эта теория верна, ума не приложу, как это подтвердить.

Затем мои мысли уплыли в другом направлении, я стал думать о Эбби. Нет, я точно не влюбился или вроде того. Но до нашего с Рейном происхождения я часто знакомился с дамами. Они позволяли мне не чувствовать себя одиноким. Даже более. Чаще всего, находясь рядом с девушкой, я становился хоть немного счастливым. Это помогало даже сильнее, чем наркотики, которых под вечер мне уже безумно не хватало. Но конкретно в этой даме было нечто особенное. И я знаю, что я еще недавно упоминал про Ванессу. Если начать разговор с моим другом об этом, то он скажет, что я так рассуждаю насчет каждой девушки на моем пути. И это, вероятно, и есть правда.

Мы вернулись домой. Рейн открыл дверь и зашёл первым.

— Картер! — Крикнул мой друг, пока я снимал с себя обувь. — Здесь кто-то был в наше отсутствие.

Я зашёл в комнату. Вещи и вправду были не на своих местах. Как будто у нас в доме что-

то искали. Рейн рассматривал все углы в нашем доме, чтобы убедиться, что здесь больше никого. Затем он взял в руки записку со стола. На ней написано «Я ждал вас».

— Что нам делать? — С небольшим страхом в голосе спросил я.

— Очевидно, он не может убить нас здесь. Боится привлечь внимания.

— Ты думаешь, это тот, кто напал на тебя?

— Несомненно. Попробуем выйти через крышу.

Взяв быстро ноутбук и пару вещей в портфель, мы поднялись на последний этаж. Там и вправду был люк на крышу. Но на нем висел небольшой замок. Сначала мой друг попытался его взломать, но за несколько минут у него так ничего и не вышло. Я облил замок жидким азотом, который брал с собой на всякий случай к дому Анри. Затем Рейн ударил по нему несколько раз моим термосом, и замок открылся. Мы вылезли на крышу и побежали к другому спуску. В таких домах, как этот, есть несколько выходов на крышу. В нашем случае это в первом и в последнем подъезде. В последнем замка не оказалось, и мы без проблем оказались в другой части дома.

Лучшей идеи, чем бежать, нам в голову не пришло. Мы мчались по дорогам среди людей. Приходилось наклонять голову и держать шляпу, чтобы нас никто не мог узнать. Но когда я обернулся, то увидел, как за нами бежит мужчина. С виду лет сорока, с кучей шрамов на лице. Он крупного телосложения и только своим видом внушал страх. Я пожалел, что не взял велосипед.

Взяв своего друга за рукав, я свернул в переулок. Мы забежали в кафе, и вышли с другой его стороны, наверняка напугав посетителей. Не знаю, сколько мы бежали, но все мои силы были на исходе. Легкие сжались, и болело внизу живота. Рейнбола тоже нельзя было назвать спортивным парнем. Ему было едва легче, чем мне.

Оборачиваясь назад, я понимал, что мы, возможно, оторвались, но если нет, то нас уже было бы легко поймать. И тогда я заметил автобус, на котором было написано, что он ездит в Мардив. Это очень маленький городок в тридцати милях от Вашингтона. Я махнул рукой водителю, и с невероятным успокоением мы сели внутрь. Однако спустя менее десяти секунд автобус остановился. Моё сердце начало биться так быстро, как никогда. Я был уверен, что сейчас зайдёт громила, который за нами гнался и убьёт нас прямо в автобусе. Но каково же было моё удивление, когда я увидел, как в автобус зашла Эбби.

— Какого черта? — Вслух произнёс мой друг.

Я тоже был удивлён. Эбби посмотрела на нас и села неподалёку. Она живёт в Вашингтоне и не говорила, что у неё где-то неподалёку есть родственники. Неужели решила поехать с нами? Это вызывало ряд вопросов.

— Наверное, увидела нас и решила поехать вместе. — Сказал я.

— Допустим. Но зачем? Может, она в заговоре с нашим преследователем.

— Нет уж. Это исключено. — Я, правда, был уверен, что это невозможно. Такой искренне чистый человек. За исключением булимии, конечно.

— Что же. Возможно, она знает, кто мы такие. И, кстати, могла понять, где мы живем, проследив за тобой или за нами обоими.

Мы ехали больше часа. Чем дальше от Вашингтона, тем спокойнее я себя чувствовал. Наша угроза осталась позади. Однако я не представлял, что нам делать дальше. Мы окажемся в маленьком городе. Без дома, с оставшимися двадцатью баксами и с запасом одежды на пару дней.

С одной стороны, от таких насыщенных событий и необдуманных поступков получаешь

удовольствие. Адреналин. Это настоящий природный кайф. Мне даже не хотелось наркотиков. В мозгу и без того была достаточная буря.

Я залез в свой дневник и стал его читать.

— Рейнбол, у меня отличные новости. — Почти вскричал я. — В этом городе тоже есть дело, связанное с нами.

— Что у тебя написано?

— Робби. Смерть. Красавица жена.

— Интересно. — Сказал мой друг. — Либо ты написал про его жену из-за твоего либидо. Либо это подказка. Можем попробовать с ней поговорить.

— Думаешь, она будет не против?

— Думаю, если будет против, то это ещё подозрительнее. И тогда мы что-то придумаем. А если ты её упомянул из-за желания переспать, я знаю, что подарю тебе на рождество. Что-то резиновое в коробке из Японии.

— На рождество? — С улыбкой спросил я. — Не уверен, что я до него дотерплю. А ты вроде его никогда не любил и подарков не делал.

— Ну, что ты. — Изменив свой голос, произнес Рейн. — Я всегда поклонялся Санте. Ой, не Санте, Сатане. Вечно путаю.

Мы оба засмеялись. От этого моё настроение улучшилось. Стало еще в разы спокойнее, и я перестал думать о том, что с нами будет. И всю оставшуюся дорогу я молчал, глядя на Эбби, которая в данный момент представляла для меня самую главную загадку.

Мы вышли с автобуса. Эбби молча вышла с нами и шла рядом. И когда мы дошли до места среди леса, где не было людей, из моего пальто Рейн выхватил пистолет. Он не целился в девушку, но держал пистолет на виду.

— Отвечай кратко и по существу, — произнёс он своим коронным басом. — Зачем ты поехала с нами? — Девушка явно растерялась и не знала что ответить.

— Мне просто стало интересно.

— Ты знаешь, кто мы такие? — Её глаза опустились в пол. Она явно испугалась и ответила, опустив голову вниз, будто смущаясь. — Да, знаю.

— Ты нас преследовала?

— Нет. — Ответила Эбби. — Точнее да... Но не для того, чтобы причинить вам вред. Можете считать меня сумасшедшей, но всем известно, что во время всех своих преступлений вы были под наркотиками, которые полностью парализовали ваш разум. Я поняла, что вы не виновны в своих действиях. Ну, почти. И потом поняла, что у вас и вовсе стерло память.

— Да уж, точно сумасшедшая. — Сказал Рейн.

— А как ты узнала, что у нас пропала память? — Спросил я.

— Мы уже с вами виделись. До того, как вас поймали. Вы познакомились со мной в кафе и очень странно себя вели. Как будто вами кто-то управлял. Как роботы. А затем вы, Картер, позвали меня на прогулку. Я подумала, что вы вспомнили и решили меня прикончить. Но все равно пошла. А вы и не вспомнили обо мне.

До меня резко дошло, что, когда я писал ей в социальной сети, она уже была у меня в друзьях. Но я совсем не обратил на это внимание.

— То есть, ты хочешь нам помочь? — Спросил я.

— Да. Я знаю, что вы все равно виноваты в том, что совершили. Но я читала о том, чем вы занимались до этого. Один из лучших детективов штата и возможно один из лучших химиков. Не знаю, что это был за наркотик, но полагаю, вы его сделали сами. Вы не были

злодеями. А, учитывая последствия того, что вы сделали, вы самые настоящие гении. Поэтому мне хочется вам помочь.

Мы с Рейном отошли в сторону.

— Сейчас было бы глупо от неё избавляться. — Сказал я. — Она знает, где мы, и с легкостью может заявить в полицию. Можно попробовать проверить её на верность. Нам ведь и вправду нужен человек, которого не ищет полиция. Она сможет собирать для нас информацию. — Рейн долго смотрел на Эбби, не отводя от неё глаз. Думаю, он анализировал ситуацию. И, в конце концов, все-таки согласился, что это не плохой вариант.

— Под твою ответственность, Картер.

Он явно не доверял Эбби. А я, возможно, излишне доверял из-за того, что она мне понравилась. Но в любом случае мы решили рискнуть.

Идя по дороге, я рассказывал Эбби обо всей нашей истории. О том, что случилось с нами с самого начала. Об убийце и о нашем желании раскрыть наши же преступления. Эбби слушала внимательно и вдумчиво. Она мне напоминала Рейнбола. Если, конечно, ей и вправду это все просто интересно.

— И какой же план у вас сейчас? — Спросила она.

— В блокноте, о котором я тебе говорил, написано о том, что мы связаны с одним мертвецом в этом городке. Его зовут Робби, и у нас есть все основания подозревать в убийстве его жену. Только мы понятия не имеем о том, где она находится.

— Я, кажется, знаю, где она. — Сказала Эбби и достала из своей сумки пару газет. — Я собирала о вас информацию и сохраняла все газеты с убийствами. Я помню о пришествии с Робертом. Ага! Вот оно. Его нашли мертвым в заброшенном здании, в пяти минутах от собственного дома. У бедняги сломана шея. На шее была петля, но полиция поняла, что это было не самоубийство. Преступник не найден. Что думаешь, Рейн?

— Там есть информация о супруге?

— Да. Она оставила свой номер и адрес для тех, у кого есть информация.

— Значит, идем к ней.

Солнце уже почти заходило за горизонт. Я и понятия не имел, что собирается говорить этой женщине Рейн. В газете было сказано, что её зовут Одри Стоун. Мы шли к ней через пустые дворы. В буквальном смысле, на улице вообще никого не было. На всех домах решетки. Рейн пристально их все рассматривал. Затем мы пришли к дому вдовы. Дом выглядел богатым. Двухэтажный, с большим двором. На улице стояла машина. Дорогая иномарка.

Мы подошли ближе. Несколько минут Рейн потратил на смотрение двора. И затем совершил непонятный ни для меня, ни для Эбби поступок. Он взял отвертку, которая лежала на лавочке, и сунул её в розетку. Несколько секунд мы наблюдали за тем, как его тело трусилось в конвульсиях. И затем, после громкого треска, Рейн упал на землю.

Я позвонил в дом. Дверь открыла дама, лет сорока. На её лице была улыбка, ровно до того момента, пока она не повернула голову и не увидела, как дымятся волосы у моего друга. В один миг мы с ней взяли его на руки и понесли в дом. Сразу при входе находилась огромная гостиная. Посередине стоял диван, на который мы положили моего идиота. Я проверил его пульс, чтобы убедиться, что все в порядке.

— Что произошло? — Спросила женщина.

— Эм... — Я затруднялся ответить, но Эбби меня перебила.

— Он осматривал двор и, похоже, случайно дотронулся до розетки. — Женщина слегка

улыбнулась.

— Вы мне сразу показались странноватыми. Зачем осматривать снова мой двор, ума не приложу. Вам и вашей даме может сделать чаю, Картер? — Она знала мое имя. Это могло значить только одно. Мы здесь уже были, когда находились под моим веществом.

— Вы значит, нас узнали, Миссис Стоун? — Спросил я.

— Конечно, узнала. Я очень надеялась, что вы сможете мне помочь. Частные детективы намного упорнее полиции. Я не доверяю полиции. И мой муж их не любил.

— Понимаю. Нам нужно было срочно уехать, и вот теперь мы вернулись и планируем вам помочь.

Хозяйка удалилась, чтобы сделать нам чай. А тем временем проснулся Рейн

— Ну, и на кой ляд ты это сделал? — Спросил я у него. Он выглядел так, как будто его только что избили. И когда приподнялся, то сразу схватился за голову. Она у него болела, и это не новость.

— Во-первых, я слышал, о том, что электрический ток стимулирует память. Во-вторых, нам же нужен был повод, чтобы попасть в дом.

— И как, вспомнил что-то?

— Вспомнил квартиру Анри. Но очень смутно. В целом, никакой пользы это не принесло. Но мы ведь теперь в доме.

— Умница. Хозяйка нас узнала. Мы уже были у неё раньше. Поэтому не обязательно было бить себя током.

— Ты же мог себя убить! — Вскрикнула Эбби. Мы оба повернулись на неё, а она в свою очередь опустила глаза.

— Ну, извиняюсь, что покушался на свою жизнь. — Мой друг сделал акцент на слове «свою».

Вернулась хозяйка. Она поздоровалась с Рейном и поставила на стол три чашки чая. Затем придвинула кресло и села напротив нас.

— Тебе уже лучше? — Спросила она у Рейна.

— Да, я в порядке. Не могли бы вы ещё раз с самого начала рассказать все то, что произошло?

— Мой муж руководил бизнесом, — начала хозяйка. — Торговля, связанная с промышленностью. Я и не углублялась-то никогда особо. В общем, обычно он приезжал в одно и то же время и лишь изредка задерживался. Любил повторять, что сам руководит своим временем. Но в тот день я долго ждала его и не могла дозвониться ни ему, ни в офис. Спустя час телефон и вовсе был выключен, и я позвонила в полицию. Затем мне стало плохо, и я решила выйти на улицу. И вдруг обнаружила, что его машина стоит на улице. Но она была закрыта, и внутри никого не было. Тогда я стала кричать и ходить вокруг и наткнулась на разбитую бутылку из стекла. На ней была кровь. — После этих слов женщина расплакалась. Эбби села рядом с ней и обняла. — Спасибо, милочка, я в порядке. Прошло уже немного времени, и мне легче, но боюсь, что это уже на всю жизнь.

— Вероятнее всего. — Сказал Рейн, после чего мы все на него посмотрели. Он попросил продолжить.

— Я вызвала полицию ещё раз, рассказав о своей находке. Приехало четверо полицейских. Двое остались со мной, а другие двое ушли на поиски. Я сильно растерялась и уговорила их пойти помочь, а они твердили, что мне лучше остаться дома. И только спустя несколько часов они его нашли. Он находился в пяти минутах отсюда. Вдоль лесополосы, в

сторону соседнего городка. За это я их и недолюбиваю. Он был так близко, а они так долго его искали. Если бы меня пустили, я бы первым делом пошла в то здание. Муж каждое утро проезжал мимо него на работу. Мы видели, как там часто бегают по нему мальчишки. Полиция сказала, что его убили и пытались подделать самоубийство. Ужасно. Сколько же людей приходило на похороны. Мой муж был замечательным человеком. Его все любили.

— Понятно. — Сказал Рейн. — Вы не приходили в это здание после?

— Нет. Я боюсь туда ходить. Откровенно говоря, я почти все время после этого сижу дома. Мне на улице не хорошо. Когда я выхожу на улицу, начинаю испытывать панику.

— У вашего мужа были враги? Может кто-то, кто желал ему зла.

— Нет, что вы. Говорю же, мой муж был очень добрым человеком. Его все любили.

— Братья, сестры?

— Сестёр нет. Есть старший брат.

— Они ладили?

— Конечно. Кайл всегда помогал нам и любил моего мужа. Неужели вы думаете, что он на такое способен? Это невозможно.

— Хорошо. От кого вашему мужу достался бизнес?

— От отца. Еще лет пять назад. Отец тоже был прекрасным человеком. Но, к сожалению, умер от опухоли в мозгу. Врачи сказали, что ему осталось два месяца. Он рассчитался с долгами и отправился в кругосветное путешествие. В нем и погиб.

— Завтра мы сходим туда, чтобы посмотреть, не проморгала ли чего полиция. Ваш муж крупного телосложения?

— Да.

— Полиция не посвящала вас в курс дела?

— Нет. Они только сказали, что его убили. Я могла узнать подробности, но честное слово, этого я хочу знать меньше всего.

— Значит, мы постараемся в этом разобраться. А сейчас, вы не против, если мы останемся у вас на ночь? — Предложение показалось мне довольно наглым, но хозяйка отреагировала позитивно. К тому же, в ином случае мы бы, скорее всего, ночевали на улице.

— Конечно, не против. Вы надолго планируете задержаться в Мардив?

— Где-то поблизости можно арендовать домик?

— Да, конечно. Неподалеку старик один вечно говорит о своем доме, который сдаёт в аренду. Пять долларов в сутки всего-то. Но дом скорее можно назвать сараем. Я внутри не была, но внешне выглядит, как избушка бабушки яги.

— Отлично. Тогда сегодня останемся у вас, а завтра пойдём к нему. Думаю, мы тут на несколько дней.

Более часа мы сидели и слушали рассказы о том, какой у неё был замечательный муж. Затем женщина показала нам комнату, в которой мы можем остаться на ночь. Было похоже, что эту комнату они сделали специально для гостей. Пару тумбочек и две кровати. Напоминало летний лагерь. Однако, комната большая и кровати очень мягкие.

Мы с Рейном легли спинами друг к другу. Эбби легла на отдельную кровать и то и дело, смотрела на меня и на обстановку вокруг. Рейн уже успел уснуть. День у него был насыщенный. Сначала удар по голове, потом пробежка, удар током. Однако мне спать не хотелось. Эбби тоже не могла уснуть и предложила мне сделать ещё чаю и выйти на улицу. Так мы и сделали. Обстановка на улице была завораживающей. Тишина. Звёздное небо. Взгляд Эбби был прикован к машине мужа вдовы. Наверное, она думала о том стекле, или

еще о чем-то. В любом случае, нам с ней не давали спать одни и те же мысли.

— Как думаешь, она причастна? — Спросила Эбби.

— Не думаю. Плачь, конечно, можно было подделать, но все равно не думаю, что она врёт. И не зря Рейн спросил про то, крупным ли был её муж. Ведь получается, его ударили возле дома и отнесли в то здание. Она хилая. Вряд-ли бы справилась.

— Выходит, она не виновна только в том случае, если говорит правду. Но возможно, у неё был сообщник.

— Да, именно. Но нет никаких причин ей не верить.

— Для чего вы это делаете? — Спросила Эбби и положила на меня голову. Я почувствовал тепло.

— Честно говоря, думаю, нам просто тяжело смириться с тем, что это конец. Ведь, вероятнее всего, нас бы приговорили к смертной казни. А поскольку мы ничего не помним, то и вины никакой не чувствуем за свои поступки. Хотя не уверен, что в ином случае мы бы их чувствовали. А еще одна причина — это нелюбовь к переменам.

— Вы были такими же до того, как это случилось?

— Такими? Что это значит?

— Ну... Со странностями что ли.

— Думаю что да. Рейн с детства был вовлечён в криминальные дела и расследования. Это единственное, что его интересовало. А я с детства увлекался химией. Хотя плохо учился в школе. Жил с матерью, без отца. Наверное, это сильно повлияло на меня.

— Жизнь без отца?

— Да. Но в большей части я про мать. Она была сложным человеком. Настоящим бесом, я бы даже сказал. Почему-то считала, что надо мной нужно издеваться, чтобы я вырос нормальным. Хотя сама толком не понимала, что это значит. На моем теле осталось много шрамов после неё. А самый большой остался на левой ноге. Она отрезала мне часть пальца, когда узнала, что я прогуливал школу.

— Господи, что было после этого? — Лицо Эбби и в правду стало слегка напуганным.

— Ничего особенного. Заставила сказать в больнице, что я якобы игрался с папиной болгаркой. Мне зашили рану. Некоторое время пришлось ходить с палочкой, как старик. Но потом боль полностью прошла, и я перестал.

— Ты, наверное, рано съехал от нее?

— Нет, не совсем. Её алкоголизм понемногу убивал её и взял своё. Она не могла ходить. Перестала работать и вечно сидела дома. Мне пришлось подрабатывать, чтобы платить по счетам. Утром работал, днём убирал её рвоту, а вечером занимался химией. И, в конце концов, матушка померла.

— Наверное, тебе было очень тяжело?

— Да. Приходилось не сладко. Но смерть матери — это лучшее, что со мной случилось. Не то, чтобы я испытывал сильную ненависть и был рад её кончине. Скорее, почувствовал облегчение. Будто бы огромный груз упал с моих плеч.

— А как вы познакомились с Рейном? — Эбби смотрела мне в глаза каждый раз, как задавала новый вопрос, и от этого по моей коже бегали мурашки.

— Я был в последнем классе, когда окончательно перестал ходить на учёбу. Сделал лабораторию у себя дома и учился всему в ней. Тогда Рейн только начинал работать. Ещё просто в полиции, а не детективом. Ему было поручено задание приехать и узнать, почему я не появляюсь в школе. Он приехал, и я рассказал ему о себе. Тогда он попросил показать ему

мою лабораторию и, как сам признался, был поражен. У меня было много химикатов, а на всех стенах весели бумаги с формулами. Он попросил явиться в школу, чтобы сделать вид, что он выполнил свою работу. А сам посоветовал мне не возвращаться в неё после этого. Но я и не собирался. Пришёл на следующий день и больше не приходил.

— Твоя история наполнена событиями. — Сказал Эбби с явно тоскливым голосом. — Моя жизнь намного проще. Старшая сестра училась на актрису. У неё пока не было крупных ролей, но все же. Мне начало это нравиться благодаря ей, и родители всю жизнь выбирали, куда мне идти. Гуляла с детьми, заводила друзей. Влюблялась, но все кончалось, и я не была сильно расстроена. Наверное, нужно просто больше событий, чтобы стать такими, как вы. Меня всегда привлекали особенные люди.

— Поверь мне на слово. Это хорошо, что твой путь именно таков. У Рейна тоже было тяжелое детство. Я только недавно узнал. Похоже, что если мы с ним и особенные, то такими нас сделала только боль, через которую мы прошли. На деле же мы несчастные люди, которых ранили обстоятельства.

— Почему? — Спросила девчонка, подняв на меня взор.

— Взгляни на нас, Эбби. Даже до последних событий. Одинокий детектив. Ты ещё не видела его старую квартиру. У него даже кровати нет. Матрас на полу, тумбочка, стол с книгами и шкаф для вещей. Минимализм на высшем уровне. В его квартире так пусто, что даже мне там не по себе. А я, между прочим, жил в гараже. У него зеркало напротив кровати, в которое он почему-то смотрел на себя по утрам. И стены увешаны разными преступниками и вырезками с газет. Все, что у него было, это работа. Еще одна причина, по которой он не сдался правительству. Эти загадки — это продолжение работы. Единственное, что он может потерять.

— Ну, а что насчет тебя?

— Я из того же металла сделан. Жил в гараже, занимался химией. Моя лаборатория — это все, что у меня было. Но, помимо этого, у меня был друг. У меня есть две вещи, которые я не хотел терять. Поэтому мы не сдались. Хотя я не настолько помешан, как мой друг. Меня не сильно тянет снова смешивать препараты. А если захочется, то достаточно создать что-нибудь на бумаге. Мы просто раненные люди, которые не знают, где их место. — Я засмотрелся на свою руку. Она начала трястись, и Эбби схватила меня за неё.

— Еще наркотики, верно?

— Да. Я начал ими увлекаться ещё, когда был в школе. Меня не часто ломает, но это происходит. Поэтому стараюсь сдерживаться, но у меня большой запас и немного я всегда ношу с собой.

— Даже сейчас?

— Да. Хочешь их забрать и выкинуть?

— Нет. — Она улыбнулась. — Хочу как-нибудь сделать это вместе. — Я был вне себя от счастья. Неужели я буду делать это с красоткой? Но радость длилась не долго. — Шучу! — Громко сказала она и стукнула меня слегка по голове.

— Почему ты не жил во втором месте, в которое вы переехали с Рейном?

— Потому что мне там не нравилось. Это было запасное место на случай, если не смогу платить за гараж. В городе мне было комфортнее, и рядом университет. Легко найти своих клиентов. — Я долго смотрел в её глаза. И мысленно постоянно повторял себе «не влюбляйся, не стоит». Но она мне безумно нравилась.

— Нам пора идти спать, Картер. Мы ещё успеем поговорить. Надеюсь, я с вами

надолго.

И мы отправились спать. Мне снова было сложно уснуть. Однако Эбби уснула быстро. Повезло им обоим. Когда у меня много мыслей, то слишком тяжело уснуть. Обычно в такие моменты спасал алкоголь или хотя бы снотворное.

Итак, глубокая ночь. Красотка, которая мне безумно нравится, убийца, который наступает нам на пятки и убитый мужчина. Слишком много всего навалилось. Мысли витали в голове, и мне казалось, что я могу коснуться их руками. Образы людей, предметов. Затем необъяснимое тепло изнутри. Я словно становился частью всего, что когда-либо любил. Но, с другой стороны, меня поглощал холод и чувство одиночества. Страхи и сомнения. То ли от одного, то ли от другого, я стал засыпать, но мне помешали. Внезапно я услышал звуки. Сначала было не ясно, что это, но затем я понял, что это плачь миссис Стоун. Я вылез с кровати и отправился в гостиную. Она лежала, укрывшись одеялом, на диване перед свечами. Подойдя ближе, я увидел, что возле свечей лежали фотографии с её мужем. А рядом наполовину пустая бутылка с мартини.

— Можешь выпить, если не хочется спать. — Сказала она. Очевидно, услышала мои шаги.

Я подошёл ближе и налил себе бокал мартини. Хозяйка меня не видела и попыталась успокоить слезы. Я думал о том, чтобы попробовать поддержать её. Но вдруг осознал, что совершенно не умею это делать. Лечь рядом было бы глупо. Подойти и сесть рядом, говоря о том, как мне её жаль, тоже глупо. Я не придумал ничего лучше, чем выпить пару бокалов и отправиться спать. Возможно, ей и в правду лучше побыть одной. Зато теперь я точно знал, что она тут не причём. Точнее, знать не мог, но был абсолютно уверен. Потому что вспомнил, что при входе видел коробку со свечами. И пару пустых бутылок мартини. Она часто проводит такие церемонии. Так же мне помогло ещё кое-что. Те звуки, что я слышал, это был не только плач. Она разговаривала со своим мужем. Выходит, она не может его отпустить. Хотя и странно было бы. Ведь Рейн говорил, что самое главное, это понять мотив. Можно было бы подумать, что это деньги, но они и так у неё были. Потому для меня уже было очевидно, что девушка тут не причём.

Я отправился к себе в постель и уснул. Два бокала мартини сделали своё. А на утро меня разбудил Рейн, который делал зарядку и выглядел полным энергии. Повернув голову, я заметил, что Эбби не было в кровати.

— Вижу, тебе намного лучше. Это хорошо. А где Эбби? — Спросил я.

— Она вышла на улицу поговорить по телефону. Либо с матерью, либо с полицией.

— Она не будет сдавать нас полиции

— Правда? Ты это понял благодаря вашей ночной беседе?

— Откуда ты знаешь? Ты же спал.

— Вы забыли на улице стаканы с чаем.

Мы спустились вниз. Эбби уже сидела за столом. Для нас с Рейном стояли две чашки кофе. А девушки, в свою очередь, допивали вчерашний мартини.

— Мне всегда казалось, что хорошее утро начинается не с кофе. — Улыбаясь, сказала миссис Стоун. Она ни капли не стеснялась, и это мне нравилось. Всем нравилось. — Мальчики, угощайтесь печеньем.

Мы сели и позавтракали в некой семейной обстановке. Это было очень приятно и комфортно. Мне не хотелось никуда уходить. Я бы с удовольствием остался здесь жить на долгое время. Вот только уже успел соскучиться по своим реагентам. Но мне показалось, что

я такой семейной обстановки не ощущал никогда в жизни. Завтрак с матерью был всегда под напряжением. Поскольку она могла меня ударить или забрать еду, если бы я взял не в ту руку нож или вилку.

Спустя пятнадцать минут мы закончили, и миссис Стоун предложила нам принять душ перед уходом. По очереди искупались и, собрав вещи, вышли на улицу. Хозяйка дома оделась и вышла с нами.

— Вы пойдёте с нами? — Спросил я у неё.

— Старик не очень ладит с головой. Лучше я с ним поговорю.

— Вы ведь не выходили на улицу, как минимум, целую неделю, верно? И возможно не выходили и до этого совсем? — Спросил Рейн.

— Верно. Это как первые шаги. Но как вы узнали? Я ведь говорила, что почти не бываю на улице, а не что не бываю совсем.

— Это было не сложно. Последнюю неделю были дожди, а у вас чистая обувь. А утром я увидел, как вы через окно заметили два стакана на улице, которые оставили ребята. Но не решились выйти и забрать их. Поэтому это пришлось сделать мне.

Как всегда, Рейн успевает за всеми наблюдать. Меня брала небольшая ревность. Эбби говорила, что мы нравимся ей, и что она считает нас одаренными. Но в отличие от моего друга, я могу проявлять свои особенности только в лаборатории. Все остальное время, боюсь, её внимание будет на нем. Мне бы очень не понравилось, если бы она запала на него.

Итак, мы пришли к дому старика. Дом тоже выглядел старым. Даже жутким. Рейн дал Мисс Стоун пятнадцать баксов за трое суток, и она пошла говорить со стариком. Затем вышла на улицу и отдала нам ключи.

— Вернитесь ко мне, когда у вас будут новости.

Одри ушла. А мы пошли в сторону того места, где должен был находиться наш домик. Он выглядит отчужденным. Стоял почти посреди поля. Никого по соседству. Довольно практично для тех, кто скрывается от правительства. Но он выглядел ещё более пугающим и старым, чем дом деда. Мы вошли внутрь, и изнутри он выглядел не лучше. Обшарпанные стены. Невероятно старая мебель. Она казалась антиквариатом, как в музее. И также треснувшие стекла на окнах. Батареи под ними, которые я тронул рукой и убедился в том, что они не работают. Я открыл кран, и из него потекла вода с ржавчиной. Но спустя полминуты потекла чистая. Однако пить такую я бы не рекомендовал.

В доме было две комнаты. Одна спальная и гостиная. Мы решили, что мы с Рейном останемся в гостиной, а Эбби ляжет в спальне. Я поинтересовался у неё, останется ли она с нами до конца. Ведь она даже не брала с собой никаких вещей, и у неё учеба. Но она ответила, что не поехала бы с нами, если бы не была готова. Сейчас у неё каникулы на неделю. Насчёт вещей она ничего не сказала, но думаю маленькой, потной и грязной она будет выглядеть не на много менее привлекательной. По крайней мере, если закрыть нос.

Кровати жесткие. Желания лежать на них не было. Поэтому мы положили свои вещи и отправились на место преступления. Ничем не приметное, заброшенное двухэтажное здание среди листвы. Кругом один лес. Дом вдовы, получается, находился на окраине и без того маленького городка.

Мы зашли внутрь. На стене было большое окно, поэтому фонарик не понадобился. Солнце хорошо все осветило. И каково же было наше удивление, когда мы увидели, что полиция оставила все на своих местах. На полу два старых стула, один из которых был сломан. На потолке веревка. Я подошел ближе и рассмотрел её. Плетенка, которую очень

сложно разорвать руками. Скорее, будто перерезана ножом. Рейн стал осматривать всю комнату и все предметы. Мы с Эбби стояли молча и наблюдали. Он носился от одного угла к другому в течение десяти минут. Затем вышел на улицу и закурил сигарету.

— Нам же интересно, расскажи, что ты видел? — Спросила Эбби у Рейнбола.

— Деталей не так много. Пока нет ничего интересного. Лучше сейчас пойдём искать тележку.

— Тележку? — Спросила Эбби.

— Да. Убитого ударили по голове возле дома и отнесли сюда. По дороге есть ещё пару домов. Нести на себе был бы риск. В машине тоже. В таких поселках тяжело остаться не на виду. Как только тебя увидят, сразу же начнут обсуждать. Вероятнее всего убийца бы выбрал тележку. Полицейские, конечно, затоптали все, что только могли. Но я видел маленький след от одного колеса на протяжении всей дороги к этому зданию.

— То есть, убитого ударили по голове, чтобы отнести сюда и имитировать самоубийство. — Сказал я. — Но убийца забыл про удар по голове, ведь, наверное, благодаря этой ране полиция поняла, что он убит кем-то, а не собой. Получается, мы ищем слабоумного. Возможно, он и на руках принёс, а след от чьего-то велосипеда. — Не думаю, что хотел произвести впечатление на Эбби. Просто в голове возникла теория, и она казалась мне более вероятной, учитывая все факты.

— А что, по твоему, произошло внутри? — Спросила у меня Эбби. — Почему там два стула, например?

— Это просто. Веревку не повесить без того чтобы встать на стул. На другом стуле остались веревки. К одному стулу привязали убитого. А на другой встал убийца и привязал верёвку к потолку. Затем, наверное, сломал стул ногой.

— Слишком короткое расстояние, чтобы поднять человека. — Сказала Эбби.

— Он ставил один стул на другой. — Ответил Рейн. Сначала примотал убитого. Затем поставил его на другой стул. Но нижний сломался.

— Но зачем проводить такие махинации? Мог просто повесить его. Выглядело бы более правдоподобно.

— Это пока не важно. Сейчас идемте в лес и найдём телегу.

— С чего ты взял, что она в лесу? — Спросила Эбби.

— Опять же, слишком не безопасно класть её в машину и увозить. Здесь все друг друга знают и от скуки любят смотреть в окно. А я пока не уверен, что наш убийца идиот.

Мы отправились в лес. Времени понадобилось не много. Меньше, чем за час мы нашли тележку. Обычная, одноколесная, для стройматериалов. Мы стали её осматривать, и на задней части я увидел немного крови. Также рядом лежала большая черная тряпка. Видимо, убийца накрыл ею парня. Возможно, наш убийца не такой глупый, как я думал. Но все равно, преступление дурацкое. Любой бы смог отличить это убийство от самоубийства. Поэтому, чем больше я пытался составить портрет личности преступника, тем больше запутывался.

На обратном пути мы проголодались, и Эбби купила в местном магазине крекеров. Они едва спасли нас от голода. Тем более, я покормил собаку, которую очень мне понравилась. Она увязалась за нами, и я игрался с ней всю дорогу к дому. Эбби и Рейн пошли в дом, пока я остался играть с ней. И когда я собрался к ним присоединиться, ко мне подошёл дед, чей дом мы арендовали.

— Вы из полиции штата, мальчишки? — Спросил он.

— Нет. Мы частные сыщики. Расследуем убийство мистера Стоуна. Вам что-то

известно? — С самого начала мне уже было ясно, что старик немного не в себе. Странный такой. В широких джинсах и в порванной рубашке. Она вся была в дырках и грязная, но он застегнул на ней все пуговицы. А смотрел на меня тем взглядом, которым в старых фильмах смотрели одноглазые пираты на вражеский корабль.

— Неважным он был человеком, — проговорил дед.

— Что вы имеете в виду?

— Он мне никогда не нравился. — Вскричал старик. — Вечно красовался своими деньгами и всех доставал. Я попросил его однажды мне помочь по хозяйству. Но руки у него, как говорится, не из того места.

— Как вы думаете, кто мог такое с ним сделать? — Старик показался мне подозрительным.

— И ежу понятно, что его жена. Наверняка завела роман с его братом и решила, так сказать, устранить помеху. Так ему и надо. Не дай бог ещё бы и детей завели. Нечего миру таких уродов плодить.

И старик удалился, оставив у меня ещё больше подозрений. Теория о том, что она флиртует с его братом, конечно, может показаться вероятной. Но Рейнбол бы заметил, если бы к ней приходил гость. Наигравшись с собакой, я вернулся в дом и рассказал остальным о странном старике. Мне показалось вполне вероятным то, что это может он оказаться убийцей. Однако Рейн напомнил о том, что мы ищем кого-то, кто смог повесить парня крепкого телосложения. Исключено, что это мог бы сделать старик. Однако Рейн пообещал узнать, есть ли у этого старика сын или внук, который мог бы быть способен на такое.

Весь оставшийся вечер я копался в своём ноутбуке. Интернета не было, зато осталось пару игрушек. Эбби болтала со своей сестрой по телефону, а Рейн лежал в кровати, глядя в потолок и, судя по всему, обдумывая все возможные версии. Перед сном мы ещё немного поговорили с Эбби и отправились спать. Опять меня ждала бездонная ночь. Я слышал, что если не спать одиннадцать суток, то это смертельно. Но мне ведь удавалось поспать хоть немного. Хотя силы это совсем не восстанавливало. После полуночи вообще начался дождь и гром. Я представлял, какая же слякоть будет утром вокруг дома. Пытался не думать ни об Эбби, ни об убийстве. Но тогда в голову лезли мысли насчёт киллера. Когда убирал его из головы, лезли мысли об убитой Анри и её подруге. Ведь по приезду нам придётся дальше заниматься этим делом, однако непонятно, что делать с парнем, который хотел прикончить нас. И когда мне удавалось забыть и об этом, я начинал вспоминать детство. Пытался вспомнить, как выглядела моя Мама, но никак не удавалось. Цвет её волос, глаз. Какие у неё были руки. Хотя на самом деле, я бы не хотел вспомнить, как выглядело её лицо и все остальное, но мне не удавалось управлять этими мыслями. Глянув на часы, я увидел, что уже почти настало утро, и тогда понял, что не выдержу. Достал из пальто немного наркотиков, которые у меня оставались, и вышел на улицу. На этот раз я был вооружён полностью. Взял с собой шприц. Но дозу решил гораздо уменьшить. И как только я замотал свою руку и поставил шприц, моя вторая рука остановилась. Её схватила Эбби. Взгляд не был напуган, скорее, он был у неё серьёзен. Мы несколько секунд молчали, смотря друг другу в глаза. Она заставила меня вернуться в постель и легла рядом. Давно я не чувствовал себя так прекрасно. Кажется, со мной рядом засыпала девушка уже очень давно. Если у меня были интрижки, то очевидно не у меня в гараже, а в квартирах этих самых незнакомок. А сейчас было что-то иное. Я не знал, как это можно описать, и даже рискнул обнять её, и она не убрала мою руку. Благодаря этому мне без проблем удалось уснуть.

В результате, я проснулся почти под вечер. Эбби лежала рядом, а вот Рейна в кровати не было. На звонки он не отвечал. Тогда я разбудил Эбби и сказал, что нам нужно его найти. Мы вышли на улицу. Там уже ждала собака, которая мне понравилась прошлым днём. Она пошла с нами. На поиски ушёл почти целый час, когда мы увидели, как Рейн идёт к нам навстречу.

— Где ты был? — Спросил я у него.

— Собирал чуть больше информации и договаривался за ужин. Наверняка вы проголодались. Вдова наготовила много еды и позвала брата убитого. Будем знакомиться. И, может, выясним еще немного интересного.

Я и вправду уже был очень голоден. Но больше всего меня беспокоило то, что после того, как мы проснулись с Эбби, она не проявляла ко мне никакого внимания. Я все так же не хотел влюбляться, однако ожидал, что она захочет пойти за руку, не знаю. Хоть какая-нибудь реакция. Но ничего такого не произошло.

Мы снова пришли к дому Миссис Стоун. Она нас встретила и выглядела гораздо лучше, чем одним днём ранее. Глаза перестали быть красными от слез и, похоже, она хорошенько выспалась, как и я. После приветствия мы вошли в дом, и я увидел за столом мужчину лет двадцати пяти. Он уже успел насыпать себе еды, которой на столе было и вправду много. Мне было интересно, какую информацию собирал Рейн, однако я решил поинтересоваться этим после ужина.

Мы сели за стол, и хозяйка дома разлила нам вина. Какое-то время сидели молча. Я и сам не понимал, с чего можно начать разговор. В результате его начала вдова. Рассказала о том, что у неё последние дни проблемы с коленом. Затем немного позадавала нам вопросы на всякие темы, не связанные с выдуманной причиной нашего приезда. Долго болтала с Эбби про её учебу, поскольку сама мечтала стать актрисой. Но ничего не спрашивала у Рейнбола. Видимо, он напоминал ей о смерти мужа. А я весь вечер смотрел на Эбби. Она так и не проявила никакого внимания. Мне кажется, я отпугнул её тем, что мы рядом уснули. Может, у неё вообще есть парень, я ведь даже не спрашивал. От этой мысли у меня кольнуло в груди, и тогда стало ясно, что я на крючке. Черт, все-таки запал на неё. Это само по себе не хорошо, а учитывая последние обстоятельства, вообще ужасно. В таких отношениях не было бы будущего. Его, возможно, у меня и не будет совсем. Возможно, моя жизнь — это череда обломов, которые прекратятся, когда меня посадят на электрический стул. Мне не хотелось никогда отношений, и влюблялся лишь однажды. Но надолго и конец был, очевидно, не счастливым. Зато узнал, насколько я раним.

Спустя несколько часов болтовни и моего самобичевания, наконец, заговорил Кайл. Брат убитого. Он рассказал пару смешных историй. Рассказал, как ходил на охоту и, благодаря ему, пятый бокал вина все выпили за упокоевание его брата. Этим он вызвал слезу у миссис Стоун. Эбби её поддержала, и мы уже думали уходить. Моё настроение было паршивым, и я хотел отправиться спать. На самом деле, я надеялся, что Эбби снова ляжет рядом, чтобы у меня не было стимула идти за наркотиками. Я ведь и вправду абсолютно забыл о них в тот момент, когда она оказалась рядом. И если напрячь свою память, то можно заметить, что мне становится хуже только тогда, когда я остаюсь один. Как будто даже физическая ломка зависит от морального настроения.

После полуночи мы все были уже достаточно выпившими. Резко заиграла музыка, и я увидел, как её играл Рейн, который уселся за пианино. Раньше я его не видел из-за того, что оно было спрятано за шторой. Рейн играл красивую медленную музыку. Кайл встал и

пригласил Миссис Стоун на танец. А в свою очередь, Эбби пригласила меня. Мы танцевали, прижавшись крепко друг к другу. Я снова чувствовал тепло. От этих ощущений я становился счастливым. Я пытался почувствовать биение её сердце. Мы не смотрели друг другу в глаза, однако я чувствовал связь между нами. Я уверен, что напугал её, потому что она тоже что-то чувствует.

Внезапно музыка оборвалась. Мы протанцевали ещё пару секунд и вдруг заметили, как Рейн пристегнул руку Кайла наручниками к металлической трубе для отопления. Судя по глазам, в шоке были все. Рейн пригласил всех обратно за стол. Медленными движениями мы вернулись на свои места, все еще пребывая в состоянии шока. Мой друг выпил еще бокал вина и стал объяснять.

— Миссис Стоун, ваша просьба выполнена, мы раскрыли дело. Убийца вашего мужа — это его младший брат.

— Что за вздор! — Вскрикнула хозяйка. Рейн повернулся лицом к Кайлу.

— Поправьте меня, если я не прав. Сначала вы купили тележку и спрятали её в лесу. Затем дождались, когда ваш брат придет с работы, и ударили его по голове бутылкой. Положили в тележку и завели в заброшенное здание, где примотали его к одному стулу и поставили на другой стул. Мысль ясна, угрожали, что уберете первый стул, но это все равно нелепо. В дальнем краю комнаты, под пылью, я нашёл гелиевую ручку. Полиция, видимо, её просто не увидела. Сегодня я узнал, что ваш брат получил все наследство, поскольку он старший. Получил бизнес отца. Затем я узнал, что ваши отношения на самом деле были отнюдь не хорошими. Мне пришлось всего-то поспрашивать у местных. Они знают все и про всех, в этом можете не сомневаться. Итак, вы привезли с собой бумаги и угрожали своему брату, пытаясь заставить его переписать бизнес на вас. От него вам нужна была только подпись. Однако вы не рассчитали, что стул слаб, и он сломался. Я посмотрел на веревку. Она была перерезана ножом. Вы пытались освободить брата, когда он упал, однако было уже поздно. Из-за собственного веса во время падения ему сломало шею. После вы оставили тележку в лесу и теперь ждете, когда бизнес перейдет к вам. Однако его получит вдова, потому что остаток дней вам придется вести бизнес только по продаже сигарет, выигранных в покер в тюрьме. Я все верно передал?

Хозяйка дома плакала все время, что Рейн говорил. Кайл молчал, опустив голову. Он не хотел смерти брата и чувствовал себя виноватым. Мы все вышли на улицу и поговорили с вдовой. Кайл тем временем остался в доме и начал рыдать. А вдова заплатила немного денег и очень долго нас благодарила. Затем вызвала полицию, и я попросил постараться сделать так, чтобы мы не фигурировали в рапорте. И мы удалились. Всю дорогу к дому я думал о развязке. То ли решено все было слишком просто, то ли для Рейна такие дела слишком легки. Стало страшно, что снова не смогу спать из-за мыслей об этом всем. Деньги заставили человека угрожать, но не заставили убить. Он не пытался подстроить самоубийство, как мне казалось изначально. Он пытался спасти старшего брата от себя самого. И я, правда, ума не приложу, как мой друг мог посмотреть на те же вещи, что видел и я, и прийти к совершенно иному выводу, причем, верному. Я и вправду восхищался его способностями. Даже если в них на самом деле не было ничего особенного, меня поразило то, что он увидел внутри преступника спасителя, а не просто вымогателя и убийцу.

Затем, осознав, что я отрезвел, предложил остальным отметить первое выигранное дело. Но ревности моей не было предела. Эбби расспрашивала Рейна о том, как он достиг этих выводов. А мне пришлось молча идти сзади. Затем они пошли вдвоём в круглосуточный

магазин, а я решил остаться дома. Мне нужно было собраться с мыслями и успокоиться. Любые чувства притупляют разум. Не снимая одежды, я лёг в кровать и стал думать о том, чтобы научиться себя контролировать. Решил, что познакомлюсь ещё с кем-то в Вашингтоне, просто чтобы развлечься. Это всегда помогает.

Но мыслить долго мне не пришлось. Внезапно за дверью мне показалась чья-то фигура. Чёрная голова как будто очень быстро промелькнула перед окном. Затем в дверь, которая находилась прямо передо мной, стал кто-то скрестись, как будто специально, чтобы напугать. И признаться, вышло довольно удачно. Сомнений не было, это наш киллер. Я боялся одновременно за себя и за Эбби с Рейном. Ведь он уже мог их застать. Однако я не слышал выстрелов, хоть и магазин находился недалеко от дома. В результате звуки прекратились и, одолев страх, я достал пистолет. Возле окна снова мелькнула чья-то тень. Я очень надеялся, что это розыгрыш, и только поэтому боялся начать стрельбу. В один момент стало тихо, и я привстал с кровати, но в этот же момент звуки вернулись. На этот раз казалось, что кто-то пытается взломать дверной замок. Я набрался сил, чтобы встать с кровати и подойти ближе. Но перед этим взял телефон и позвонил Рейну. Я тихо спросил, где он, и Рейн ответил, что они уже идут обратно. Я бросил трубку, и вдруг человек за дверью стал дергать дверную ручку с обратной стороны. Я сделал два выстрела в дверь и после этого звуки прекратились. Спустя минуту подошёл ближе к двери и уже стал слышать, как бегут ко мне Рейн и Эбби. Я открыл дверь и увидел перед собой чертову псину, которая мне понравилась. Она, видимо, захотела поесть, и пыталась попасть к нам в дом. Эбби молча смотрела на неё, а Рейн сказал, что мне повезло, что это был не дед.

Вернулись ребята, и я им все объяснил. А в свою очередь Рейн рассказал о том, что утром видел киллера. И попросил миссис Стоун сказать ему, если спросит, что мы уехали дальше по шоссе в сторону Балтимора. Это выиграет нам немного времени. Я уже думал пойти найти лопату в кладовке и закопать пса, но он вдруг начал скулить. Одна пуля пробила ему ухо, а вторая задела шею. Мы с Эбби занесли его в дом, и я замотал его шею полотенцем. Рейн сказал, что этими выстрелами мы привлекли слишком много внимания. А учитывая то, что сюда вот-вот должна приехать полиция, это слишком не безопасно. Мы решили собрать вещи и отправиться на ночном автобусе обратно в Вашингтон. Жить на старом месте уже опасно, а последние деньги мы потратили на выпивку. Хозяйка, конечно, подарила немного, однако это не меняло ситуации. И тогда нас спасла Эбби, сказав о том, что давно собиралась начать снимать квартиру, и предложила нам съехать к ней. Ну, а пока она будет в поисках, поставит нам палатку рядом со своим домом. Уже, конечно, холодно, но мы надеялись, что поиски не займут много времени.

Я нёс собаку на руках. Мы решили, что по приезду приведем её в круглосуточную ветеринарную клинику. Я хотел спасти этого пса и оставить жить с нами. Учитывая наш одинокий образ жизни, пёс мог бы сгладить картину. И он, правда, милый. Мы отнесли его врачам, и они сказали, что повреждения не серьезные. Но после того, как его залатают, ему нужно будет полежать до утра. Мы немного выпили в комнате ожидания, и в ней же Эбби уснула на лавочке. Я вдруг понял, что за все это время она кушала только крекеры. Не брала никакой еды ни на ужин, ни на завтрак. От того, наверное, у неё и не было сил. Но я очень обрадовался, узнав, что мы будем жить вместе с ней. И дело не только во влюблённости. Находясь постоянно рядом с Рейном, только и делаешь, что впадаешь в депрессию. Он грустный человек и своей грустью заражает других. На самом деле, ещё давно он предупреждал, что окружающим вредно долго с ним находиться.

Ещё была ночь и, оставив Рейна с Эбби, я отправился на нашу квартиру, чтобы забрать оттуда все наши важные вещи. По городу транспорт ещё не работал, а на такси денег хватало только на дорогу обратно. Поэтому я отправился пешком. И дойдя, был, мягко говоря, шокирован. Весь двор уже кишел полицейскими. По эмблемам, я понял, что это спецотряд, а не простые полисмены. Они, судя по всему, уже выломали дверь и пробрались внутрь, ибо я увидел, как у нас в комнате светятся фонарики.

«Собрание Мертвых, Продолжение»

Я проснулся в квартире у Эбби. Она ласково приютила нас на неограниченный срок. Квартиру оплачивают родители, поэтому она без проблем учится, и нет необходимости ходить на работу. Также оказалось, что она, пускай и не любит кушать, но весьма хорошо готовит. Сейчас она на два дня уехала в другой институт, поэтому мы остались с Рейном одни. И я окончательно решил, что хочу поговорить с ней насчёт ее болезни. Раньше считал, что это не мое дело, но мы уже даже живем вместе, и теперь я просто должен вмешаться и помочь ей в виде благодарности за помощь нам.

Квартира двухкомнатная. В одной комнате спит Эбби, в другой мы. Я выбрал себе место на кровати у окна, а Рейн предпочёл воссоздать обстановку своего старого дома и спит на матрасе под стенкой в углу. Мебели почти не было. Стол, шкаф и пару тумбочек. В моем старом жилище было много хлама, поэтому такая обстановка нравится только моему другу. В комнате Эбби все было немного иначе. Как будто комната принцессы из какой-то сказки. Розовые стены, розовые шторы на окнах. Аквариум и фотографии любимых поп-звезд на стенах. Принцессы же могут любить поп-музыку?

Рейнбола не было дома, и я ему позвонил. Оказалось, он снова находился в музее, где работала убитая Анри. Мы снова занялись этим делом, и я думаю, что поездка в другой город и другое дело зажгли у моего друга новую энергию. Он стал более активным.

— Тебя же могут узнать. — Сказал я ему по телефону.

— Не беспокойся. Я в твоём надёжном камуфляже.

— Ты до конца жизни будешь мне это припоминать?

— Не беспокойся об этом. — Утвердил мой друг. — Скорее всего, нас поймают, и жизнь наша будет короткой.

Рейн предложил приехать к нему. Кстати, собаку мы называли Баффи. Кличка женская, потому что псина оказалась девочкой. Но оставить её у Эбби не вышло, и потому она отдала её своей сестре.

В Вашингтоне снова шёл дождь. Это было мне только на руку, ненавижу жару. Приехав к Рейну, я заметил, что он стоит и пялится на вазу, о которой мы говорили ранее. Большая, с множеством различных рисунков. Несколько танцующих девушек, деревья, море и все такое. Я не ценитель искусства, поэтому сложно описывать.

— Пытаюсь понять, как можно было её подделать. — Сказал он.

— Даже если ты это поймёшь, чем это нам поможет?

— Не глупи. Возможно, мы уже знаем, просто не помним. Если это мы подсказали преступникам идею. К тому же, если моя теория верна, то Анри была убита по той причине, что знала, как они это сделали. И нашла изъясн.

— Звучит логично. Ты уже узнал, кто хозяин вазы?

— Ещё нет. Но боюсь, что этот человек может нас узнать.

— А тебе не приходило в голову, что убийца, который вступает нам на пятки и есть убийца этих девчонок и теперь ему дали задание избавиться от нас?

— Я допускаю такую возможность. И боюсь, что другого варианта, кроме как найти того, кто её владелец, у нас нет. Нужны новые зацепки.

У инструктора мы узнали имя того, кто запатентовал вазу. Точнее того, кто её выставил, и кто несёт за неё ответственность. Однако это не был владелец самой вазы. Подозрительно?

Да, именно так. Вероятнее всего тот, кто владеет вазой, на всякий случай заставил человека поместить её на продажу, на тот случай, если станет известно, что это подделка. Пока все было ясно и все вписывалось в теорию Рейна. Того, кто выставил вазу, звали Роберт Риверт. В интернете я нашёл его адрес. Он жил в квартирке на третьем этаже. Напротив находилось небольшое кафе, из которого мы решили следить за дверью входа и заодно перекусить.

— Тебе не кажется, что это пустая трата времени? Он может быть и не дома, и что? Мы просидим здесь весь день?

— А у тебя есть какие-то другие дела, Картер?

И не поспоришь. Заняться и в правду было больше нечем. Все мои пробирочки остались в старом месте жительства. И доступа туда уже не было. Мы не знали, кто вызвал полицию, и кто нас заметил. Но мне главное было знать, что это не дело рук Эбби. Было бы не логично говорить, где мы были, а не где мы есть.

Парень, в котором мы узнали Роберта, вышел из дома. Смуглый, в длинной куртке и с портфелем за спиной. Я встал сразу со стула, но Рейн меня остановил. Парень оглядывался по сторонам, поэтому было и вправду правильно подождать, пока он пройдёт вперед. Мы отправились за ним. Приходилось прятаться среди людей, но затем Роберт стал идти через безлюдные места. Нужно было быть крайне осторожными, и мы с этим справились. Он встретился с каким-то другим парнем. Ранее мы его не видели. Роберт взмахивал руками во все стороны, выражая явное недовольство. Высокий парень стоял, не двигаясь. Они даже начали кричать что-то друг другу, однако мы выбрали далекое от них место и ничего не слышали. Тогда они разошлись в разные стороны. Рейн сказал, что нам с ним нужно разделиться. Я отправился за вторым парнем, а Рейн за Робертом. Я прятался по кустам и чувствовал себя настоящим хищником, который незаметно крадетс к жертве. Вот только у меня был небольшой страх по поводу того, что я совершенно не знал, что мне делать. Пытаться поймать его или просто следить за тем, куда он пойдёт.

Однако я провинился. Подошёл слишком близко и, заметив меня, парень начал убегать. Я метнулся за ним. Мы выбежали на главные улицы и бегали среди толп людей и магазинов. Несколько раз, на всякий случай, я кричал, что у нас пробежка, чтобы никому не пришло в голову вызвать полицию. Хотя на пробежку было не совсем похоже. Некоторых людей, я буквально сбивал с ног, благодаря своей слабости, от которой не мог держать равновесие.

И так, силы уже на исходе, и не только у меня. Но я не учёл того, что он сядет в машину. На секунду я растерялся, но собравшись, быстрым движением открыл дверь такси и сев внутрь, сказал таксисту ехать за машиной, в которую сел незнакомец. Таксисту наплёл, что мой друг в этой машине везёт мою жену в больницу. Повезло, что водитель попался гуманный или просто глупый, и поверил в эту чушь. Я просил его ехать быстрее, но на самом деле не понимал, что мне это даст. У парня машина была явно быстрее, чем у моего таксиста. И он видел, как я сел в такси, поэтому ни за что не остановится. И все же я продолжал думать, а таксист стал заранее требовать с меня деньги. Но с собой у меня ни копейки не было. Я уговаривал его, как мог, что дам деньги после того, как мы приедем, однако, осознав, что мы проехали все возможные больницы в городе, в которых можно родить, таксист остановил машину и выкинул меня из неё, поехав дальше. Это был риск, ведь он мог вызвать полицейских, заперев двери. Что ж, чувствовал я себя паршиво. Подвёл друга и упустил добычу.

Рейнболл позвонил мне спустя двадцать минут. К тому времени я уже почти вернулся к тому месту, откуда уехал. Он немного разозлился, когда узнал, что я упустил парня, однако

затем сам сказал, что он все равно бы сел в машину и уехал. И после Рейн попросил нечто странное. Чтобы я ни в коем случае не бросал трубку и выключил на звонке звук, чтобы абонент не мог меня услышать. Затем велел идти домой и ждать его.

Дома я успел принять душ и приготовить себе поесть прежде, чем пришёл мой приятель. Уже стемнело. Он уселся на кресло перед кофейным столиком. Я сел напротив на кровать. Рейн попросил мой телефон.

— Зачем это нужно было делать? — Спросил я.

— Врезался в Роберта возле его дома и подкинул ему в портфель свой телефон. Знаю, это риск. Однако смотри. — Рейн показал экран моего телефона. — Он так и не сбросил трубку. Значит, если моя гипотеза верна, то скоро мы услышим шоу.

— Какое шоу?

— Они ссорились с этим парнем. И делали это далеко от своих домов. А второй даже далеко от своей машины. Но ведь они могли встретиться дома у Роберта. Никаких звуков не слышно, значит, живет один, и сожитель бы не помешал. Выходит, им по какой-то причине нельзя видеться.

— И что с того?

— А то, что неизвестный заметил тебя. Значит, понял, что их видели вместе и напали на след. Он, скорее всего, будет в панике и снова захочет поговорить с Робертом. Тогда мы и узнаем все, что нам нужно.

— Блестяще, — ответил я, однако долгое время в телефоне была тишина. Мы слышали звон посуды, закипевший чайник и больше ничего. Рейн курил сигарету каждые 15 минут, глядя на телефон и не отводя от него глаз ни на секунду. Я положил себе на колени ноутбук и тем временем пытался найти того человека, за которым бежал, среди друзей Роберта. И не удивительно, что не нашёл, ибо лицо его видел не достаточно и на бегу.

Время шло очень долго. Рейн стал курить немного реже, по той причине, что у него кончались сигареты. Прошло около двух часов, и мне уже хотелось спать. Но боялся что-то пропустить.

— Ты думаешь, Анри и её подругу убил один и тот же человек? — Спросил я.

— Думаю, это более вероятно, чем, если два разных. И как я говорил, способы убийства разные, чтобы отвлечь внимание полиции.

— То есть, если это так, то он серийный убийца. Никогда не понимал, как они с этим справляются. Наверное, настоящие психи, как и мы. — Я хотел поговорить, потому что уже сходил с ума от этой тишины.

— Тут и понимать нечего.

— То есть?

— Неважно.

— Нет, объясни. Я же прошу. — Рейн снова закурил. Меня это заставило улыбаться, ведь я знал, что будет дальше.

— Если на войне человек убивает других людей. Скажем, забирает двести жизней. То его наградят медалью и назовут героем. Однако он убийца. Или нет? Эти понятия придуманы людьми и едва гениальными. Поэтому все стало запутано.

— Стой-стой, мой друг. Я вынужден с тобой не согласиться, ведь военные это делают по приказу. И у них есть цель. Знаю, ты, наверное, считаешь их зомби, однако они это личность. А вот серийные убийцы, какую имеют цель? Может, получают удовольствие или ещё что. Но в любом случае, цель у них другая, если она вообще есть.

— Да, возможно. Но они все равно лишают жизни других людей. Это вроде как нехорошо и неважно, какова цель. Но военных так воспитывают. Им говорят, сражайтесь за свою родину, отстаивайте своё мнение. А потом их присылают обратно домой в пластиковых мешках. Ты не прав, если тебе нагрубили в клубе, и ты сразу лезешь в драку. Извинись и уйди. Ведь если ответишь, как настоящий мужик, твою голову могут сунуть в стену.

— Хорошо, я с тобой согласен. — Ответил я. — Однако не понимаю, к чему ты клонишь.

— Попробую объяснить. Представь себе парня, который живет в деревне. Ходит в школу, общается с друзьями. И вот как-то вечером он сидел и трогал свои гениталии. Мать вошла в комнату, увидела это и сказала, что если он будет продолжать это делать, то сгорит в Аду. И ещё избивала его. В результате, через несколько дней мать проснулась от всхлипываний. Она вошла в комнату к мальчику и увидела, как он всовывал себе иголку в гениталии. Понятно, почему?

— Он не хотел попасть в Ад?

— Именно. Мать померла и затем парень вырос. Стал водить детишек в лес и отрезал им гениталии. Он пытался спасти их, а не навредить. Всегда последствия являются осадком чего-либо. Они не могут взяться из ниоткуда. Запомни это.

— Спасибо, Сенсей. То есть, ты не считаешь таких убийц виноватыми?

— Я благодарен им за то, что с помощью их злодеяний мне есть, чем заняться. Однако тут дело не в плохом или хорошем. Есть правила для того, чтобы выживать. Родители научили тебя работать, а не убивать других людей, зарабатывая на этом. То есть, этот вариант принесёт меньше денег, но он вероятнее поможет тебе жить и продолжить род, чем занятие убийством. Ведь за убийство сажают в тюрьму или карают смертью. Это противоречит безопасному способу выживания. Так что эти люди просто пошли против программы.

Этим всем Рейн так и не ответил на мой вопрос, однако я решил не спрашивать больше. К тому же, нам послышались звуки из моего телефона. Звук входной двери. Похоже, Роберт оставил свой портфель в коридоре. Поэтому мы плохо слышали разговор, однако некоторые фразы, Роберт кричал. «Вы убираете все концы, как я могу не беспокоиться», «Мне плевать, Клэрк был с нами». Разговоры стали едва слышны. Кажется, гость Роберта попросил его говорить потише. Рейн склонил голову к телефону и пытался хоть что-то услышать, но я уверен, что ему это не удавалось. И спустя минуту мой друг дернулся в сторону от того, что из телефона мы слышали выстрел.

Тишина. Все будто замерло. Спустя мгновение звук закрывающейся двери. Мы с Рейном глянули друг на друга. Я уловил его мысли. Мы быстро надели пальто и побежали к дому Роберта. Я был уверен, что убили именно его, поскольку, будь иначе, он бы вероятнее всего забрал портфель с собой.

Возле его дома Рейн меня остановил, объяснив, что выстрел могли слышать соседи и вызвать полицию. Однако свет у них не горел. Мы подождали десять минут и пошли в квартиру. Двери была не заперта. Внутри было немного мебели, шкафы, много одежды висящей в коридоре. Стены голые. Ни одной фотографии или картин. Мы зашли в комнату и увидели Роберта лежащим на полу, с дыркой в голове. Ковров на полу не было, и кровь растеклась на полтора метра от головы. Рейн присел рядом с ним, чтобы осмотреть внимательнее и сказал мне ничего не трогать, чтобы не оставить отпечатков. Я решил

посмотреть на кухню. Она тоже была непримечательной. Вся квартира выглядела так, как будто он в неё только въехал. Вернувшись в комнату, я увидел, что мой друг перешёл от трупa к изучению письменного стола и комода.

— Работать официально было намного легче. — Сказал Рейнбол. — Можно проверить отпечатки, узнать отчёт баллистиков. А так приходится полагаться только на логику и интуицию.

— Ты что-то увидел?

— Ничего, что могло бы нам помочь. Судя по диаметру отверстия, пуля сорок пятого калибра. Поэтому звук от выстрела был не достаточно громким, однако все равно удивительно, что не разбудил соседей.

— Что скажешь про него? — Рейн снова стал рассматривать труп.

— Мужчина лет сорока. Не женат, недавно въехал в эту квартиру и как-то замешан в нашем деле. Учитывая количество вещей в доме, его жизнь нельзя было назвать насыщенной. Ходил на пробежки и работал за ноутбуком, целыми днями сидя дома. Думаю, очень давно, от чего спина стала дряблой, и он решил начать бегать.

— Какой ноутбук? — Спросил я, ведь его ничего не было.

— На столе остался след. Наш убийца забрал его с собой.

— Как думаешь, почему его прикончили?

— Вероятнее всего, мы вызвали у них панику. И должен быть ещё один труп. Ты тоже слышал фразы про некоего Клэрка. Думаю, его тоже убили, и встреча Роберта с тем парнем была как раз по этой причине.

Ещё не много осмотревшись, мы вышли из квартиры Роберта и отправились домой. Надолго оставаться нельзя было. Есть вероятность, что все-таки приедет полиция. Я вдруг понял, насколько мне это все интересно. Когда появляется загадка, интрига. Это помогает держаться и не возвращаться к наркотикам. Конечно, я понимал, что долго держаться не смогу, однако я пообещал Эбби, что не буду принимать минимум до её приезда.

Мы вернулись домой. Рейн снова сел в кресло, сложив руки перед собой на коленях. Снова думал. Уже было почти два часа ночи. Я ужасно хотел спать и уснул, прослушивая альбом Эллиотта Смита.

Утром вся моя голова была снова забита смертью Роберта. Никак не могу ничего связать. Зачем они убивают тех, кто с ними замешаны. Тем более, того, кто выставил на продажу саму вазу. Однако в данный момент я был удивлён тому, что мой друг сидел в том же положении в кресле, что и в момент, когда я засыпал. Я сделал себе кофе и громко поставил кружку на стол, от чего Рейн открыл глаза. Они были красноватыми, а пепельница полна окурков.

— Ты что ли не спал всю ночь? — Обратился я к нему. Рейн снова закурил.

— Видишь ли, когда сильно напрягаешь себя умственной работой, сон отходит на второй план, и у него не остаётся шансов победить.

Но закончив эту фразу, глаза Рейна закрылись, а рука опустилась вниз. Сигарета продолжала тлеть и дымиться в его руках. Я попробовал несколько раз его окликнуть, однако это не сработало. Он уснул. Тоже мне, умственная работа не даёт спать. Какие мы умные.

Я сварил себе ещё кофе и сделал быстрый завтрак из хлопьев. Решил, что пока Рейнбол отдыхает, это мой шанс занять себя и показать свою полезность в деле. Я вышел на улицу и отправился к дому Роберта. Возле его дома не было полиции и, взяв местную газету, я

убедился, что его труп все ещё в доме, и он так и не найден. Тогда я вспомнил, что в телефонном разговоре упоминалось имя Клэрк. Имя не частое, потому решил проверить в телефонной книге. Чуть более двадцати номеров.

После десятого номера, надежда во мне немного угасала. Приходилось обзванивать и находить людей в интернете. Учитель, повар, кинолог. Все казались не теми, что мне нужны. И спустя чуть более часа, я наткнулся на Клэрка Фиренса. Скульптор и художник. В голове сложились пазлы, что он мог создать вазу. Теория, конечно, взята с воздуха, но я почувствовал удовлетворение от того, что смог прийти к такому выводу.

Позвонил на телефон, не зная, что говорить, но трубку никто не взял. Телефон стационарный, а мобильного в интернете не нашёл. Зато там был его адрес. Не позвонив Рейну, я отправился к дому Клэрка. Денег не было, а дом находился на окраине Вашингтона. И все же добрался я достаточно быстро из-за уверенной, полной энергии походки.

Это был дом зеленого цвета с множеством граффити на нем. Очевидно, хозяин сам его раскрашивал. Такое бывает, когда твоё творчество не вмещается на листок бумаги.

Я постучал в дверь, но никто не ответил. Тогда увидел открытое окно и решил влезть в него. Теперь не страшно поступать противозаконно. Войдя внутрь, увидел большое количество разной мебели. Я оказался в гостиной. Диван, телевизор с приставкой, большой стол, стулья. Сразу видно, что человек на своём хобби хорошо зарабатывал и любил покупать много вещей, учитывая бардак, из не пойми чего. А вот картин или лепок я никаких не увидел, что странно. Стены окрашены в один чёрный цвет.

Внезапно я услышал какие-то звуки вдали по коридору. Звук того, как размешивается сахар в стакане. Я достал пистолет, и даже не понимая, что делаю, стал на носки и медленно двигался в сторону источника звука. Уже было ясно, что звук исходит из кухни. Сам не понимая, что собираюсь делать, когда застукаю хозяина, постепенно приближался к двери на кухню. Устраивать допрос стал единственный вариант. Хоть и не было уверенности в связи этого Клэрка с вазой. Однако я не придумал ничего лучше, чем резко выпрыгнуть в проход.

Все возможные, матерые слова, на которые способен английский язык и немного португальского, промелькнули разом у меня в голове. На кухне, размешивая сахар в чашке кофе, стоял Рейн. Он предложил мне присесть. На столе стояли два стакана. Он услышал, что стучатся в двери, выглянул в окно, и увидел, что это я.

— Ты, правда, думал, что я позволю моему сну овладеть мной и остановить расследование? — Сказал Рейнбол. — Дело набирает все больше оборотов, нельзя медлить.

— И как же ты проснулся?

— Мне позвонила Эбби и разбудила.

— Ты врешь, — С улыбкой произнес я. — У неё с самого утра выключен телефон, я проверял.

— Ладно, сигарета тлела и начала жечь мне пальцы.

Это было забавно. Оказалось, Рейн нашёл дом Клэрка тем же способом, что и я. А это удваивает, как по мне, точность моей теории. Нашей теории. Мы немного походили по дому. Возле кровати лежали вещи. Одежда, изучив которую, Рейн сказал, что парень отсутствует три дня, не меньше. В гостиной была ещё одна дверь, которая вела в подвал. Мы спустилось вниз, и тогда глаза стали разбегаться от количества лепок и картин вокруг. Подвал казался сделанным на заказ. Ибо его размеры впечатляли. Мы ходили с Рейном, рассматривая мольберты и лепки животных. Однако ни рисунков ваз, ни лепок ваз там не было. Рисунки

женщин, мужчин, зверей и точно такие же фигуры из глины и воска. Много красок и кисточек разбросаны были по всему помещению. Посередине стоял стол, на котором их было больше всего. Также на нем лежал стационарный телефон. Рассмотрев картины, мы подошли к столу. На таком телефоне можно посмотреть то, какой номер был последним, и оставленные голосовые сообщения на автоответчик. Последним на него звонили я и мой друг. Но было и одно голосовое сообщение. «Привет, это Джон. Приди в лабораторию, как только сможешь. Нам нужно поговорить». Сообщение закончилось.

— Что думаешь по поводу этого всего, Рейн?

— Он профессиональный скульптор и художник. Он вероятно и слепил нашу вазу. — Я вспомнил слова Рейнбол про три дня отсутствия.

— Ты говоришь, его несколько дней не было. — Сказал я. — Плюс разговор Роберта с тем человеком, что его прикончил. Выходит, Клэрк уже тоже мертв?

— Нет сомнений. Они начинают замечать следы. Значит, им страшно и, возможно, они нашли покупателя. Мы имеем дело с большой группой людей. Будь их меньше, уже бы решили дело. А так все, кого мы находим, умирают. Как будто их убивают из-за нас, что не понятно. Легче же нас самих прикончить. Вероятно, по какой-то причине они не могут это сделать, если конечно ты не был прав, и наш киллер действует под их руководством.

Это, конечно, логично, но настроение от этого не поднимается. Не хотелось бы оказаться под дулом пистолета у того, кто всех прикончил. Мы с Рейном стали обсуждать нового человека. Некий Джон в некой лаборатории. И пусть это по моей части, ни я, ни мой друг понятия не имели, как найти его или эту лабораторию. А время поджимало, ведь, скорее всего, этого Джона тоже уберут, если уже это не сделали.

Мы вернулись домой. Рейнбол посоветовал мне отвлечься, поэтому я занялся бытовыми делами. Приготовил ужин, убрался в комнате и постирал наши вещи. Вероятно, для этого Рейн и предложил отвлечься, потому как он не любит заниматься чистотой. И после выполнения всех домашних дел, уже было поздно и, поняв, что всю энергию потратил, я отправился спать. Хотя вторая причина была весомее. Останься я в сознании, начала бы мучать ломка.

Проснулся я от того, что меня дергала Эбби за плечо. Она смотрела мне в глаза своим очаровательным взглядом. Я вдруг понял, что могу выглядеть, как собака, весело махающая хвостом, и сухо поблагодарил за кофе. Для меня это её действие является хорошим знаком внимания. Уже не мог ждать момента, когда смогу с ней поговорить.

Мы пошли на кухню. Завтрак был разложен по тарелкам, и за столом, ожидая нас, сидел Рейн. Он выглядел выспавшимся, значит, решил все-таки дать себе отдых. На столе я так же увидел утреннюю газету, заголовок которой Гласил о смерти Роберта и Клэрка.

За завтраком я узнал, что Рейн ещё вчера успел дать Эбби задание, разузнать кто такой Джон. Она успешно с ним справилась. Джон Рид. Работал над созданием разного вида бомб и это никем не скрывается. Затем бросил это и официально работает в лаборатории при больнице. Изучает стволовые клетки. Но есть два изъяна. Во-первых, лаборатория вряд ли та, о которой он говорил в сообщении Клэрку, поскольку она находится в больнице, и посторонним вход туда закрыт. Скорее всего, он держит её подпольно, как это делал я. А вот второй изъян заключается в том, что он уже два месяца не выходил на работу. Сначала взял отпуск на несколько недель, а затем исчез. Ему уже грозят увольнением, но он, похоже, этого не боится и не собирается возвращаться.

Мы узнали его адрес и поехали все вместе. Я не хотел, чтобы Эбби думала, что я по ней

сохну, потому старался уделять ей как можно меньше внимания. Мы приехали утром, и соседи Джона как раз выходили на работу. Они рассказали нам, что давненько его не видели. Мы стояли у закрытой двери и думали о том, где можно найти эту его тайную лабораторию. Но Эбби решила идти на прорыв. Окно было небольшим, и в силу своих маленьких размеров она смогла в него влезть. Я ожидал, что она откроет нам дверь, но этого не произошло. Она решила справиться одна, и это пугало. Казалось, она такая же беспечная, как мой друг.

Мы с Рейном прождали её около десяти минут. Вылезая, она лишь сказала «Чаплин Кросс, 35». И мы пошли за ней. Эбби оплачивала нам все проезды в автобусах и такси, ведь у нас уже не осталось денег. От этого становилось неловко.

Спустя двадцать минут приехали по адресу. Это было небольшое здание, на вид вообще заброшенное. Но с замком, от которого мы без проблем избавились. Его наличие снаружи говорило о том, что внутри никого нет. Однако я решил, что вот-вот сойду с ума, ведь мы снова нашли очередной труп.

Не успели. Джон лежал под стенкой, с двумя отверстиями в груди. На нем были брюки и рубашка. С виду молодой, удивительно как смог таким себя сохранить в свои сорок пять. Но моё внимание отвлекла лаборатория. Она прекрасна. Столько много разных препаратов, о многих из которых я вообще не слышал. Пока Рейн и Эбби разглядывали труп, я погрузился в сказку. Из тех предметов, что там находились, можно было сделать что угодно.

Мы проторчали в стране чудес более двух часов, но, к сожалению, так ничего и не смогли найти, что дало бы ключ к разгадке. Кто-то делает все, что возможно для того, чтобы мы не смогли найти ответ. Не понятно было, что именно здесь делал Роберт. Выглядело так, будто он только все расставил по местам. Привёл лабораторию в порядок. Никаких следов экспериментов или проб. На рубашке следы пороха. Стреляли вплотную и, похоже, всего за несколько часов до нашего прихода. В конечном счёте, у нас ничего не было.

Рейнбол запретил мне забирать любые предметы из лаборатории, что не могло не расстраивать. Мы поехали домой. Выпили кофе, и внезапно Рейн куда-то ушёл, не сказав ни слова. Мы с Эбби остались одни. Она сходила в душ и села читать какой-то журнал в нашей комнате. Я сел рядом и решил, что это идеальный момент для того, чтобы поговорить с ней.

— После той ночи, — начал я. — Когда ты заснула со мной на одной кровати, ты стала меня избегать, тебе так не кажется?

— Нет. — Лишь сухо ответила Эбби.

— Я знаю, что в моем положении глупо на что-то надеяться.

— Ты хочешь чего-то конкретного от меня?

— Вероятно, однако, я хотел поговорить о твоей болезни. — Эбби отложила в сторону свой журнал.

— Тут не о чем говорить. В самую нашу первую встречу, Рейнбол был прав. Чтобы мне ни сказали, я останусь при своём мнении.

— Но почему твоё мнение такое, каким оно есть?

— А почему ты хочешь мне помочь?

— Потому что ты помогла мне. Ты помогла нам, не требуя ничего взамен. Я и сам до сих пор не понял, зачем ты это делаешь.

— Я уже, кажется, объясняла.

— Не думаю, что это была правда. И не переводи тему. Когда у тебя это началось?

— Давно.

— Ты знаешь причину? — Спросил я.

— Я об этом не думаю. Слушай, Картер. Не пытайся лезть ко мне в голову. Меня все устраивает, и я радуюсь жизни. А тебе не мешало бы помочь самому себе.

Да уж. Кажется, от кое-кого я уже это слышал. Разговор не удался. Я как наивный ребёнок подумал, что мы сближаемся, и точно так же наивно подумал, что смогу ей помочь. Наверняка многие уже пытались, и у них не вышло. Но я решил, что не сдамся и буду дальше думать о том, как сделать её счастливее. Я обязан этому человеку.

Остаток вечера мы провели в молчании. Я делал для нас обоих чай, но Эбби даже не поблагодарила. Меня это злило, ибо выглядело так, будто я обидел её желанием помочь. Спустя час я вспомнил, что уже давно нет Рейна, и пора ему позвонить. Но он пришёл прежде, чем я успел это сделать. Охапкой, в двух руках, он занёс в дом 6 манекенов и бросил их на пол. Это были те самые, которые были выброшены возле музея, в котором работала Анри.

Рейнбол расставил шесть стульев (То есть, все, что были в доме) вокруг одного кресла и стал усаживать на них манекены. Мы с Эбби то и дело переглядывались друг на друга, давая понять, что не сможем ничего в том, что он делает. Когда все манекены сидели на своих местах, Рейн упал в кресло и начал рассматривать каждого из них.

— Что ты делаешь? — Спросил я.

— Визуализация. Одна из самых важных частей в раскрытии преступлений. Видеть картину целиком. Но этого недостаточно. Эбби, мне нужно немного твоей одежды, чтобы нарядить двоих манекенов, играющих роль убитых девушек.

— Ты сумасшедший? — Обратился я к нему на повышенном тоне, сам не знаю, почему.

— Если все сделать правильно, то это может помочь мне понять, что случилось. От тебя мне тоже нужна помощь. Распечатай фотографии всех жертв. У каждого по одной.

— А почему жертв пять, а манекенов шесть? — Спросила Эбби.

— Потому что один из них неизвестный. На его лицо мне нужна фотография известной нам вазы.

Дома у нас был принтер, поэтому с обоими заданиями моего друга мы справились довольно быстро. Он надел двоих манекенов в женские платья, принадлежащие Эбби. Других четверых — в наши с ним костюмы, которые мы купили несколько дней назад. Картина получилось довольно мрачной, хотя казалось, что именно этого Рейн и добивался. После он сказал, что нам с Эбби лучше удалиться из комнаты и не мешать ему.

Мы отправились на кухню. Эбби сделала нам чаю.

— У него всегда такие странные методы? — Спросила она.

— Точно не помню, но кажется, только с делами, которое загоняют его в тупик. Когда вроде бы уже вся информация на руках, а ответ в голову не приходит.

— Ясно. Прости меня за сегодняшнюю дерзость. Я не люблю, когда пытаются мне помочь.

— То есть, ты как бы извиняешься и одновременно говоришь, что я сам виноват в том, что лезу не в своё дело?

— Нет. Просто хочу, чтобы ты знал, что я не нуждаюсь в помощи. Я в порядке.

До ночи мы болтали о сестре Эбби и учебе. Оказалось, через несколько дней она выступает в театре. Я сказал, что обязательно приду, чтобы посмотреть. Затем решил зайти и проверить, как дела у Рейна, но его самого почти не было видно за клубком дыма, который витал по нашей комнате. Я, конечно, могу иногда выкурить пару сигарет, но это было уже

чересчур. И ещё удивляло, что я понятия не имел, где он их берёт, ведь у нас самих денег не было. Не исключаю вероятность того, что он их где-то воровал.

Мой друг продолжал сидеть и думать, потому Эбби предложила мне сегодня спать в её комнате, чтобы не отвлекать его и не отравиться дымом. Как бы она не хотела близости, в её комнате только одна кровать. И все же я лёг, ожидая, когда почувствую тепло у своей спины, но оно не приходило. Я повернулся на другую сторону и увидел, как Эбби легла спать на пол.

Весь следующий день Рейн просидел в комнате наедине со своими куклами, пока мы с Эбби занимались домашними делами. Затем мне пришлось в голову сходить в музей, и она пошла со мной. Оказалось, что на вазу нашёлся покупатель. Голландец, готовый заплатить за неё двадцать миллионов долларов. Хозяин вазы официально решил остаться анонимным, но полиция не нашла никакой связи между ним и убитым Клэрком. Потому его не арестовали.

Мы с Эбби поспешили обратно домой, чтобы рассказать все новости Рейну. А дома, помимо всего прочего, появилось несколько картин, сложенных на диван. На них были изображены здания и танцующие девушки. Ничего подобного не было в квартире у Клэрка.

— Где ты их достал? — Обратился я к Рейну.

— Украл в доме Анри.

— Зачем? — В один голос спросили мы с Эбби.

Но Рейн молчал. Он рассматривал все, что его окружало, даже не замечая нас. И внезапно его глаза загорелись.

— Тебя осенило, что ли? — Спросил я.

— Блестяще, — сказал он. — Она была умницей. Разбиралась в искусстве и видела то, чего не видели мы.

— О чем ты?

— Посмотри на её картины и на вазу. — Мы с Эбби подошли ближе, однако ничего не видели. Тем временем Рейнбол искал что-то в телефоне.

— Идиоты. — Снова повторил он. — Одежда. Она, конечно, разного цвета, но одного фасона. Бенгальский муслин, восемнадцатого века.

— И что с того? — Спросила Эбби.

— А откуда ему взяться на вазе пятнадцатого столетия?

Мы с Эбби были в шоке. Платья у девушек на картине и на вазе были и вправду абсолютно одинаковыми. Рейн продолжил.

— Теперь картина становится более ясной. — Объясняя, он показывал пальцами на манекены. — Была целая группа людей, которые задумали создать поддельную вазу да Винчи. Вернее, это мы подсказали им такую идею. Аноним собрал команду. Клэрк её слепил и нарисовал, а Роберт выставил на продажу. Но они не ожидали, что девушка по имени Анри Стюарт, которой было поручено рассказывать посетителям про вазу, хорошо разбирается в искусстве и, более того, рисовала точно такую же одежду. Видимо Клэрк перепутал её с другой одеждой. В результате Анри дала об этом знать, и была убита. В след за ней убили Нэнси, её подругу, поскольку она начала разбираться и, возможно, тоже поняла, в чем дело. Они начали бояться и убили и её тоже. Затем тот, кто это задумал, убил Клэрка. От этого разозлился Роберт — и тоже был убит. За ним и Джон.

— Здорово Рейн, поздравляю с нашим вторым делом. Только эту вазу и вправду проверяли тем способом, о котором я тебе говорил. И как ты объяснишь участие Джона?

— Напомни про способ проверки. — Сказал Рейн. Я подвинул манекена и сел в кресло

рядом с ним.

— Изучается количество распадов в атомах материала. — Ответил я. — Каждый распадается за определённое время и по количеству распадов узнается приблизительно время существования предмета.

— Только ты мог знать, что с этим можно сделать. Напряги свои мозги и попытайся понять, что ты подсказал им сделать.

Я сидел, рассматривая манекены. Напрягал свои мозги изо всех сил, чтобы не отставать от моего друга. Мама всегда говорила, что соперничество заложено в психику людей и позволяет нам становиться лучше и добиваться того, чего хотим. Тем более, что это уже была моя специфика. И моя очередь настала, меня тоже осенило.

— Как же я был слеп! А что, если Джон занимался не просто созданием бомб, а созданием ядерных бомб? Тогда у него был доступ к урану. Я, конечно, не уверен, но кажется с помощью радиации, можно ускорить химический распад других элементов. И в таком случае удалось бы повернуть это дело и обойти проверку.

— Возможно, подходит под общую версию, но лично мне все-таки кажется, что у них был свой человек в отделе проверки на подлинность.

Мы во всем оказались правы. Тем же днём Эбби пошла в полицию со всей информацией, что у нас была. Полиция открыла дело, и хозяин вазы был задержан. Им оказался некий Марк Девис. Только в одном мы просчитались. Ему было предъявлено обвинение за соучастие в подделке исторического искусства, но он был не один. За все убийства и их исполнения отвечал Арчер Миллер. Серийный убийца. Марку светил пожизненное заключение, а Арчер был приговорён к смерти путём смертельной инъекции. Радовало, что нам удалось закрыть дело. Хоть и все лавры забрала полиция, ни сказав ничего об Эбби. Но одно событие заставило насторожиться. По телевизору показали лица Арчера и Марка, и мы увидели, что ни один из них не похож на того киллера, который гнался за нами в Мардив.

«Переполох Ганзо»

Глаза не удавалось открыть. Как я ни старался, они отказывались смотреть на этот дивный мир.

— Подай воды, — обратился ко мне парень, которого, кажется, звали Грегори. Я нащупал воду и первым делом брызнул ею себе в глаза.

— Эй!

— Послушай, я не могу подать тебе воду, если не могу видеть тебя.

Мне удалось открыть глаза. И вместе с ними, видимо, и открылись поры в моем носу. Запах ударил в голову так, что я снова принял лежачее положение. Через полминуты осознал, что лежу не просто на полу, а на матрасе.

Я находился в заброшенном здании, которое взяли себе бездомные и наркоманы, чтобы жить так, как им хочется и не бояться полиции. Самому было тяжело поверить, что я сейчас нахожусь среди этих отбросов общества. Взглянуть на них один раз вполне достаточно. Бездомные наркоманы хорошо выделяются из толпы. Казалось, я единственный был в чистой одежде. Почти чистой. Очевидно, меня привело сюда желание найти дозу. Мои запасы кончились, а денег на новые совсем не было. Эти придурки засовывают в себя что попало, поэтому у меня нет шансов получить нормальный кайф, и я это понимал. Но это убрало мою боль, и теперь я себя чувствовал намного лучше.

Когда до меня дошло, что парень, который попросил у меня воды, обделался. Меня чуть не стошнило и, подняв свою пятую точку, я направился к выходу. Никто не пытался меня остановить. На улице раннее утро, и все ещё спали.

Вспомнив о том, что Рейн начал новое дело, я заглянул в свой телефон. Там значился адрес и время, на которое я уже опоздал. Но я поехал к нему. Место было довольно странным. Рейн позвал меня на чердак, который находился на крыше магазина. Одного из крупных магазинов. Я предположил, что мой друг следит за кем-то с высоты, но глубоко ошибся. Рейнбол стоял, упершись взглядом на тело мужчины на полу.

Мужчина, с виду лет тридцати пяти. Лицо синее, как будто умер от удушья. Что удивило, так это то, что на нем не было одежды. Он лежал пузом в пол и, по крайней мере, на спине не было признаков насилия. В самом помещении не было ничего, кроме мусора и старого стола, на котором лежал пиджак и портфель, по всей видимости, принадлежащие труп. Рейн перевернул его тело.

— Все тело в синяках и вздуты лимфоузлы на шее. — Отметил я. — Это, возможно, вообще не убийство. У него могла быть сонная болезнь или, может, болезнь Шагаса.

— О да, Картер, пожалуй, для проверки твоей теории, поеду в Африку и займусь сексом с мухой цеце. Ты сегодня не с той ноги встал или клеща подхватил? У него недостаточно симптомов для этой болезни.

— И что видишь ты?

— Я вижу, что парень тут был не один. Он фотограф и, к слову, его имя красуется в твоём блокноте.

— То, что его имя есть в блокноте, не означает, что его убили. — Ответил я. — Откуда ты знаешь, что он тут был не один?

— Взгляни вокруг. Все в пыли. Любые прикосновения сметают пыль, и на полу четко видно следы ещё одного человека, который был в кроссовках, что абсолютно не важно в

отличие от того, что он здесь был.

— А как ты узнал, что он фотограф? — Спросил я.

— Морщинка возле правого глаза от фотоаппарата и большой портфель. Конечно, я могу ошибаться, но информации недостаточно для точных выводов. Пиджак пуст и как будто вообще не принадлежит ему, поскольку не совсем подходит по размеру. В портфеле тоже ничего интересного. За исключением вот этого.

Рейн показал мне записку и билет на концерт, который должен состояться в этот день вечером. Фокусное представление в небольшом театре, в центре Вашингтона. На записке было написано «Все получают своё, Майкл. И ты, и брат твой. Жду на концерте, будет весело».

— Думаю, вполне вероятно, что наш убийца и есть тот, кто пригласил жертву. Однако решил справиться с ним раньше. — Сказал Рейн.

— А сюда убитый пришёл зачем?

— В окне красивый вид. Возможно, хотел заделать пару снимков. И сразу скажу, что у меня нет версии по поводу того, почему он без одежды. Но могу сказать тебе точно, что интересуешься ты не теми вопросами. Прочти записку. Его брату, возможно, угрожает та же опасность. Если я прав, то его брата тоже позовут на это выступление, чтобы прикончить, если уже это не сделали. Я пойду, возьму ещё один билет, чтобы мы могли с тобой пойти на выступление и найти больше информации о жертве. Его роговицы стали мутными, а тело окоченело. Прошло около десяти часов с момента смерти. Значит, брат уже точно должен был получить билет.

— Но как, по-твоему, его убили?

— У него незначительное выпадение волос и легкий запах ацетона изо рта.

— Отравили?

— Нет. Это признаки сахарного диабета второго типа. Насчёт этого я тоже узнаю. Правда, обычно запах ацетона у детей, но может быть и у взрослых. И если тут без промашек, то убийство на лицо. Нам нужен человек, который хоть немного разбирается в медицине.

— Уверен, что он умер не от диабета?

— Слишком слабые признаки. На этой стадии ещё не смертельно. А вот то, что ему вкололи два миллилитра инсулина, вот это уже вероятно. Укол рассасывается через пару часов, вызывает кому и остановку сердца. К сожалению, все, что я здесь сказал, это лишь гипотезы. Пора приступить к действиям, чтобы их исключать.

— А мне что делать? — Спросил я.

— Сходи домой в душ. От тебя несет за несколько метров твоим притоном.

Я отправился в квартиру Эбби, чтобы принять душ. Шёл в ожидании того, что она начнёт меня отсчитывать, ведь она знала, где я пропал несколько дней. Проблема в том, что она винит себя за это. Думает, что из-за неё я себя гроблю. Хотя на самом деле я и сам себя ненавижу за то, что делаю, и никак не получается это исправить. Ещё мне в голову приходила мысль, мол, почему мы не вызвали полицию но потом пришло осознание, что мы оставили свои следы и отпечатки. Наверняка Рейн вызовет полицию уже после того, как сам разберётся с делом, чтобы нам не мешали.

Зайдя домой, я обратил внимание на лишнюю пару женской обуви. Решил, что Эбби прикупила себе новые туфли, но, войдя в гостиную, я не успел ничего разглядеть, так как Эбби схватила меня, закрыв рот, потащила к себе в спальню и приказала спрятаться под

кровать. Через минуту я понял, что происходит. В гости пришла её сестра. Более взрослая, но такой же приятный голос доносился из кухни. Слышно плохо и все же я смог понять, что они говорили о работе её сестры. Ей дали новую роль, и она о чем-то просила Эбби.

Под кроватью пришлось пролежать минут пятнадцать, пока Эбби вернулась и предложила мне выйти. Мы немного поговорили о Лизе. Так звали её сестру. Она на семь лет старше и сейчас и вправду получила роль в большом кино. Меня не стали упрекать, в том, что я не ночевал несколько дней дома. Казалось, что голова Эбби занята другим. Я пошёл в душ. После перекусил, и специально ничего не сказав подруге, стал собираться выходить, и она меня остановила. Хотел, чтобы проявила какую-то инициативу. Рассказав о новом деле, продолжил выходить. Эбби пожелала мне удачи и сказала быть аккуратным. Весьма холодно прозвучало, но все равно греет.

Я пришёл в назначенное место. Небольшое помещение, предназначенное для спектаклей. Встретился с Рейном у касс, в которые он сдал билеты. Оказалось, он успел найти не много информации. Убитого звали Майкл Ганзо. Он и в правду был фотографом. Причём, свадебным. У него был диабет. Рейнбол и сам не ожидал, что попадёт во все мишени. Брата Майкла звали Гарри Ганзо. У них год разницы в возрасте. Правда, Гарри не успел ничего добиться. Он пьянчужка.

— Как мы будем искать убийцу, если не знаем, как он выглядит? — Обратился я к Рейну.

— Кроссовки Найк, ты забыл? А если серьёзно, нам не нужно его искать. Нам нужно найти Гарри и держаться с ним рядом.

Рейнбол показал мне фотографию Гарри. На ней он был явно помоложе, чем есть сейчас. Выраженные скулы, рыжие волосы и неопрятный вид. Мы зашли в зал. На удивление, людей было очень много. Обычно такие мероприятия не богаты людьми. Мы решили стать с краю сцены и начали искать рыжую голову. Задача не из простых. Все внимание пришлось сфокусировать на поставленную задачу, и это дало плоды. Спустя десять минут я увидел нужную нам голову и показал её Рейну. Однако проблема пришла оттуда, откуда не ждали. Выступающий на сцене мужчина стал приглашать людей на сцену и показал прямо на нас. Люди тоже обернулись. Привлекать на себя внимание — безумно плохая идея, но Рейну так не показалось. Рядом мыла полы уборщица, и мой друг взял мою и её руки, и толкнул нас вперёд. Мы вышли на сцену. Глядя в зал, я все ждал, когда услышу крик: «это же тот самый преступник». Но пронесло. Мужчина снял шляпу и выдал каждому из нас по одной бумажке, на которой велел что-то написать. Неважно что. На сцене стояли несколько девушек, парней и я с уборщицей, которая, похоже от страха, прижалась ко мне. На своём листочке я написал «закись углерода». Все положили свои листочки в шляпу. Выступающий, держа шляпу перед собой, достал первый листок, не глядя на него и заговорил в микрофон: «Рука, написавшая это послание очень нежна. На нем задан вопрос, что я здесь делаю». Одна из девушек, стоявших с нами рядом, вскрикнула, что это её записка. Он посмотрел на неё, чтобы проверить и повторил это семь раз, угадав каждую записку, включая и мою. Признаться, это удивило меня.

Мы с женщиной вернулись в зал. Только сейчас я хорошенько её разглядел. В возрасте, с короткими, явно крашеными волосами. Но от неё приятно пахло парфюмом. Я нашёл в толпе Рейна. Махнул ему рукой, чтобы он подошёл ко мне. Рейн отрицательно кивнул. Он стоял рядом с теоретической жертвой и разглядывал его со всех сторон. Внезапно другой выступающий мужчина стал звать людей и пригласил ту же женщину. Она взяла меня под

руку и снова потащила на сцену. После показа фокуса с картами, о котором я говорить не буду, поскольку сам знаю, как его делать, началась музыка. В этот раз на сцене было трое мужчин и три девушки. Нам было сказано танцевать в парах. И как бы приятно ни пахло от женщины, прикосновения к ней были не особо приятными. К тому же, она вцепилась в меня ногтями мертвой хваткой и наступала на ноги. Среди нас так же танцевали и другие люди. Не из зала, а профессионалы. Создалось ощущение, что они поместили нас в центр, чтобы выделиться своим мастерством.

Танцы закончились, и мы вернулись в зал. Женщина заговорила со мной, представившись как Мисс Френсис. Мы болтали о мелочах в течение получаса. Обсуждали показанные фокусы. Пришлось соврать, что я частный сыщик и нахожусь на задании. В свою очередь дама рассказала, что у неё есть дело. Нечто весьма подозрительное прямо в этом месте, на втором этаже. Она повела меня туда. Мы вошли в кабинет, в котором практически не было мебели, за исключением пары декораций и письменного стола. Я подошёл ближе, рассматривая все вокруг, и был поражён, обернувшись назад. Женщина навела на меня оружие. В голове возникло миллион гипотез о том, что она знает, кто я, или замешана в убийстве Майкла Ганзо, или тайный полицейский. Но все эти гипотезы моментально рухнули после того, как женщина приказала мне раздеться. Она закрыла дверь и сняла с себя верхнюю одежду. Зрелище настолько неприятное, что меня чуть не стошнило.

Она заперла дверь, и даже здесь отчётливо было слышно музыку. Кричать не имеет смысла. Я был растерян и не представлял, что мне делать. Как назло, оставил свой пистолет дома. А женщина продолжала, повышая тон и угрожая, говорить мне о том, чтобы я с ней переспал. Таких сумасшедших я даже в кино не припомню. А взгляд и в самом деле, как у хищника.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Она выстрелила. Не в меня, а в стол, который стоял рядом, но в этот момент я пожалел, что не знаю ни одной молитвы. Долбаный калибр сорок пять АСР очень популярен. Звук от него намного тише, чем от девяти миллиметров. К тому же мы на втором этаже, где не было никого, кроме нас. Я решил тянуть время, пока она не подойдёт ближе, чтобы выхватить у неё пистолет. Снял пальто и рубашку, и после этого она кинула к моим ногам веревку. Можно было попробовать брыкаться, но это напрочь сломало мой план. Я стал не туго связывать свои руки. Она прервала меня и приказала это делать за спиной. Затем лечь на пол лицом вниз. Она связала мне руки второй веревкой и примотала её к ногам. Таким образом, я лишился возможности сопротивляться. Эта женщина перевернула меня и расстегнула пуговицу на штанах. Да-да, я начал кричать как девчонка в надежде, что меня кто-то услышит. Но женщину это, похоже, ещё больше заводило. В результате я закрыл глаза, чтобы хотя бы не видеть всего этого ужаса. Я чувствовал её дыхание на своей коже, которое в одно мгновение прекратилось. Мои глаза открылись. Как ангел хранитель, что услышал мои молитвы, мой друг зашёл в помещение и оглушил женщину одним ударом по голове. Она выронила пистолет и сама шлёпнулась. Прямоком на меня. Её отвратительная голая грудь перекрыла мне дыхание. Рейнбол убрал женщину в сторону и развязал меня. Френсис была без сознания.

— Ты не мог прийти ещё позже! — Закричал я на него.

— Потом поблагодаришь, Картер. Я нашёл подозреваемого, он сейчас уйдёт.

Мы вышли в зал и ринулись к выходу. Больше всего на свете в тот момент, мне хотелось принять душ. Пробираясь сквозь толпу, я никак не мог успокоиться и выкинуть мусор из

своей головы.

Парень, за которым мы гнались, был высокого роста с темными волосами и сумкой наперевес. Нам почти удалось его догнать, но он подбежал к полицейской машине. И в этот же момент мы побежали ещё быстрее. В противоположную сторону.

На удивление дома создалась ламповая атмосфера. Эбби в наше отсутствие купила приставку, и весь оставшийся вечер мы проиграли в инди-игры. Затем она приготовила ужин. Рейн рассказывал смешные истории с прошлой работы. Я говорил о своём детстве. Затем мы смотрели фильм, и Рейнбол вскользь упомянул сумасшедшую женщину с выступления. Я было покраснел, но Эбби обняла меня и сменила тему, за что я был ей безумно благодарен.

— Говорил, что написано на листке, даже не глядя. — Сказала она. — Рейн, ты знаешь, как он это сделал? Я про фокусника.

— Все просто. Тот момент, когда он достал листок, сразу сказал, что написано и затем посмотрел, чтобы его проверить. На самом деле происходило другое. Девушка, которая сказала, что это ею написано, солгала. Она в заговоре с парнем. Он достаёт листик, принадлежащий кому-то из стоящих в толпе. Говорит, что написано, и она соглашается. Затем он не проверяет, а смотрит что на нем написано. А там как раз фраза одного из членов толпы. И в следующий раз именно эту фразу он и скажет. И при якобы проверке будет смотреть следующее послание.

Жаль. Фокус оказался довольно примитивен. Вот почему принято не рассказывать их суть. Пропадает не только магия, как сказали бы дети. Пропадает интерес. В общем, мы посмотрели фильм и легли спать все по своим местам. Я, наконец, расслабился и прекрасно себя чувствовал. Даже не испытывал ломки.

Утро началось с того, что Эбби сделала мне кофе. Рейн курил напротив, сидя на диване.

— Узнаю твой стандартный вид, — сказал я. — Ты что-то разузнал?

— Да. Тот парень, за которым мы гнались. Его зовут Питер Уайлд. Вероятно, это он хочет пополнить коллекцию мёртвых Ганзо. Менеджер строительной компании. У него недавно умерла жена, и его подозревали в её убийстве. Но адвокат добился отложения дела, поскольку нет никаких доказательств. Но жена была отправлена чем-то вроде цианида.

— Чем то вроде? — Переспросил я.

— Да. Они точно не уверены. Сам яд выявить не удалось, это скорее теория.

— Что ж. Было бы неплохо найти нашего Гарри и поговорить о том, что ему угрожает опасность. В газетах уже писали про смерть его брата?

— Да. Гарри уже знает и уверен, что его убил Питер Уайлд.

— Я понимаю, какие основания у нас, но он-то откуда это взял? Ты выяснял?

— Вот сейчас и выясним.

Изначально я не понял, о чем говорит мой друг. Мы отправились в комнату Эбби, и меня чуть не схватил инфаркт. Посреди комнаты стоял стул, к которому был привязан человек с рыжими волосами. Не сложно было догадаться, что это Гарри Ганзо.

— Какого черта, Рейн?! — Закричал я на друга. — Ты понимаешь, в каком мы положении? Дело даже не в нас. Если он расскажет полиции, проблемы начнутся у Эбби.

— Расслабься. — Спокойным тоном произнёс Рейнбол. — Я собрал ночью большое количество компроматов на этого парня. А в тюрьме достать алкоголь сложнее, чем на воле.

— Зачем ты вообще его связал?

— Он не хотел говорить.

Эбби подошла к парню и сняла с его глаз повязку, и вытянула изо рта полотенце. Гарри начал громко кричать, и Рейн включил музыку. Вкус моего друга в музыке мне не нравился, и скорее для себя, чем для пленного, я стал успокаивать его. Мне не удавалось, и в результате он успокоился только после того, как Рейнбол стал ему угрожать.

— Вы в заговоре с этим убийцей! — Начал парень.

— Нет. — Ответил я. — Мы считаем, что его друг Питер мог это сделать.

— Друг? Что ты несёшь. Вы не знали моего брата и не знали этого уroda. Мы поддерживали с ним связь только из-за Оливии.

— Его жены?

— Да. Этот парень всегда был чокнутым. Вечно огрызался по любому поводу и без повода. А после смерти Оливии совсем слетел с катушек. Переехал в старый дом, никого к себе не подпускал и вечно угрожал мне и моему брату.

— Почему? — Спросил Рейн.

— Я же вам говорю, он больной на всю голову. У вас есть выпить? Благодарю. Сегодня было слушание по делу брата. У них нет никаких доказательств, и они думают признать это самоубийством. Но я знал Майкла. Он бы ни за что этого не сделал.

— И мы так думаем. Что вашего брата отправили. — Продолжил Рейн. — У вашего брата был диабет, верно? Запросто можно убить его лекарством. Мы частные детективы и были на месте преступления. Там были чужие следы. Плюс отсутствие одежды вашего брата и фотоаппарата, и всего прочего. Зато в углу помещения я нашёл немного битого стекла от объектива. Думаю, Майкл сфотографировал убийцу, и тот разбил фотоаппарат. И самое главное, вот это.

Рейн протянул бумажку с посланием, которою мы нашли прошлым днём. Гарри прочёл её и разразился всеми ругательствами, на которые способен английский язык. Затем разрыдался. В этот раз его начала успокаивать Эбби.

— Этот урод, — продолжил Гарри. — Переехал на Чарлинг Кросс, 27. Умоляю, предоставьте все улики полиции, чтобы его засадили в тюрьму. Он обязан быть наказан.

— Можем сначала его искалечить. — Сказал Рейн.

— Нет, не нужно. Просто пускай сядет ублюдок за моего братишку. Кстати, Оливия была медсестрой. Возможно, он у неё когда-то услышал о том, что лекарство брата смертельно.

Что ж, этого было достаточно. В полицию мы, понятное дело, обращаться не собирались. Отпустили парня и отправились вдвоём на Чарлинг Кросс. Перед выходом я увидел много грязи на ботинках Эбби.

— Зачем ты предложил его искалечить? — Спросил я у Рейна.

— Чтобы проверить, есть ли у него чувство вины. Не думаю, что Питер просто так сорвался на них.

— О да. У тебя для всего должна быть причина. Правда, возможно, парень просто сошёл с ума. Паранойя на основе смерти жены. Это очевидно.

— И все же, это не невозможно.

— А почему ты соврал про разбитый объектив? Его вчера не было.

— Он был, — ответил Рейн. — Я ходил ночью на место преступления, чтобы убедиться в том, что ничего не упустил. Оказалось, упустил.

— У Эбби ботинки грязные. Ночью был дождь. Вы ходили вместе?

Рейнбол ответил, что так оно и было. Это заставило на меня нахлынуть волну ревности.

Хотя я понимал, что девушка не должна становиться между двумя близкими друзьями. Тем более, в той ситуации, когда мы с ним остались одни против всего мира. Ну, почти одни. И все же я чувствовал, что нас теперь трое, и я могу положиться не только на своего друга, а ревность — это последствия пополнения в команде падших.

Деньги остались дома, потому мы шли пешком. Для меня это небольшое мучение, а вот Рейн обожает ходить пешком. Если я не покупал машину из-за нехватки денег, то ему она не нужна. Иногда ездил на такси, и выходило дешевле ко всему прочему.

Когда мы почти дошли до места, услышали крики позади. Гарри прибежал за нами. Он алкоголик, но не так глуп. Понял, что мы не пойдём в полицию, а попробуем разобраться сами. Решил помочь, чем сможет.

Старый дом оказался внушительных размеров. Он выглядит так, будто сгорел, и после его было лень реконструировать. Очередной дом, в который нам нужно влезть по причине того, что никто не открывает дверь. Проникновение на чужую собственность уже почти вошло в привычку. Рейнбол взломал замок.

Изнутри дом казался ещё более внушительных размеров. Кругом подделки картин Ван Гога и, похоже, других художников с психическими расстройствами. Куча старой мебели и длинные коридоры. Мы не издавали звуков. Тихо ходили на носках, заглядывая в каждую комнату. Не понятно, зачем вообще парню такое большое место жительства, если он живет один. К тому же, в таких домах нужны горничные, но они как будто никогда здесь не были. Кругом грязь, пыль. Мы вошли в правое крыло. Там находилась гостиная, по всей видимости, предназначенная для гостей. Огромная люстра отвлекла наше внимание от стука двери. Дверь захлопнулась за спиной, как в фильме ужасов.

— Питер, ты здесь? — Крикнул я, и по гостиной раздалось эхо.

Гарри испугался и побежал к противоположной двери, по ступенькам ко второму этажу. Когда он открыл дверь, резко остановился. Мы с Рейном смотрели на него. Его будто парализовало. И внезапно из проема двери стало выглядывать дуло ружья. Гарри сделал несколько шагов назад, сложив руки перед собой. Губы двигались, но нам ничего не было слышно. Прозвучал оглушающий выстрел. Мы стояли внизу, но хорошо увидели брызги крови, зарисовавшие стены и пол. Выстрел пришёлся в живот. Вышел Питер. На концерте мы не ошиблись и гнались за тем, кто нам нужен.

Питер сложил пополам ружьё и зарядил ещё два патрона. Мы с Рейном спрятались за камином. Второй выстрел был ещё более громким. Он попал в пол, в двух метрах от камина, и нас забросало осколками. Я достал пистолет и произвел два выстрела в сторону опасности. На самом деле он там уже не стоял. Я решил, нужно показать, что у меня есть оружие, дабы противник не подошёл ближе.

Мы побежали к запертой двери. Сделав один выстрел в замочную скважину, я смог открыть дверь. Прямо за моей спиной прозвучал ещё один хлопок, и всю дверь засыпало металлическими шариками. Главная дверь была заложена мебелью, что стояла изначально рядом. Мы попытались убрать все, что закрывало проход, но услышали приближение Питера. Пришлось бежать в правое крыло. Оно было практически идентичным левому. Мы бегали по коридорам и искали запасной выход. Ещё один выстрел. Одни шар попал мне в левое плечо. От этого я упал на пол, и Рейнбол, схватив меня за шкуру, отодвинул в сторону и спрятал за выступающую часть стены. Взял мой пистолет и сделал ещё два выстрела. Это значит, что осталось ещё столько же патронов в пистолете. Рейнбол начал вести переговоры.

— Зачем тебе мы? Ты ведь уже сделал то, что хотел. Свидетелей, конечно, желательно

устранять, но у нас и у самих проблем достаточно.

— Я отомстил ему и поклялся, что отомщу всем, кто с ним заодно. Вы привели его в мой дом, значит, хотели защитить убийцу моей жены! — Голос Питера был грубым и одновременно звучал так, будто он был на грани слез.

— С чего ты взял, что Гарри убил твою жену?

— До нашего знакомства у неё был шанс стать Оливией Ганзо. Он сделал ей предложение, и она отказалась. Даже встречались какое-то время. Он отравил её и теперь поплатился за это!

— У тебя ведь нет доказательств! — Сухо ответил Рейн.

— И полиция сказала так же. Но я любил свою жену, и ни за что бы ей не навредил. Гарри отравил её из ненависти. Я убил его брата, чтобы он мог почувствовать ту боль, что испытал я. А теперь прикончил и его.

— Если бы ты убил его на концерте, он бы не узнал о смерти брата.

— Ах! Так это вы за мной бежали. Я собирался отдать ему вещи Майкла. И прикончить спустя неделю, чтобы он успел настрадаться. Но он сам сократил себе время.

— А причём здесь мы?!

— Вы стали на моем пути, защищая Ганзо. Защищая убийцу. За это вам тоже придётся умереть.

Я сбился со счета. Пули следующего выстрела не попали в нас, но раздробили часть стены. Пока Питер перезаряжался, Рейнбол взял меня под руку, и мы побежали на второй этаж. Прошлись по коридору, тем самым сделав круг. Пришлось спрятаться обратно в левом крыле. Мы проходили мимо трупа Гарри. Ужас застыл на его лице. Вид был невыносимым. Бедняге разорвало желудок. От этого адреналин ещё более стал шалить по венам. В руке становилось холоднее, и я чувствовал, как у меня вытекает кровь. Мы спрятались обратно за камином. Питер не стрелял, а просто навёл оружие в нашу сторону и продолжил говорить.

— Видели бы вы лицо Оливии. Я нашёл её у нас дома. Она не могла дышать. Я вызвал скорую помощь. Начались судороги. Она умирала у меня на руках. Этот урод, накачал её чем-то таким, что она описалась зеленой мочой прямо перед тем, как окончательно уйти из жизни!

Рейн проверил патроны в магазине.

— Стой, Рейн, я кажется, понял.

Но я не успел. Рейн вылез из укрытия и произвёл выстрел в руку Питеру. Снова схватил меня под руку, и мы рванули к выходу. Вместо того, чтобы разбирать мебель от двери, Рейнбол разбил окно. Мы вылезли на улицу.

— Рейн, ты ошибся с самого начала. — Продолжил я.

— Что ты имеешь в виду?

На тротуаре стояла машина такси. Мы запрыгнули в неё. Рейнбол сел впереди, я сзади и за пару минут перемотал себе рану футболкой. Ранение выглядело не смертельным.

— Ты говорил, что имя убитого было написано в моем блокноте. — Шафер на удивление не смотрел на меня с подозрением. Рейн сказал ехать прямо, в сторону набережной.

— Да. — Ответил Рейнбол.

— Что именно было написано?

— Ганзо Вертель. Стоп. Черт, ты прав. Не написано имени. Был убит Майкл, и я подумал, что речь идёт о нём. Но как ты это понял?

— Это я ему дал ту хрень, которой он убил жену Питера. Когда я ещё был мелким, игрался, создавая яды. Все симптомы, включая зеленую мокроту — это последствия того самого яда. У меня немного валялось в лаборатории. Я дал её Питеру.

Проблема не приходит одна. Рейнбол засмотрелся на водителя. И неспроста. Мы доехали до набережной, однако водитель завёз нас во двор. Он стал доставать пистолет, и всеми силами мой друг его удерживал. Рейн ударил его своим лбом по носу. Я выскочил из машины, и мы помчались в сторону набережной. Выходя, я увидел его лицо, это был тот самый убийца, который за нами гнался в Мардив. Лицо со шрамами.

Словами тяжело передать те эмоции, которые я испытал в тот момент. Со мной многое в жизни случалось, и истории о совпадениях в интернете я читал периодически. Но когда такое происходит с тобой, большей растерянности и представить невозможно. К тому же, от этого все волосы на моем теле встали дыбом. Я испытал неопишуемый страх.

Казалось, что Рейнбол хочет, чтобы мы прыгнули в другое такси, но его план был другим. Мы сели на прогулочный катер, что стоял у реки и собирался отправляться в плаванье. Не знаю, как, но Рейн договорился с проводником, чтобы нас пропустили дешевле, чем за стоимость билета. По сути, он отдал все, что у нас было.

Сели за столик на палубе. Буквально спустя несколько минут мы отплывали по реке Потомак. Опасность оставалась позади, но я не мог прийти в себя. Руки дрожали. Я успел взглянуть на своё ранение и еще раз убедился, что оно незначительное. Кровь к тому моменту, уже успела свернуться. Рейн принёс нам выпить и также достал мне рубашку юнги, которая висела как декор на стене, и бинт, которым я перемотал плечо. Помимо нас, на яхте было немного людей, и это радовало. После всего случившегося у меня началась паранойя. Все люди вокруг казались опасными. То и дело, каждые несколько секунд я оглядывался по сторонам. В отличие от моего друга, который выглядел так, будто ничего не произошло. И не известно, притворялся он или ему и вправду плевать.

Рейн успокаивал меня в своём стиле. Налил выпивки и все твердил о том, что мы выкрутились. Затем молча смотрел, как мы плывём по течению. И по существу, и по жизни. Он всегда меня удивлял своим успокоением. Сейчас происходило то же самое, но в этот раз я едва сдерживал приступ паники, в то время, как мой друг продолжал попивать вино из бокала и с улыбкой смотреть на меня. Господи, неужели и вправду его это все развеселило?

Возможно, в большей части меня сейчас беспокоило, что по моей вине умерли люди. Так сказать, не я нажимал на курок, но именно я снабдил убийцу оружием. Ядовитой смесью, которую придумал ещё в восьмом классе. У них мог быть ребёнок, счастливая жизнь. Я уничтожил обоих, и это не позволяло мне отдышаться. Алкоголь ни капли не помогал.

Спустя двадцать минут прогулки меня ударило током. Не в прямом смысле. Просто, когда повернул голову, я увидел Питера у нас на палубе. Ружья с собой у него не было, но руку держал в кармане. Для меня было ясно как день, что у него там был нож. Я потащил друга в нижнюю каюту. В пистолете ещё оставался один патрон, но если выстрелить внутри яхты, вызовут полицию, и она примчит по воде до того, как мы успеем что-то сделать. Мы оба были растеряны. Прогулка длится час, и за это время нас без проблем найдут.

В результате высокий, крупный парень со шрамами на лице забежал в каюту и ударил прикладом пистолета Рейна по голове. Наш убийца тоже успел попасть на корабль. Мой друг упал на пол без сознания. Я прижался к стене, глядя в лицо смерти. Что бы я там ни натворил и каким бы сильным ни было чувство вины, мне не хотелось умирать. Но прежде,

чем киллер успел навести на меня дуло пистолета, он замер. За его спиной я увидел Питера. Он воткнул нож в спину громоздкому парню передо мной, и парень упал на пол.

— Послушай, Питер, — начал дрожащим голосом говорить я. — Ты должен понять, что месть не вернет тебе твою жену.

— Может и не вернёт, но я хотя бы буду знать, что все, кто причастен к смерти моей любимой, получают своё. Я не верю в карму, поэтому беру на себя ответственность за то, что должен был сделать сам господь. — Питер сделал два шага ко мне навстречу. Я прижался к стене. Все тело дрожало как никогда.

— Послушай меня Питер, — снова повторил я. — Я понимаю, как тебе плохо. Я терял людей, которых любил. И я знаю, что следовать разуму намного сложнее, чем сердцу.

Питер направил нож в мою сторону. Он явно не хотел меня слушать. Рейн оставался без сознания.

— Стой! — Наконец крикнул я, пытаюсь выиграть время. — Разрешите хотя бы покаяться. Я виноват в смерти вашей жены. Я химик и когда-то изобрёл отраву, которую и взял у меня Ганзо. Я был под наркотиками и не знал, что он собирается с ней делать. Прости меня. — На удивление Питер внимательно слушал вместо того, чтобы меня прикончить. — Может, благодаря тебе все и получают по заслугам, но себя ты обрёл на ещё большее несчастье. Оливия бы хотела, чтобы ты жил дальше и был счастливым.

— Откуда тебе знать, чего хотела бы она!

— Потому что я сужу из того, что знаю. Если она любила, то точно хотела бы, чтобы ты не попал в тюрьму и не стал убийцей. А жил себе дальше, занимаясь любимыми делами и найдя другую девушку, с которой ты бы мог построить семью.

Я хотел сказать ещё пару фраз, но меня прервали. Внезапно киллер встал на ноги и подошёл ко мне. Он схватил мое горло и стал душить. Из его рта хлестала кровь. Я пытался убраться от его рук, но даже в предсмертном состоянии у этого громилы сил было больше, чем у меня. Питер смотрел мне в глаза. Он тоже хотел моей смерти после всего, что я рассказал. И все же моя речь повлияла на него, и он перерезал громиле горло.

Кровь из артерий хлестнула мне в лицо. Громилы свалился к моим ногам. Питер спас меня и подошёл ближе, подставляя нож к моему горлу, и продолжил говорить.

— Не знаю, достаточно ли этого, чтобы тебя простить. Я просто хотел смерти тому, кто навредил моей жене и только сейчас понимаю, что начинаю губить жизни, как чёртов маньяк. — На его глазах появились слёзы. Первый раз в жизни мне стало жалко убийцу. Он стал жертвой, которая приложила все усилия ради мести за свою любовь. Мы несколько секунд молчали, глядя друг на друга. Вот-вот он, казалось, был готов опустить нож и сказать, что прощает меня, но не успел.

— Зато этого точно хватит, чтобы я пришёл в себя. — Раздался голос Рейнбола. Он взял пистолет, лежащий на полу, и вынес Питеру мозги. Кровью забрызгало две стены каюты. А Питер грохнулся на пол. Не знаю, как я выглядел в тот момент, но вероятнее всего, я успокоился. Не в том плане, что расслабился, нет. У меня не осталось эмоций. Готов поспорить, меня было сложно отличить от зомби.

— Зачем ты это сделал Рейн? — Спокойным тоном спросил я.

— Он пытался оправдать самого себя. Я сто раз такое видел. Оправимся после этого быстрее, чем Эбби приготовит ужин. А сейчас пора сматываться.

Мы вышли на палубу. На звук выстрела прибежал проводник, которого Рейн вырубил ударом по голове. Мы прыгнули с яхты и поплыли на противоположный берег. Без

эмоциональная гримаса застыла на моем лице. Мы вылезли на другом берегу и уже слышали звуки полицейского патруля.

— Эй, Картер. — Начал Рейн, когда мы умылись. — Можешь немного расслабиться. Теперь не только по твоей вине кто-то умер. Все равноценно.

Однако это не одно и то же, что нажать на курок и лишить человека жизни. Мой друг казался психом, и легче не стало. Скорее, даже вернулся страх, только теперь за него или за самого себя перед ним. Так и закончилась история, в которой мы сидели на берегу, глядя на уплывающий катер. Я с выражением страха и ужаса, а мой друг с безразличием и попивая с горла вино, которое украл у официанта.

«Непрозрачное дело»

Солнце понемногу уходило за горизонт. Одни колеса стучали за окном, другие в моем кармане. Мы с Рейном ехали в поезде на очередное дело, оставив родной город позади. Направлялись в поселок на юге Вашингтона. Я никогда там не был, но картинки в Google, подсказали, что там красиво. Глянул в свой телефон и увидел СМС от Эбби. Она просила быть аккуратными. Переживает после случившегося. Сказала следить за Рейнболом и не напрягать руку. Она заплатила некоторую сумму за то, чтобы один врач в отставке залатал меня. Оказалось, в моей кости застряло несколько дробинок, но сейчас уже все было в порядке.

Мне понадобилось выйти в уборную. Как и в любом другом месте, общественный туалет — пугающее место антисанитарии. Но мне было без разницы, ведь я пришёл в него не по естественной нужде. Хотя, возможно, наркотики уже успели стать для меня естественной потребностью. Я, правда, не знаю, насколько сильно сейчас зависим. Иногда удаётся удержаться, иногда не хочется само по себе.

В моем блокноте около пятидесяти совершенных нами или с нашей помощью преступлений. Думаю, я записывал только то, что считал интересным. Сначала показалось, что все записи написаны мною, поскольку это мои идеи. Однако та запись, из-за которой мы едем в местечко за двести миль от Вашингтона, написана рукой моего друга. Это его очень сильно заинтересовало. Много разных цифр, которые казались мне бесполезными, но как объяснил Рейн, это координаты. Я проверил их в интернете и узнал, что нужная нам точка находится в лесу недалеко от того места, куда мы направляемся. На самом деле мы бы выбрали другое место и другое время, но к Эбби снова приехала её сестра, и на этот раз, чтобы остаться на ночь. Мы едва успели спрятать все наши вещи.

Когда мы приехали, уже почти стемнело. Об этом не подумали. Искать, где переночевать, довольно тяжело, ибо здесь нет никаких хостелов и отелей. Хотя недавно по телевизору снова показывали наши лица, и оставаться на ночь у незнакомых людей или в отеле — для нас риск. Единственным вариантом было собрать информацию и отправиться на ночном поезде домой.

Посёлок и вправду оказался красивым. Как в сказке. Все дома расположены достаточно близко друг к другу, и вокруг бесконечный лес. Несколько магазинов, кафе и даже ночной клуб, из которого на нас таранились подростки. Лес тоже казался дивным. Высокие деревья закрывали и без того садящееся солнце, и потому там было максимально темно. Периодически я дергался от разных звуков, доносящихся отовсюду. С собой был только один фонарик. Мы прошли через небольшой мост, расположенный над протокой, и углубились в темноту леса. Сотовая связь еще в порядке, но интернет перестал работать. Я успел сделать несколько скриншотов того, где находится нужная нам точка. Однако доступа к нашей геопозиции уже не было. Оставалось ориентироваться на примерном расположении.

Я отдал фонарик Рейну, а сам пользовался фонарем в телефоне. Но почти полчаса поисков прошли незаметно и безрезультатно. Без сомнений, мы находились рядом с нужной нам точкой, но как будто блуждали вокруг неё. Я уж было предположил, что это что-то лежащее на дереве или под землей, но соответствующие цифры в координатах указывают высоту, что исключает такую возможность. Мы успели зайти достаточно глубоко в лес.

Рейнбол позвал меня к себе. Ему удалось найти нечто странное. Большая куча веток,

лежащая возле дерева. Я боялся, как бы не оказалось, что там живет кто-то, кто сможет нам навредить. Но подойдя ближе, услышал запах, который разрушал мой нос изнутри. Запах мертвечины.

Замотав лица платками, мы стали разбирать ветки. Вонь усиливалась, и в результате мы нашли труп мальчика лет десяти. Все его тело практически сгнило до скелета. Сохранилась только одежда.

Я не выдержал такого зрелища и отошёл немного в сторону, наконец-то вдохнув свежий воздух. Но Рейнбол не поступил тем же образом. Напротив, он присел и стал изучать мальчишку. На самом деле, по его лицу не особо было понятно, что это парень. Этот вывод мы сделали благодаря одежде. Рейн ткнул пальцем, показав мне место на его рёбрах. Между двумя нижними рёбрами торчал рог. Небольших размеров. Очевидно, парня убило какое-то животное. Это успокоило меня, ведь то, что место его смерти записано в дневнике, означает, что мы уже были здесь и знаем, в чем дело. Но теперь не понятно, зачем Рейн вообще это записал. Он продолжал разглядывать мальчика, поднимая его руки и переворачивая на спину. Мой друг достал телефон и написал СМС. Я увидел, что оно было послано Эбби.

— Может, здесь у местных есть скот, — сказал я, обращаясь к другу. — Например, овцы и быки. И один бык сбежал и убил парня.

— Не думаю. — Рейн достал рог и дал мне его в руки. — Взгляни на него. Где ты вообще видел, чтобы от укуса у кабана выпадал зуб?

— Так это зуб?

— Конечно. Зуб дикого кабана, которых наверняка здесь достаточно. Присмотрись к нему. Небольшая часть надломлена, но все остальное аккуратно срезано напильником или чем-то вроде него. Кто-то отпилил клык и убил им парня. Кстати, убитого парня зовут Джонни.

— Как ты узнал?

— У него на кофте написано. Некоторые родители подписывают вещи своих детей, когда отправляют их в летний лагерь. Чтобы не перепутать, если затеряется в чужих вещах.

У меня возникало все больше теорий о том, как мы можем быть связаны с этим делом. Полагаю, вряд ли это кто-то из нас мог убить парня, но все равно каждое новое дело интриговало и пугало одновременно.

Мы походили по окрестностям, чтобы убедиться, что нет следов, которые могут подсказать ответ. Я думал, что пора возвращаться домой, но у Рейна были другие планы. Мы вернулись в посёлок и отправились в бар, ожидая ответа от Эбби. Взяли себе по пиву. Кроме нас, в баре никого не было. Одиноким бармен протирал стаканы, поглядывая футбол по телеку.

Ближе к десяти вечера, Эбби скинула статью новостей, датированную полутора месяцами ранее. В статье говорилось о двух детях, Джонни и Глории Монтро. Мать — Шарлин Монтро. Утром, в лесу была найдена её дочь, забитая до смерти кабаном, как установила полиция. Несколько недель длились поиски её сына, но найти его так и не удалось. Он считается пропавшим без вести. Мать утверждает, что вечером дети вышли на прогулку, но так и не вернулись.

— Наверное, их и в правду убил дикий зверь. — Сказал я, обратившись к Рейну.

— Не думаю. Его тело было спрятано под кучей веток, и ещё клык.

— Может, этот клык сам отпал таким образом?

— Исключено. — Возразил Рейнбол. — Я не мог спутать такое и к тому же, клык едва

был воткнут. Находился очень не глубоко. Как будто его воткнула слабая рука. Возможно, женская.

— Ты думаешь, она убила собственных детей? Но зачем? Мне кажется, тут недостаточно улик, чтобы утверждать о подобном.

— Она женщина из небольшого посёлка. Проблемы с деньгами, желание заработать. Убила их ради страховки. Ты вообще помнишь, как выглядят зубы кабана? Они торчат вверх. Совершенно очевидно, что будь это проделки животного, отверстие было бы под рёбрами. А в нашем случае зуб торчал перпендикулярно в рёбрах. У меня есть одна идея. Нужно взглянуть на дом Шарлин.

Мы отправились к её дому. Не знаю, что за план был в голове у Рейнбола, но нас ждала неудача. Во всем доме не горел свет. Тогда мы отправились к ближайшим соседям, чтобы выяснить, дома ли находится хозяйка, и чтобы взять её номер телефона. Миссис Вариот приняла нас с местным гостеприимством и угостила чашкой чая. Оказалось, что Шарлин переехала в другой дом. Она нашла себе молодого человека и начала новую жизнь. Мы представились её дальними родственниками, которые приехали, чтобы оказать моральную поддержку. А дом на данный момент снимает молодой парень, который работает допоздна. Соседка отказалась говорить адрес нового дома Шарлин, однако дала её сотовый.

Внезапно Рейн встал со стула и сказал, что нам нужно быстрее дозвониться до неё, ибо если не успеем, то придётся возвращаться на поезде обратно домой. Мы вышли на улицу, и мой друг рванул в сторону старого дома Шарлин. Я побежал за ним через гущу тьмы леса. Луна освещала дорогу, но этого было недостаточно, и в результате я чуть было несколько раз не споткнулся о пеньки и корни деревьев.

Мой друг со всеми силами, что в нем были, навалился на дверь, пытаясь выломать их, но ничего не вышло. Тогда он залез под коврик и нашёл там ключи. Открыв дверь, он положил их в то же самое место, и мы закрыли дверь изнутри. Ключ не нужен, там замковая ручка

— Что мы здесь делаем Рейн?

— Разве не очевидно? Мы ищем улики. Шарлин убила своих детей и получила компенсацию, на которую смогла купить другой дом и попроситься с нищетой. Пока что это самая объективная версия, хоть и не много поспешная. Неизвестно, сколько у нас есть времени до прихода парня, что здесь поселился.

Дом был маленьким и максимально страшным. Старая мебель и головы разных чучел на стенах. Похоже, отец Шарлин был охотником. Рейнбол сразу предположил, что она срезала клык с одного из чучел, но я не был в этом уверен, пока мой друг не показал пальцем на пустое место на стене. Я ничего не увидел, пока не навёл на него фонариком. Каждый знает, как выглядит стена, если убрать с неё картину, которая висела долгие годы. Такой же светлый след остался и в этом месте. Судя по габаритам, было похоже, что это недостающая голова от чучела. Однако это могла быть и картина.

Поискав ещё несколько минут, нам не удалось ничего найти, и мы отправились на чердак. Ступеньки к нему были такие же старые, как и все вокруг, и потому безумно скрипели. Это немного пугало. На самом чердаке куча бесполезного хлама в виде старой мебели и кучи коробок. Как собака, что ищет нужный предмет, мой друг стал рассматривать все углы и заглядывать во все коробки, что нас окружали. Не с той же энергичностью, но я занялся тем же самым.

Электронные платы, старый принтер, монитор и немного одежды — это все, что мне

удалось найти. Благодаря свечению фонарика, я легко видел всю пыль, которую сметало с коробок, которые точно давно не трогали. Но на одной пыли почти не было. Я решил, что это показатель того, что эту коробку недавно трогали, и мигом открыв её, высыпал все содержимое на пол. Из коробки выпали детские вещи. Игрушки в виде машинок и кукол. Розовая детская ночничка и синяя шляпка. В центре этого всего лежала фотография с изображением двух детей, мило улыбающихся, смотрящих в объектив. Я не мог свести взгляд с этой фотографии. В голове возникали образы, как еще совсем недавно эти дети бегали во дворе и веселились, пока не случилась трагедия. От этих мыслей стало дурно, и мне немедленно захотелось покинуть этот дом.

— Рейн, пошли. Здесь ничего нет.

— Уверен? Взгляни вот сюда.

Мой друг стоял с другой стороны чердака, возле маленького окошка. Я подошёл ближе и взглянул на пол. На нем лежала небольшая шкатулка, окружённая свечами. Рейнбол открыл шкатулку, и мы увидели внутри несколько фотографий и длинный клинок. На фотографиях мертвые дети, заколотые вероятно этим самым клинком. Мы сели на пол посреди чердака. Рейн рассматривал фотографии, перебирая их одну за другой. Их было пять штук.

— Есть идеи? — Спросил я у него. — Может, она серийный убийца детей?

— Быстро ты поменял мнение с той позиции, что она не виновна.

— Это было до того как на чердаке её дома мы нашли фотографии.

— Дети. Возрастом примерно от восьми до десяти лет. Фотографии ведь можно сжечь, значит, кто-то специально их хранит и наблюдает.

— Кто-то? — Вскрикнул я. — Да тут сомнений и быть не может. Все улики против неё. Наверняка приходит сюда, пока парень арендующий дом на работе. Мастурбирует на эти фотографии и возвращается домой.

— Возможно. — Ответил Рейн. — Но есть некоторые нестыковки. Эбби прислала ещё информацию про Шарлин. У них и вправду были финансовые проблемы. Это монета в копилку того, что она убила детей. Но я пока не понимаю, как она могла, имея такие навыки, не была в состоянии быстро расправиться с сыном.

— Что ты имеешь в виду? Ты же сам сказал, что зуб отпилен. Зарезала его, подделав несчастный случай, и все.

— Мальчик не был найден полицией. А вот девочку нашли ближе к дому матери. Она, вероятно, воткнула парню клык, но он сумел сбежать. Пробежал глубже в лес и умер от истощения крови. Вот только ума не приложу, зачем было прятать его под ветки.

— Она сумасшедшая, и при этом убийца. Что ещё можно от такой ожидать?

— Так можно оправдать любое действие, и это будет не правильно. Даже поступки маньяков имеют смысл. Возможно, ей вообще помогал тот мужчина, с которым она теперь живет. В любом случае, чтобы понять, что нам делать, нужно подумать и разобраться.

Рейнбол положил фотографии себе в карман. Нож мы решили не трогать и продолжили искать что-нибудь против Шарлин. Однако нас прервал звук открывающейся входной двери. Пришёл парень, арендующий этот дом. Мы замерли на месте, прислушиваясь к каждому его движению. Включение чайника. Предположительно, парень переоделся и быстро принял душ. Затем сделал себе горячий напиток и нагрел в микроволновке еды. Рейн сказал настолько тихо, насколько это вообще возможно, что мы дождёмся, пока он уснёт, и тихонько свалим.

Прошло только полчаса, но они длились вечно. Мы легли на пол, чтобы лучше слышать

все действия парня. Кто-то постучался в дверь. Человек открыл дверь, и мы услышали голос чертовой соседки, к которой приходили ранее. Она рассказала о нас и спрашивала, приходили ли мы. Переживает, что мы воры, которые решили пробраться в дом, пока никого нет, ведь ей показалось подозрительным то, как мы выглядели. Конечно, отчасти она права, но без подтверждений так отзываться о людях не хорошо, потому я в шутку попросил друга напомнить о том, чтобы морально бросить в неё камень. И в этот момент, когда она закончила, парень сделал удивительную вещь. Он сказал, что мы приходили и что все в порядке, мы точно не воры. Рейн повернулся, глядя на меня с вопросом. Мы оба не понимали, почему он так ответил. Рейн достал телефон и снова написал Эбби. На этот раз он попросил найти отчеты обо всех пропавших детях недалеко от этого посёлка и в нём самом.

Дверь закрылась, и на первом этаже послышались звуки стучащих шкафов. Причём, довольно резких, будто в спешке. Затем разговор, по всей видимости, с хозяйкой дома. Я неразборчиво слышал до того момента, пока парень не оказался прямо подо мной. Спрашивал про нас и вроде бы ничего необычного. Ровно до того момента, пока мы не услышали «Скажите, если они к вам придут. У одного из них будет шрам на правом локте».

Я глянул на своего друга. На его лице была такая же вопросительная гримаса, как и на моем. Хотя предыдущая возникла всего минуту назад. Я закатал правый рукав пальто и взглянул на свой старый шрам, оставленный матерью. Мы тихо сели на коробки.

— Выходит, он нас знает. — Спокойным тоном произнёс Рейнбол.

— Я вообще не понимаю, что происходит. — Признался я.

— Благодаря координатам того места, где убит мальчик, уже понятно, что мы здесь были, находясь под твоим наркотиком. Видимо, мы уже знакомились с этим человеком.

— Слышишь звуки? Он как будто собирает вещи. Наверное, он по какой-то причине нас боится. — Мой взгляд упал на одну из фотографий, которые Рейн держал в руках. — Дайка сюда одну. Смотри, здесь немного видно мужскую тень.

— И вправду. — Ответил Рейн. — Я не заметил.

Рейнбол взял мой дневник и быстро начал его листать. За считанные секунды он нашёл имя «Хэнк Геттисон». Парень, находившийся под нами, и был тем самым, кто носит это имя. Он представился, когда звонил Шарлин по телефону.

— Вот тебе и ответ, Картер. Его имя находится перед координатами с телом убитого мальчика.

— И о чем же это нам говорит? Я уже совсем запутался.

— Что-то произошло у нас с этим Хэнком. А затем мы узнали про парня, и я это записал.

— Может это он убил этого мальчика? Нужно отбросить Шарлин и сосредоточиться теперь на нем. Это его фотографии.

— Ты снова слишком быстро меняешь своё мнение. Нельзя за полчаса кардинально изменить своё мнение и обвинить другого человека. Не забывай про все остальные факты. Они прямо таки кричат нам, что эта женщина ведет нечистую игру.

— Похоже, ты точно так же не понимаешь, какого черта здесь происходит. — Улыбаясь, сказал я, и Рейн посмотрел на меня усмиряющим взглядом.

— Есть несколько вариантов. Не думаю, что они в сговоре, ибо в таком случае более открыто говорили бы по телефону и, скорее всего, она бы уже знала, как мы выглядим. Так что этот вариант исключаем. Остаются еще несколько. Либо Хэнк — маньяк и серийный

убийца, либо она.

— А как же фото, на котором мужская тень? — Спросил я.

— Это может быть тень того мужчины, с которым она живет в новом доме. Я уже тебе говорил о том, что есть вероятность того, что он причастен.

— И что нам делать? Снизу продолжается шум. Хэнк собирает вещи и, судя по звуку, складировывает их в коридоре.

— Нам нужно подождать, пока Эбби скинет ещё информации. Я попрошу ещё поискать что угодно на этого Хэнка. А тебе стоит научиться смотреть дальше того, что находится под глазами.

— Я, конечно, пожалею. — Начал я. — Особенно учитывая тот факт, что ты и сам задрал свой нос так, что Техас видишь. И все же, что ты имеешь в виду? — Рейн облокотился на свои колени.

— Сейчас не особо важно, кто из них убийца, важно другое. Эти фотографии кому-то принадлежат, и хозяин непременно захочет их забрать. Остаётся ждать и смотреть, кто за ними придёт, и тот, кто это сделает — и есть наш маньяк.

Что ж, это вправду звучит логично. Вот только сама идея сидеть взаперти и ждать маньяка мне не особо нравилась. На дворе уже настала глубокая ночь, забравшая весь оставшийся свет. Местные власти как будто решили экономить, не включая фонари на улице. Я наблюдал за этим из маленького окошка чердака и уже представлял, как нам придётся в него прыгать. Пистолет, мирно лежащий в моем кармане, не придавал ни капли уверенности в себе. Особенно, когда имеешь дело с человеком, профессионально владеющим клинком.

Спустя некоторое время, Эбби прислала немного информации о пропавших и погибших детях в области посёлка. Найти информацию о Хэнке не удалось. Рейнбол пересматривал фотографии, сверяя их с теми, что скинула Эбби. Парочку успел отложить в сторону. Похоже, их среди списка он не нашёл. А я тем временем пытался понять, откуда этот парень может нас знать. Я мог себе представить, если бы он травил детей. Тогда да, можно было бы понять, что я рассказал ему рецепт какого-нибудь яда, который вряд ли смогла бы опознать полиция. Это наводило на воспоминания о девушке, к смерти которой я причастен, от чего снова становилось не по себе. Но убийца пользуется простым ножом. Больших размеров, с твёрдой сталью, но все же простым ножом. Это точно была не наша идея и не похоже, чтобы мы вообще были как-то связаны. А представить, что всему виной мать убитых детей, для меня вообще оказалась невозможная задача. Все так туманно...

Рейну все-таки удалось найти связь с тремя из пяти убитых детей. Они пропали в разных городах и довольно далеко от того места, где мы находились. Мать работала семь дней в неделю, чтобы прокормить детей, потому её причастность казалась маловероятной. Однако это снова же мог сделать тот, кто с ней живет. И вот мы снова в логическом тупике. Рейнбол уже было достал сигарету, собираясь хорошенько подумать, но я его остановил, покрутив пальцем вокруг виска.

Звуки внизу прекратились. Мы не слышали, как закрывается дверь, значит, Хэнк ещё внутри, но все же я решил подойти к окну и выглянуть во двор. Стало ясно, что парень выключил свет во всем доме. И вдруг звуки возвратились. Коридор, кухня, туалет и, наконец-то, звуки шагов приближались к лестнице, ведущей к нам на чердак. Рейн махнул мне рукой и спрятался за ящиками. Потолок невероятно скрипучий, потому я двигался максимально тихо. Для нас обоих было очевидно, что моя неуклюжесть может все испортить. Хэнк

поднимался по ступенькам медленно, насвистывая какую-то мелодию. Настоящий фильм ужасов. Мои волосы на теле встали дыбом, и я сделал неверный шаг. Пол закрипел достаточно громко, и я замер на месте. Свист тоже прекратился, как и шаги Хэнка. Затем свист вернулся, но на этот раз он удалялся. Парень вернулся на первый этаж, не дойдя до чердака. Я подошёл к другу.

Непонятно, передумал он, или услышал и пошёл взять оружие. Я достал пистолет и снял с предохранителя. Судя по шагам, Хэнк продолжил собирать вещи. В результате входная в дом дверь закрылась. Мы с Рейном быстро спустились вниз, и пошли на кухню, я аккуратно отодвинул шторы от окна, выходящего во двор. Парень с сумкой и большим портфелем удалялся прямо в лес, не оборачиваясь. Он исчез в темноте. Мы, было, подошли к двери, чтобы попытаться её открыть, но в неё постучали с обратной стороны, что заставило нас буквально отскочит в сторону от испуга. Я подумал, что это снова пришла соседка, но, выглянув в окно, заметил, что это была другая женщина. Лет сорока, с длинными волосами, что были в растрёпанном виде. В голове застыл вопросительный знак ровно до того момента, пока я не взглянул на её одежду. Женщина была в ночной сорочке, и тогда я осознал. «Черт возьми, это же Шарлин».

Рейн сказал мне спрятаться в спальне за штору, пока сам побежал на чердак, чтобы положить на место фотографии. Затем вернулся ко мне и, спустя несколько минут, Шарлин сама открыла дверь. Я её не видел, однако понял что это она, благодаря более тихому и мягкому звуку шагов. Она побежала на чердак и спустя мгновение уже спускалась вниз и направлялась к двери. Вот этого ни я, ни мой друг явно не ожидали. На, грубо говоря, приманку, клюнуло сразу несколько рыб, в то время, как она была рассчитана лишь на одну.

Мы вышли к окну и увидели Шарлин, быстро направляющуюся влево от леса. И одновременно увидели парня, который возвращался из леса в сторону дома. Пришлось снова спрятаться в спальне.

— Почему он возвращается? — Произнёс я случайно вслух.

— Он все-таки услышал скрип. — Начал Рейн. — На чердаке. Решил выйти на улицу и дождаться когда выйдем мы. Но увидел, как пришла Шарлин, которая почти наверняка была на чердаке с фонариком. И теперь он увидел через маленькое окошко, что она там была, и никто её не напугал. Значит, по его логике, ему показалось, что он слышал скрип, и можно забрать фотографии.

Хэнк спокойным шагом зашёл в дом. Видимо, собрал ещё некоторые вещи и пошёл на чердак. Какое-то время было тихо, но затем быстрыми, громкими шагами он спустился вниз и выбежал на улицу. Мы побежали за ним.

Создалось ощущение, что в прошлом наш подозреваемый был атлетом. Как бы мы ни старались, никак не удавалось к нему приблизиться. Несколько раз мне в голову успела прийти мысль, что пора начинать бегать по утрам, чтобы очищать и тренировать свои легкие.

Мы бежали вдоль домов, стоящих у леса, и затем пришлось свернуть и в сам лес. Это обстоятельство мне никоим образом не нравилось. Там было настолько темно, что пришлось включить фонарики, чтобы не разбиться на бегу об деревья. Хэнка уже и видно не было, но мы продолжили бежать, пока вконец не утратили все силы. Мой друг выглядел таким же озадаченным, как и я сам. Есть вероятность, что дама украла фотографии, но, с другой стороны, это совсем не объясняет её прихода в дом. Тем более, она не заходила в комнаты, а сразу целенаправленно пошла на чердак. Эта деталь чрезвычайно важна. Немного

передохнув, мы снова ринулись в погоню. За метров сто от нас послышался женский крик. Мы ускорились и увидели, как Хэнк стоял на мосту, склонившись над телом Шарлин. Увидев нас, он побежал дальше. Тело девушки выглядело бездыханным. На шее виднелись следы от подушек пальцев. Парень пытался её задушить. А рядом с телом лежал предмет, замотанный в тряпку.

Рейнбол сказал, что попробует ей помочь, потому преследовать его мне придётся одному. Ненавижу строить из себя героя, когда нет публики. Я то и дело останавливался, чтобы вдохнуть побольше воздуха, пока слышал удаляющиеся звуки поломанных веток. В результате я настолько устал, что уже не мог бежать, и потому продолжил погоню шагом. Телефонный фонарик плохо освещал дорогу, а лунный свет не мог пройти сквозь гущу деревьев. Это мне напомнило истории про индейцев, которые мне рассказывали в школе, еще очень давно. Когда они охотятся, то успевают один раз ранить жертву, а затем несколько дней могут её преследовать, чтобы та истощилась и истекла кровью. Правда, в моем случае дичь была полна энергии и могла смело дать мне отпор.

Рядом со мной обломалось несколько веток. Я схватил пистолет двумя руками, задержал дыхание от испуга и вдруг понял, насколько опасно мое положение. Я в лесу, в темноте, один, гонюсь за маньяком, чьё любимое хобби убивать детишек. Руки дрожали. Я пытался всмотреться в тесноту, светя фонарем, но ничего не мог разглядеть. Следующий раз звук ломаных веток случился за моей спиной. Я понимал, что это может быть какой-то местный зверь, но рисковать не стоило. Как назло, помимо деревьев, я встал на том месте, где меня окружали кусты, через которые даже свет от телефонного фонарика не проходил. Я стал говорить, что вооружён и в любой момент готов выстрелить. Звуки переносились из стороны в сторону. Мне удалось разглядеть тень человека. Он ходил по кругу, напоминая акулу, что плавает вокруг жертвы.

У судьбы, видно, были свои планы. Громкий стук металла, за которым последовал крик, оглушил меня. Затем крик превратился в эхо и разошёлся по всему лесу. Я подошёл ближе и увидел лежащего на земле парня, лет тридцати. Он корчился от боли. Ему не повезло наступить на медвежий капкан, который так сильно сомкнулся, что, похоже, переломал ему левую лодыжку. Я увидел упавший рядом клинок и отбросил его в сторону ногой.

— Что ж, вот ты и попался. — Я присел на корточки рядом с ним. — Может, расскажешь, откуда мы знакомы? — Парень молчал глядя на меня. Его лицо покраснело.

— Слушай, ещё ведь не поздно сделать тебе больно. Советую со мной поговорить. — Я немного надавил на ногу Хэнка ближе к полученной ране. Он вскрикнул.

— Прекрати. Мы познакомились в баре. Неужели ты настолько потом набрался, что даже не помнишь этого?

— Вроде того. Почему ты тогда стал собирать вещи, когда узнал что мы пришли?

— Ты накачал меня «дурью». От этого я признался о своём любимом занятии. Меня прямо таки понесло. Вы мне рассказали, сколько всякого натворили, что я подумал, что вы свои и даже не боялся, пока твой больной дружок не достал наручники, урожая отвести меня в полицию. Тогда я достал свой любимый клинок и стал им размахивать. Вы побежали от меня в лес, и я надеялся, что где-то там вас сожрут медведи.

— Иногда одной надежды не достаточно. За все совершенные тобой убийства придётся ответить. И думаю, тебя не посадят, а просто прикончат. Ты не помнишь, какого цвета был наркотик, который я тебе дал?

— Не помню. И лучше уж я сам со всем справлюсь.

Хэнк ринулся к своему ножу, и я не успел его остановить. Наставил на него дуло пистолета, но он не собирался на меня нападать. Он перерезал себе горло. В этот момент я понял, почему Рейнбол спокоен в тех ситуациях, которые вызывают у меня шок. Он сполна навидался этого всего за свою жизнь. Потому и я на этот раз был более спокоен. Рейн пришёл спустя несколько минут.

— Этот урод сам решил свою участь, — сказал я. — Решил не ждать решения суда и всего прочего, и сам себя прикончил. Он убил уйму детей, включая и семью Шарлин. В такие моменты я начинаю надеяться, что ад существует, и такие подонки будут вечно в нем гореть.

— Поосторожнее с выражениями и выводами, Картер.

— Что ты имеешь в виду?

Я повернулся и посмотрел на Рейна. Он держал в руках какой-то предмет, замотанный в тряпку, что ранее лежал рядом с Шарлин. Сняв её, я увидел голову кабана с отрезанными клыками. Мы написали две записки. В одной говорили о Женщине. «Она убийца своих детей, идиоты, посмотрите на клыки». А вторую оставили на теле Хенка, написав пару ласковых слов о нем.

Оказалось, Шарлин взяла голову и побежала к мосту, чтобы сбросить её в реку. А Хэнк подумал, что она видела его фотографии, и решил догнать и избавиться от свидетеля. И скорее всего, убегая ещё давно от Хэнка, мы увидели труп мальчика в лесу, который показался моему другу подозрительным, и он решил записать координаты. Таким образом, мы поймали сразу двоих убийц, и судьба сама с ними разобралась. Уходя, мы вызвали полицию с телефона Шарлин и отправились пешком на вокзал, чтобы сесть на ночной поезд и вернуться домой.

Глава 6

«Ты доверяешь мне?»

За последнее время мы с Рейном успели раскрыть множество разных дел. Психи, убийцы, воры и наркоманы. Каких только людей я не успел повстречать! Наступила зима, и на улице стало так холодно, что казалось — скоро выпадет снег. Я решил, что мне пора несколько дней отдохнуть. Попросил друга не ввязываться в дела, в которых есть опасность для жизни. Выбрать что-то неприметное, чтобы он мог справиться без меня. Хотя он в любом деле не особо нуждался в моей помощи.

Отдых пошел мне на пользу. Не то, чтобы я сильно напрягал мозги в последнее время, но нам приходилось ездить в другие города и постоянно ходить пешком по Вашингтону. Это некий стресс, ведь находясь на улице, ходил со страхом, что меня узнают, и это неприятное чувство, которое вначале было азартным. Но теперь оно отвратно. Веет одиночеством.

Ближе к полудню, Эбби пришла домой с учебы. Рейнбола не было дома, наверное, занялся новым делом или решил прогуляться. Я и не говорил с ним уже более суток.

— Мне нужна твоя помощь. — Обратилась ко мне Эбби, заваривая чай.

— Не вопрос, конечно, я тебе помогу, в чем дело?

— Мне нужен партнёр для танца в театре. Парень, который должен был это сделать, сильно заболел, и нет времени искать кого-то другого. Я уже сказала, что у меня есть знакомый, которого я научу. — В этот момент я растерялся, ведь танцую ужасно и на ноги наступаю.

— Ты не забыла, что мы с Рейном на первой строчке Интерпола? — Ответил я.

— Ты будешь в незначительном гриме и парике. Никакого текста, нужен просто танец.

Я согласился. Идея мне не очень нравится, и безумно боюсь облажаться, но было бы хуже, если бы я отказал ей. Эбби умеет настаивать. Уже предупредила, что есть человек, который может с ней станцевать. Почему она была так уверена, что я соглашусь? Она мне этим напоминает Рейнбола. Хотя, возможно, она так сказала, потому что думала, что если откажу я, то точно согласится он.

У меня отдых, сказал я себе и постарался абстрагироваться от лишних мыслей. Эбби ушла на кухню готовить курицу в тесте, пока я продолжил мониторить интернет. Читать, что о нас пишут и говорят СМИ, стало моим хобби. Огромное количество людей, по разные стороны корабля. Одни благословили, говоря, что мы антихристы и спустились на землю, дабы создать порядок, с помощью хаоса. Другие обвиняли во всем, в чем можно было придумать. Даже в том, чем мы явно не занимались. Хотя я был не уверен.

Спустя час деградации в интернете, я успел начитать много разных форумов, посвящённых нашей с Рейном истории. Такое ощущение, что у каждого человека есть своё мнение, кардинально отличающееся от мнений других людей. И они все бесконечно ссорились, обвиняя нас. Но был один парень, который встал полностью на нашу сторону. Он защищал нас и оправдывал каждое действие. Я посмотрел на его профиль и вдруг понял, что знаю этого человека. Более того, он был моим приятелем в школе. Его зовут Фрэнк. Не самая светлая голова, и не скажу, что мы были друзьями. Но могли после школы прогуляться, поболтать. И лабораторию в своём доме я ему показывал. Он вроде до сих пор считал меня хорошим парнем, и потому я записал его номер. Мне пришла в голову идея, что я ничем не рискну, если встречу с ним.

Эбби позвала обедать. Не представляю, как человек, не любящий кушать, может так вкусно готовить. Курица — объедение. Эбби тоже налетела на неё, и это вызвало у меня улыбку. Пускай и на мгновение.

— Ты ведь потом пойдёшь в туалет и очистишь желудок?

— Ага. Все не получится, но большую часть будет ожидать именно такой исход событий.

Дверь в квартиру открылась. Кухня находится напротив неё, потому мы сразу увидели Рейнбола в дверном проеме. Он держал в одной руке коробку с набором для покера. Карты и фишки. А в другой руке какие-то детские игрушки. Маленькие, как из «киндер сюрприза». Рейн удалился в комнату.

— Это у него такое новое дело? — Спросила Эбби. — Дети и покер?

— Представления не имею.

— Ясно. Я буду выступать в синем платье. Потому мне надо, чтобы ты купил себе синий костюм. А ещё белую рубашку и чёрную бабочку или галстук. А я тем временем схожу за косметикой и вернусь в театр, чтобы уточнить детали.

— А как же... — Не успел я закончить, как Эбби положила деньги на стол.

— Выступление в конце недели, поэтому начнём репетицию сегодня же вечером.

И она ушла. Я доел и выпил кофе. Едва ли меня пугало то, что меня могут узнать. Нет, я просто понимал, что на меня будет смотреть большое количество людей. Возможно, огромное. В школе я никогда не выходил на сцену из-за страха выглядеть глупо и нелепо. И ведь это нужно не просто выйти на сцену и что-то бормотать. Это танец, который нужно выучить к концу недели. Память, конечно, хорошая, но вот тело у меня дубовое. Зрители увидят красавицу, танцующую с кучей досок.

Собрался, сходил в душ и перед выходом заглянул в комнату Рейнбола. Он сидел, глядя

на разложенные карты, совсем меня не замечая. Он играл в покер сам с собой. Была мысль узнать, что у него за новое дело, но я ведь устроил себе отдых и потому решил его не трогать.

На улице меня овеяло приятным холодом. Я больше люблю зиму, чем лето, ибо плохо переношу жару. В общем, я отправился в магазин, в котором обычно не бывает клиентов. Плюс там очень недорогие цены. Эбби не просила сдачу. Выйдет так, что мне хватит на выпивку, мороженое и проезд на метро. Но не хватит на наркотики. Как будто специально все подсчитала.

В магазине и вправду был один человек. Две девушки-консультанты бегали и прыгали вокруг него, пытаясь продать жилетку и штаны. В результате так насели на парня, что он десятки раз извинившись, покинул магазин и быстрым шагом сбежал от него. Затем барышни принялись за меня. Как только я озвучил все, что мне было велено купить, они посадили меня на стул. Затем бегали от меня до склада, принося разного рода костюмы. Если я говорил, что мне не нравится, они все равно говорили надеть, ведь по их словам, на теле вещи выглядят совсем по-другому. В результате я все же нашёл то, что мне понравилось. Надел и костюм, и рубашку, и бабочку. Чудо, по-другому и не скажешь. Мне все понравилось. Более того, я чувствовал себя увереннее в такой одежде.

На кассе третья девушка несколько раз засматривалась на меня. Я уж было подумал, что понравился ей, когда вдруг она сказала «Мне кажется, я вас уже где-то видела». Немного растерявшись, я сообщил ей, что приехал в Вашингтон лишь несколько дней назад, и быстро удалился с магазина.

Решил, что раз не могу устранить ломку, то хотя бы попробую немного напиться. Недалёко от магазина был паб, в котором я заказал себе пива. Позвонил Эбби, чтобы сказать, что все сделал, но она не брала трубку. Тогда мне в голову пришла идея, что я могу позвать своего старого друга, который так упорно защищал меня с Рейном в интернете. Позвонил ему и предложил прийти в паб. Я не говорил, кто я, а потому, возможно, немного напугал его. Но он все-таки пришел. Фрэнк выглядел, как работник банка или ещё какой-нибудь крупной компании. Не похоже, чтобы он часто посещал такие места, в которое я его пригласил. Он сел за барную стойку, не понимая, кого ему ждать, и тогда я дернул его рукой за плечо. Выражение его лица нужно было видеть. Как мышь, которая внезапно заметила человека. Но спустя мгновение он засмеялся и рванулся ко мне с объятиями. «Старина, как я рад тебя видеть» и прочие сантименты прямо таки посыпались из него.

Денег у меня хватало на максимум ещё одну пинту пива, но Фрэнк с девизом «гулять так, гулять» обещал купить мне все, чего я захочу. Мой диагноз оказался верным. Он работает трейдером в банке и очень хорошо зарабатывает. На удивление, первые полтора часа я слушал все то, что происходило в его жизни. Он рассказывал о том, что было после окончания школы. Про студенческие годы, про своих двух жён и построение карьеры. И только после полной автобиографии, он заявил, мол, неважно, что у него происходило, лучше я расскажу, что натворил.

Во благо безопасности, я не называл адреса тех мест, в которых мы жили с Рейном и, понятное дело, ни слова не упоминал об Эбби. Но все остальное рассказал довольно подробно. И про то, что произошло и, конечно же, посвятил его в раскрытые нами собственные дела, которые стали некой гордостью для меня. Фрэнк очень внимательно слушал, ни разу не перебивая меня. Он уже успел догнать меня по количеству пива, что подсказало мне тот факт, что этот парень все-таки любит посидеть в баре.

— Ваша история невероятна. — С искренним восторгом заявил мне Фрэнк. — Я

правда, поражён и с трудом могу представить себе все то, что произошло с вами. Об этом можно было бы написать целую книгу или снять несколько фильмов. У тебя не остался этот наркотик?

— Нет, а что?

— Знаешь, как банкир, я обязан немного разбираться в юриспруденции. И я с уверенностью могу тебе сказать, что если бы ты смог достать для меня хоть небольшое количество, его можно было предоставить суду. И суду бы пришлось сократить наказание под видом того, что вы были не в себе. А если бы не вышло, то можно было бы его продать и забыть обо всех проблемах.

— И насколько это может смягчить нашу участь, по-твоему? — Спросил я.

— Полагаю, вам бы точно не светила смертельная казнь. Её не назначают тем, кто совершили преступления неосознанно. Как результат, отсидели бы своё в тюрьме и смогли бы выйти максимум лет через семь.

— Ты думаешь, можно было бы настолько смягчить наказание?

— Конечно. Слушай, мне бы безумно хотелось помочь вам, поэтому ради тебя я свяжусь со своим адвокатом и уточню все детали.

— Я был бы тебе очень благодарен, Фрэнк. Правда, не уверен, что хотел бы очутиться в тюрьме.

— Ты шутишь, дружище? Еще две пинты пива! — Крикнул мой старый друг. — Попасть в тюрьму — это лучшее, что с вами может случиться. Ты понимаешь, в какой вы заднице? Вас не просто ищут все существующие службы в Америке. Вы вошли в долбанную историю как люди, совершившие максимальное количество преступлений за короткое время. А если сами сдадитесь, признаете свою вину. Тогда сможет отсидеть своё и продолжить свою жизнь, перестав прятаться. Даже заработаете, давая интервью.

— Боюсь, мой друг больше никак не смог бы работать в полиции.

— Тебя это волнует? Что вы не сможете вернуть себе прошлую жизнь? Слушай, вы самые популярные преступники на нашем веку, за исключением хакеров. Консультация с вами, будет стоить немалых денег. Ты бы мог открыть свою новую лабораторию, и поверь, нашлись бы люди, готовые тебя спонсировать. А твой наркотик можно было бы запатентовать и продать на изучение. А твоему другу было бы ещё легче. Он бы не смог получить официальную корочку частного детектива, но, поверь мне на слово. Многие готовы были бы платить ему за помощь и консультацию. Вы стали бы знаменитостями, Картер. Как ты не понимаешь? Ваша жизнь могла бы стать прекрасной, и больше никогда не придётся прятаться.

— Звучит очень заманчиво и приятно. Пожалуй, я поговорю со своим другом, но для начала уточни у своего адвоката, насколько это все реально. У меня не осталось ни грамма этого наркотика, и я не помню, из чего точно его сделал, но думаю, при желании, смог бы создать ещё раз.

Остаток вечера мы проболтали о школьном времени и о том, что я мог бы сделать после того, как вышел бы из тюрьмы. Возможно, эта идея понравилась мне тем, что я мог бы перестать чувствовать себя виноватым перед Рейнболом. Мог бы попробовать завоевать сердце Эбби или найти еще кого-то и до конца жизни заниматься своим любимым делом. Даже более того. Фрэнк подарил мне надежду, что в конце нашей истории я могу остаться счастливым. Все могут остаться счастливыми. Начать жизнь заново и навсегда забыть обо всём ужасном, что мы видели и сделали. Если верить Фрэнку, то полиция не знает о наших

действиях. Если быть конкретным, то не знает, что именно Рейн выбил одному парню мозги. Я не говорил Фрэнку об этом. Рассказал эту историю, отметив, что мы не участвовали в перестрелке, и Фрэнк подтвердил, что они искали третьего преступника, сделавшего последний выстрел. Но не знают, что это наших рук дело, и это отлично. Я стал много мечтать о новой жизни. О том, какая она могла бы быть. Представлял счастливого друга, улыбающуюся Эбби в свадебном платье. Хотелось прямо сейчас пойти и сдать в полицию, но был один нюанс. Я не знал, как преподнести это Рейнболу, и как он на это отреагирует. В отличие от меня, он реалист и пессимист без способностей мечтать или надеяться и верить. Пожалуй, это будет самая трудная задача, с которой я не собираюсь спешить. Подберу слова, чтобы звучать убедительно.

Я вернулся домой ближе к полуночи, немного пьяным. Рейн лёг спать, а Эбби сидела в его кресле и ждала меня. Пришлось несколько раз извиниться. Я не смог признаться о том, что общался со старым другом, потому просто сказал, что напился на сдачу от костюма. Она взглянула на мои руки, убедившись, что я не укололся и похоже обрадовалась. Мы перекусили и принялись за репетицию. Танец должен длиться три с половиной минуты, потому как столько длится песня, которую я слышал впервые.

Мы решили, что каждый день будем отрабатывать одну минуту танца, и в конце соединим все вместе. Вальс с элементами танго. Движения несложны, однако, как я говорил ранее, мне в любом случае не просто. На одну минуту танца у нас ушёл целый час, не меньше. Я отдал Эбби ноги и пару раз даже умудрился упасть. Но мы смеялись и вставали. Снова брались за руки, она прижималась ко мне, и я чувствовал тепло, от которого возрастал соблазн представлять нас с ней вместе.

Утром я проснулся, когда Эбби не было дома. Она репетировала остальную часть выступления. Как и ожидалось, весь день я провёл в своей голове. В своих мыслях о том, как мог бы изменить свою жизнь. Периодически Рейн приходил домой и в один раз даже предложил сыграть с ним покер. Я не задавал лишних вопросов и просто согласился. Пока мы играли, он стучал мячом об стену. Я и раньше видел, как он это делает в те моменты, когда напрягает мозги. Еще он мог смотреть долго в одну точку или переставлять шахматы, или даже махать ножом. В целом неважно, что именно делать, главное чтобы соблюдался цикл. Не знаю, влияло ли это на игру, но победить меня ему не составило никакого труда.

— Многие умные люди кидали мяч об стену, — заметил я. — Читал об это в литературных книгах.

— Эти люди не существовали, Картер.

— Ты, возможно, тоже.

— Брось. Теория о том, что мы на самом деле чьи-то воспоминания? Это бред.

— Не больше бред, чем то, что ты чувствуешь сферу насилия или лжи. — Мой друг неоднократно, находясь на месте преступления, говорил, что буквально начинает чувствовать ситуацию, которая произошла. — И я уж молчу о твоей странной болезни.

— Это не совсем болезнь. Я вижу цвета и начинаю чувствовать их вкус во рту. Вместо болтовни лучше сходил бы на кухню и принёс кофе. Я его уже сделал.

— А почему ты не можешь?

— Потому что там стоит ноутбук. Увижу его, случится любовь, и я сломаю себе руку.

— Думал, подобные утехи не входят в сферу твоих интересов.

— К сожалению, большинство вещей вложены в наши инстинкты, и очень тяжело ими управлять. Настолько сложно, что мне просто лень. — Ответил Рейнбол, пока я принёс

кофе, и он разложил карты для продолжения игры. Затем закурил.

— Как думаешь, я бы мог попробовать завоевать сердце Эбби? — Спросил я, надеясь на поддержку.

— Попробуй подарить ей гвоздики. У неё на них будет одна и та же реакция. Аллергическая.

— И в чем смысл?

— В определенности. Намного лучше себя чувствуешь, когда знаешь, к какому результату приведут твои действия.

— Мне кажется, или ты не совсем серьёзно ко мне относишься? — Рейн посмотрел на меня взглядом, будто бы подтверждая мои слова и намекая на мое слабоумие. — Ты как будто не веришь, что я могу хотя бы отдаленно быть таким же умным, как ты.

— Вера подразумевает такой уровень равнодушия, до которого мне не дорасти, Картер.

— Однако ты не можешь оспорить то, что большинство наших дел были придуманы мной, и тебе было иногда не просто их разгадать.

— А ты должен учитывать, что все это произошло по той причине, что ты идиот.

— Не правда! — Вскрикнул я. — Я может безответственный или тип того, но такого наркотика не существует. Я первый, кто его создал, и он уникален.

— Да уж. Переплюнул Эдисона и Кроманьонца. А нет, погоди. Они создали ключевые для цивилизации вещи, а ты какую-то хрень, от которой мы сошли с ума и сотворили дебош. По факту мы тупо возродили анархию, пускай и не массовую.

— Но мы не такие уж и плохие, раз есть Эбби, которая решила нам помочь.

— Да, тут ты прав. Девчонка, страдающая булимией, с низкой самооценкой и отсутствием друзей.

— С чего ты взял, что у неё нет друзей?

— А ты посмотри вокруг. Тут только мы. В интернете она ни с кем не общается, в гости приходила сестра, и только. Она одинока и такая же странная как мы. Такая же одинокая и брошенная и при этом, у неё явные проблемы со здоровьем, которых ты даже не видишь в упор.

— Каких таких проблем?

— Частая головная боль, головокружение, внезапная рефлекторная рвота натошак, которая не зависит от приема пищи. Вчера жаловалась на шум в ушах.

— Это все? — Спросил я.

— Плюс ко всему снижение критического отношения к себе, к окружающим, вялость, безучастность, снижение интеллекта, апатия, странность в поведении, неопрятность с мочой и калом, слуховые галлюцинации, боли в конечностях, гормональные нарушения.

— Что ты несёшь? Как ты вообще мог все это увидеть? И какие ещё слуховые галлюцинации?

— Она иногда отвечает на вопросы, которые ей не задавали.

— Может, она просто говорит сама с собой. — Предположил я.

— Нет, я спрашивал её когда-то о том, говорит ли она сама с собой в уме, и она отрицала.

— Поверить не могу. И что же это может быть?

— Все, что угодно. Но я бы на твоём месте проверил, нет ли у неё плохой мачехи. Такие симптомы вызывают отравленные яблоки.

— Очень остроумно. Все равно мне трудно поверить, что ты все это увидел. Иду ва-банк.

— В этом вся разница между нами, Картер. У тебя возникает вопрос. Одну башку ты почесал, другую покурил, и расслабился. Многие говорят про проклятие детектива. Мол, разгадка у тебя под носом, а ты её не видишь. Это оправдания, которое придумали те, кто не хотят напрягаться. Настоящая разница между нами в том, что ты слеп. Я не гений, но явно преуспеваю впереди тебя. Твоего интеллекта не достаточно, чтобы заметить очевидное. Как будто ты заперся в маленькой комнатке, у себя в голове, когда ещё был ребенком. В то время как я, в свои двенадцать, понял, что мой отец мне не родной. Разные подбородки, разные пальцы на ногах и на руках. И у меня родимое пятно на пояснице точно такое же, как у... Не важно. Короче, ты меня понял. Не нужно задирать нос, ибо высокомерный Картер может стать для меня проблемой. А теперь вскрываемся.

У меня был Фул-Хаус. Все фишки нужно было бы забрать, но я решил, что на сегодня наигрался и, встав из-за стола, направился к выходу, надев пальто.

— Ты куда? — Спросил Рейнбол.

— Прогуляюсь на свежем воздухе.

— Обиделся, что ли? Откуда такое нежное сердце у детектива и ученого в отставке?

Я не стал отвечать и вышел на улицу. Хотя было приятно, что он назвал меня учёным. самого себя я таковым никогда не считал. Но вообще я даже не уследил, как наш диалог ушёл в иную степь. Я хотел узнать, что он думает насчёт меня и Эбби. И, возможно, рассказать идею Френка. Но, увы, не удалось. Со вчерашнего дня осталось немного денег, на которые я арендовал себе на пару часов велосипед. Ещё месяц назад распечатал поддельный паспорт.

В сотый раз обдумав все, что мне говорил Фрэнк, я решил навестить свою старую лабораторию. Там должны быть ингредиенты или даже рецепт созданного мною наркотика.

Путь не ближний, и доехав до нужного мне дома, я осознал, что не смогу вернуть велосипед вовремя. Но сейчас было не до этого. Уже настал вечер, и вокруг не было ни души. Я подошёл к подвалу и открыл дверь. Все помещение было опечатано. Мои старые вещи, диван, шкафчики.

Я убрал пленку и стал рыться в своих вещах. Много они успели забрать, очевидно, для экспертизы. Спустя полчаса я нашёл много разных химикатов и бинго. Рецепт приготовления этой дряни. Он выглядела странно и не мудрено. Чтобы никто не мог его прочесть, я зашифровал все цифры и буквы. В свое время я изучал методы шифрования от скуки.

Но вместе с тем, я открыл ящик в шкафу, из которого выпал небольшой пакет с наркотиками. Моя заначка. Рука сама по себе схватила его. Величайшая дилемма для меня. Я явно хочу попробовать заслужить Эбби, но я её не достоин, если сдамся. К тому же я бы хотел помочь ей с едой. Уверен, все симптомы, которые увидел Рейн, это из-за того, что она не насыщает свой организм нужными витаминами. Не знаю как, но мне удалось сотворить некий катарсис и сдержаться. Я спрятал наркотики обратно. Но все же не смог выкинуть или смыть в унитаз.

Я сел на велосипед и поехал обратно. Наверное, парень на спортивном велосипеде в пальто и в шляпе выглядит очень смешно. Мне понадобилось двадцать минут, чтобы расшифровать все тридцать четыре ингредиента, входящих в список. Но я понял, что в старом жилище не осталось и половины из того, что нужно. Придется купить все, чего не

достаёт. Для этого нужны деньги Эбби. И чтобы я их получил, придётся посвятить её в мои планы. И для этого тоже придётся выбрать подходящий момент.

Спустя ещё некоторое время я вернул велосипед. На удивление, мне не назначили никаких штрафов. Парень сказал, что все в порядке, и мне нечего бояться. Тогда я пришёл домой. Пока Эбби играла с Рейном в покер, я принял душ. Затем мы с ней принялись за репетицию. Для начала повторили вчерашнюю минуту танца, а затем выучили вторую. Даже мне показалось, что я быстро улучшил свой результат. Как будто все дело в уверенности в себе. Мы справились в два раза быстрее и ушли спать по своим комнатам.

Следующий день прошёл быстро, но не скажу, что он был скучным. Я составил список из всех недостающих ингредиентов и начал подсчитывать их стоимость в интернете. Они все были у меня и накапливались годами. Потому я и представить не мог, что стоимость их вместе составит четыре тысячи долларов. Многовато. Даже попроси я денег у Эбби, пришлось бы копить несколько месяцев, не меньше. Она снова репетировала. Рейнбол тоже ушёл куда-то ещё утром и сказал, что будет не раньше восьми. Тогда я сделал себе кофе и сел в его кресло. Может, это помогает найти правильный ответ. Способствует мышлению. Не уверен, что это так, но, все же хорошенько подумав, я нашёл решение. Зарегистрировался на анонимном сайте, где предложил свою помощь по части химического анализа и составляющих. И, конечно, оставил внизу подпись, что могу помогать с рефератами и дипломными работами.

Понятное дело, не ждал, что сразу появятся нуждающиеся, но таким образом я явно смогу ускорить процесс накопления денег. Даже стало немного стыдно, что я раньше этого не сделал и просто сел Эбби на шею.

В конце дня мне позвонил Фрэнк с очень хорошими новостями. Оказалось, его адвокат хорошо наслышан обо мне с Рейном, что не удивляет. Но главное, что он готов помочь. Я объяснил Фрэнку, что нужно насобирать денег на все ингредиенты, и он пообещал, что половину оплатит сам. Моей радости не было предела, хоть в тоже время я понимал, что ещё не уговорил Рейнбола. Но сама идея казалась вполне адекватной. В отличие от того пути, который мы выбрали, этот шанс по-настоящему может спасти нас.

Мы договорились встретиться с Френком на следующий день и обсудить детали. Вечером пришла Эбби, приготовила ужин и сама поела. Я решил понаблюдать за ней, чтобы увидеть симптомы, о которых говорил Рейн. Но вместо этого заметил кое-что более интересное. Она не ходила в туалет после ужина. Это может значить лишь одно. Наконец-то Эбби решила порадовать свой желудок.

Мы отрепетировали за полчаса третью минуту танца и, включив сериал, уселись на диван и просидели так много часов, пока не уснули. Утром я проснулся один. Рейнбол видимо и вовсе не приходил домой. Я позавтракал, проверил почту на наличие заказов и безумно обрадовался. Один студент предложил пятьдесят долларов за несколько страниц расчетов химического анализа. Я справился менее чем за час и получил свои денежки.

Затем отправился на встречу с Фрэнком. На этот раз не в пабе. Он рассказал мне о том, что все его слова подтвердились. Есть гиперболы, но нам и вправду не дали бы больше семи лет. Более того, возможно выйдет меньше пяти. Главное, все сделать правильно. Адвокат Фрэнка сказал, что может нами заняться, но его услуги стоят достаточно не дёшево, что вполне логично. Под стаканчик кофе мы договорились об условиях. Фрэнк достанет нужную сумму, оплатит адвокату после решения суда, и в результате я должен буду вернуть ему в два с половиной раза больше после того, как мы выйдем с тюрьмы. Он уверен, что я без проблем

смогу отдать эту сумку сразу после нескольких интервью.

Затем он добавил, что мне нужно для начала встретиться с адвокатом, чтобы он объяснил мне все действия, какие нам нужно будет принять с Рейном. Все по определенному плану, вплоть до каждой фразы, сказанной нами. Похоже, это и вправду профессионал. Встретиться нужно на следующий день. Как раз тогда, когда мы с Эбби выступаем. И тогда я решил пригласить их на это выступление. Рассказал, что я буду там и после выступления, выберем место, в котором сядем и поговорим. Я не уточнял, что буду выступать. Думаю, не смогу Эбби все объяснить, потому что просто возьму её с собой на эту встречу. Фрэнк сразу дал мне две тысячи долларов на ингредиенты.

Вечером мы продолжили репетицию. Доучили танец до конца и соединили все выученные части вместе. Я периодически путался, но в целом все выучил и получил отличный результат. А совершал ошибки из-за волнения, которое испытывал, находясь в предвкушении. Ведь нужно поговорить и с ней, и с Рейном. А я и понятия не имел, что говорить моему другу, если идея покажется ему бредовой. К сожалению, интуиция подсказывала, что именно так он и ответит.

Утром на почте больше не было заказов. Я решил схитрить и заплатить пятьдесят долларов за рекламу своего профиля. К завтрашнему дню, думаю, будет ещё минимум два заказа. Так же заказал в интернете половину нужных ингредиентов на две тысячи, которые получил от Фрэнка.

Погладил костюм, хорошенько перекусил и принял душ. Минут пятнадцать ушло на то, чтобы привести в порядок причёску. Оделся и вышел на улицу. Выступление через четыре часа, но я решил, что хочу прогуляться. Так сказать, освежить свою голову, которая была сильно напряжена в последние дни. Но долго наслаждаться улицами мне не удалось. Позвонил Рейнбол и сказал, что ему нужна моя помощь. Мы встретились во дворе огромного дома на окраине Вашингтона. Шикарный сад, охрана. Мой друг показал некий пропуск на входе и сказал, что я с ним.

— Расскажу тебе вкратце, — начал Рейн. — Хозяин этого поместья организовал у себя дома покерный клуб. На самом деле там ещё есть бильярд и другие игры, но в любом случае, в основном играют в покер. Мы познакомились с этим человеком, когда были под наркотиками. Он знает о том, что мы наделали, но ему плевать, ведь по какой-то причине мы ему нравимся. В общем, он обратился ко мне за помощью. Кто-то из людей ворует у него разного рода драгоценности. Моей задачей было вычислить, кто это делает. А учитывая количество людей, которые туда приходят, задача не простая. К тому же у меня была теория, что мы подсказали, как обойти охрану. Но оказалось, в доме толком нет охраны и камер. Это не интересное дело в сравнении с остальными, однако, мне пообещали круглую сумму и заплатили залог.

Эта новость не может не радовать. Осталось рассказать все Рейнболу и забрать оставшуюся сумму у него.

— Это связано с теми детскими игрушками, которые ты приносил? — Поинтересовался я.

— Именно. На каждой из них, внизу, есть печать. Я отломал тридцать шпук и незаметно прилеплял их на обувь каждого из проходящих людей. Одновременно рассыпал немного песка и пыли по дому. После этого следил каждый день, рассматривая следы. Нужный отпечаток укажет мне на обувь.

— Я немного не понимаю.

— В доме есть обувь, которую надевают, чтобы ходить в нем. Я прицепил эти шулки и ждал, когда появится отпечаток. Но следы были без них, ибо не всю обувь использовали. И сегодня осталась последняя пара. Эти игрушки довольно сложно найти, и потому только сегодня я смог сделать так, чтобы они оказались на всей обуви в доме.

— Мне кажется или ты специально усложнил это дело? Можно же было просто проследить.

— Да, но это не так интересно.

Мы зашли в дом. Высокие потолки, столы с графинами. Куча горшков с цветами и еще много всего, чего я не успел запомнить, поскольку Рейн потянул меня за руку в другую комнату. Огромный стол, за которым сидело порядка двадцати человек, играющих в покер и в другие игры. Найти хозяина было несложно, он стоял ногами на стуле в длинном, фиолетовом плаще. Или халате. Сказать трудно.

В результате мы вместе сели за стол и принялись играть. Две симпатичные барышни принесли выпить и сигару специально для Рейнбола. Не знаю марки, но размеры у нее потрясающие. Наверняка дорогая штука. Кстати, он единственный мог там курить. Я слышал, как двое парней пытались закурить, и их вежливо попросили выйти на улицу.

Весь вечер мы играли и выпивали. До выступления оставалось чуть больше часа. Это напрягало. Рейнбол вышел из-за стола и, вернувшись, позвал меня на улицу. Я вышел с ним.

— Что-то не так? — Спросил я.

— Да. Следы есть, и они тоже без отпечатков. Постарайся побольше наблюдать за окружающими. Любая, даже незначительная деталь, может оказаться решающей. Я обещал хозяину, что сегодня поймаю воришку.

Мы вернулись за стол. К тому моменту я уже был немного пьян. Это расслабляет и полностью избавляет от страха выходить на сцену. Часики тикали, и мне было бы неловко уходить, пока Рейнбол со всем не разобрался. Наверняка сейчас он решит все-таки воспользоваться обычным методом и проследить, кто туда ворвется. По крайней мере, я этого ждал, но вместо этого мой друг продолжил спокойно себе сидеть и играть в покер. Я присматривался ко всем присутствующим. Предположительно врач, с тростью, пара кинологов, судя по разговору. Девушка из ресторана и хозяин клуба в центре Вашингтона. Рейн говорил, что всегда самым первым нужно понять мотив. Он приводит к новым зацепкам или даже сразу к разгадке. Деньги воруют либо те, кому они необходимы, у кого их нет, либо те, кому привычно воровать. Но я не могу понять или увидеть что-то подозрительное. Рейн прав, я не владею такими же наблюдательными способностями. Хотя вообще-то не считаю, что они — это признак интеллекта. Я умный в одной сфере, это точно.

Оставалось пятьдесят минут до начала концерта. Ехать к месту минут двадцать. К счастью, Рейн снова позвал меня на улицу. Медленным шагом мы направлялись к выходу, и Рейн закурил сигарету.

— Почему ты продолжил тупо играть, вместо того, чтобы анализировать? — Спросил я. — Ты ведь мог спрятаться в доме и ждать, пока придет преступник.

— Я решил продолжить веселиться, пока не насобираю нужные мне денежки. Приятный плюс к тому, что мне заплатит Бари.

— Бари?

— Хозяин поместья. Он очень щедр.

— Так ты разобрался в том, что произошло?

— Смотри туда. — Я повернул голову. В доме послышались крики и грохот. Двое

охранников вывели двух людей в наручниках и положили их на пол. Я присмотрелся, но никак не мог понять, кто эти люди. Их точно не было среди гостей за столом.

— Кто они такие?

— Охрана. — Ответил Рейн. — Некий отпечаток все-таки оставался на песке, но совсем не тот, что ожидался. Только они могли это сделать, раз исключены все, кто были в доме.

— Господи, Рейн. Ты мог это понять в самый первый день. Неужели тебе доставило это удовольствие?

— Ты, как всегда, не увидел главного, Картер. Сигары, выпивка, выигранные деньги в покер. Моя наблюдательная способность сыграла отличную роль для получения победы. И все бесплатно.

— Ты тянул время, чтобы подольше выпивать и играть в покер?

— Конечно.

Мы залились смехом. А вот охранникам повезло намного меньше. Их дубасили ногами несколько человек, вышедших на улицу. А мы тем временем разошлись. Рейн сказал, что ему хочется поспать, потому он не составит мне компанию на выступлении. Тем более, наш с Эбби танец он уже видел. Хотя мне казалось, что ему просто не по душе подобные мероприятия.

Я отправил на концерт. Время уже заканчивалось, и потому я невероятно спешил. Прибыл за пять минут до начала. Времени наносить грим не оставалось, потому я просто надел парик. На самом деле, этого оказалось достаточно, чтобы я был неузнаваем. Эбби выглядела прекрасно. Накрашена, как принцесса, в синем платье. Я наблюдал за ней, стоя за кулисами. Буквально не мог свести глаз с неё. А она смотрела в ответ и широко улыбалась. Мы были на расстоянии друг от друга, но я чувствовал её тепло где-то внутри себя.

Внезапно все люди на сцене захлопали. Погас большой свет, начала играть музыка. Это мой выход. Без единого страха я вышел на сцену. Мы с Эбби обнялись и принялись танцевать. Сотни глаз смотрели на меня. Не передать словами то, что я чувствовал в тот момент. Это один из самых лучших моментов в моей жизни. В зале я также увидел Фрэнка. Судя по взгляду, он еще не узнал меня.

В один момент Эбби запнулась. — Все в порядке? — Спросил я у неё. Она ответила, что случайно ошиблась, что просто закружилась голова. Только сейчас я увидел этот симптом. Только тогда, когда она сама сказала. Но это не помешало завершить танец до конца. Вот только один момент мы не репетировали. В конце танца, перед тем, как сделать поклон друг перед другом, Эбби прижалась ко мне и поцеловала. Посыпались аплодисменты, которые звучали громче музыки. Это и вправду самый лучший день в моей жизни. Эбби прошептала мне на ухо, чтобы я ждал её за кулисами, и мы разошлись в разные стороны. С кучей бурлящих мыслей я вышел со сцены.

Сходил в уборную и снял с себя парик. Поверить не мог, что это все произошло на самом деле. Решил хорошенько умыться, чтобы взбодрить себя. Затем вышел на второй этаж сцены, рядом с посетителями, купившими VIP билеты. Кругом темнота, потому я не боялся, что меня могут узнать. На сцене танцевала группа парней. Я увидел Эбби, все еще стоящую за кулисами. Она стояла и болтала с двумя мужчинами. Мне плохо было видно её лицо, однако она казалась напуганной или недовольной, если учитывать скрещенные руки. Сначала показалось, что её ругают за незначительную ошибку во время танца. Но затем она достала телефон, и мне пришло СМС. Эбби написала, чтобы я немедленно сматывался из театра. Все вдруг замерло. Как будто внутри меня случился взрыв. Я судорожно стал бегать

глазами по залу. Я увидел Фрэнка, стоящего с двумя полицейскими. Этот уродец сдал меня. Вероятно, для того, чтобы получить вознаграждение. Но его мотивы мало интересовали. На второй этаж выбежал полицейский, который тут же меня заметил. Я бросился в бега.

Полиция не смогла преуспеть за мной. Я спрятался между двумя домами, сам не зная, где нахожусь. Позвонил Рейнболу и предупредил его обо всем, включая то, чтобы он ушел из квартиры, спрятав наши вещи. После того, как я успокоился, стали хватать нервы. Я проклинал Фрэнка всеми словами, что знал. Не верится, что я так легко поверил ему. Все ведь сразу казалось слишком подозрительным, но я замечтался. Эбби позвонила спустя целых несколько часов, в течение которых я бродил по улицам Вашингтона, разбивая кулаки об стены. Она сказала, что была дома с полицией, но они ничего не нашли. В квартире под нами никто не жил, и Рейн просто кинул все наши вещи на балкон снизу. Просто и эффективно. Эбби была спокойна и сразу поняла, что я не в порядке. Попросила вернуться домой, но я ответил, что мне нужно прогуляться. Понятное дело, я пошел в сторону своей старой лаборатории. Там, в потайном ящике спрятаны наркотики, которые скрасят сегодняшний вечер. Казалось, что причин себя сдерживать у меня не осталось. Я сложил руки.

Я был готов отдать все, а взамен не получу ничего? Нет, это не для меня. Рейнбол дал мне немного денег, когда мы прощались возле поместья. Я взял себе бутылку пива и уверенно зашагал в нужном мне направлении. Пешком было бы идти довольно долго, но мне повезло. Подбросили проезжающие мимо люди, за что я им безумно благодарен. Я зашёл внутрь. Окна остались завешенными, потому безо всякого страха включил свет и залез в бардачок. Все содержимое пакета высыпал на стол и не успел я достать из него то, что было нужно, как меня остановила чья-то рука. Это Эбби. Она приехала за мной.

— Приехала, чтобы меня остановить?

— Ошибаешься. Я давно хотела попробовать.

У неё уже была перемотана рука и все вены надулись. Я вообще-то был против, чтобы она употребляла, но в этот раз и сам слетел с катушек, потому не пытался остановить её. Мы сели на диван и погрузились в царство морфея. Я боялся, чтобы у Эбби не случился «передоз», или чтобы ей вообще не было плохо. Но она, похоже, чувствовала себя отлично. Спустя полчаса мы болтали о сегодняшнем дне. Я рассказал ей про Фрэнка. Про свои планы, мечты и прочие. Даже про свои мысли на её счёт. После этого она села на меня и попросила продолжить рассказ. Пока я говорил, она медленно снимала с меня одежду. Затем с себя. В результате этот день все-таки смог остаться лучшим, потому как такого искреннего, физического сближения у меня никогда не было. Мы оба лежали на диване, засмотревшись на потолок и допивая алкоголь. Еще в самом начале я спрятал наркотики обратно в тайный ящик. Эбби заговорила о нем.

— Это все, конечно, очень здорово, Картер, но я уничтожу все, что у тебя там осталось.

— После того, что произошло, я не против.

Эбби потянулась к потайному ящику, и внезапно верхний шкафчик обрушился, чуть не ударив её по голове.

— Ты не ушиблась? — Спросил я.

— Нет, все в порядке. Слушай, тут какая-то выемка за шкафом.

— Маленькая кладовка, я знаю о ней. Там ничего интересного

— Ты уверен?

Эбби отодвинула шкаф в сторону. Из него посыпались блокноты. Изначально я не

понял, почему у Эбби застыл испуг на лице, будто она увидела саму смерть. Но затем дошло и до меня. Это гора таких же блокнотов, как тот, в который я записывал преступления.

«Наш великий провал»

«События развивались слишком быстро»

Рейн схватил парня за воротник рубашки. Его друг сидел, не двигаясь и с явно напуганными глазами. Людей в баре не много, потому мы не боялись рискнуть вызвать дебош.

Прошло много времени с того момента, как я узнал о том, что мы натворили намного больше, чем было записано в моем первоначальном блокноте. Только сейчас пришло в голову пересчитать количество преступлений, и этим обещала заняться Эбби. Мы уже раскрыли много дел и, однако, мой друг бунтовал от скуки. Даже сейчас те парни, которые смотрят на нас, всего лишь мелкие воришки. Под моим наркотиком Рейнбол подсказал им, как воровать деньги из кассовых аппаратов. Как незаметно доставать у людей кошельки и прочее. Второй, кажется, даже в штаны наложил после того, как увидел у меня пистолет в пальто. Я бы и не описывал это дело, ибо это даже делом назвать нельзя. Однако мне пришлось это сделать, из-за дальнейших событий.

— Придётся проводить вас в участок, где вы во всем сознаетесь. — Без эмоционально произнёс Рейн. Один из парней глотнул язык.

— Вы ведь не из полиции. Вы частные детективы, верно? — Дрожащим голосом произнёс парень в синей куртке.

— И что с того?

— Вы имеете право вызвать полицию. А насильно вести нас в участок не получится.

— Значит, вызовем её сюда.

— Но мы не признаем вину! Скажем, что вы сумасшедшие. А доказательств у вас нет.

— Тогда мы сейчас отведем вас за бар и прострелим колени, чтобы вы больше не совершали ошибок. — От этих слов второй парень, в красной куртке, внезапно дернулся и заговорил.

— Я помню, вы говорили о том, что ищите интересное. Ещё в нашу первую встречу. И если не находите, то создаёте это нечто интересное. Если мы вам дадим возможность поймать кого-то интереснее, мы сможем уйти?

— О чем идёт речь? — Спросил я.

— Есть заброшенный одноэтажный дом неподалёку. Внутри мы нашли нечто страшное и необычное. Так что, мы договоримся?

— Боюсь, что в этом доме. — Начал Рейн. — Может оказаться кошачье дерьмо. И пока я буду его изучать на предмет чего-то таинственного, вы сбежите.

Внезапно парень достал наручники из моего кармана, которые я недавно приобрел на всякий случай. Затем, резким движением, заковал свою руку к руке Рейна.

— Я никуда не сбегу, это точно. Вы согласны?

Черт с ним, подумали мы оба с другом и направились в сторону заброшенного домика. Видимо, для интриги, эти парни рассказывали о том, что дом принадлежал старой бабке, которая наводила порчу на людей, тем самым убивая их.

Пустая и бесполезная информация. Я, как обычно, летал в облаках, в своей голове. Однажды Рейнбол обмолвился, что моя голова — это комнатка, в которой я заперся со своими страхами и сомнениями. Однако мне кажется, что это целый мир, не имеющий границ. Неделя без наркотиков подарила мне более ясное мышление.

Мы вошли в старый дом, который и вправду напоминал дом ведьмы из старых сказок. Весь чёрный, как смоль. Будто он однажды сгорел и не развалился. Внутри все выглядело ровно так же. Практически никакой мебели, все в пыли и паутине. Один парень остался снаружи, а второй вёл нас внутрь. На вешалках висели старые вещи. Рейнбол провёл рукой, и сквозь лучи солнца мы разглядели вихрь из пыли, который полетел со старой куртки.

Здесь явно давно никто не живет. Весь пол, вся мебель, все было покрыто высоким слоем пыли. Ещё при входе Рейн наклонялся и изучал пол, как мне кажется, на предмет следов. Для начала мы осмотрели кухню и спальню комнату.

Парень явно нервничал, и я уж было подумал, что он и в правду хотел как-то сбежать или потянуть время. Например, пока его друг, оставшийся на улице, вызывает полицию, и на самом деле они нас узнали. Однако все мои сомнения рассеялись, когда мы вошли в гостиную. Перед нами, подвешенные на потолке, весели трое мужчин. Я глянул на Рейнбола и увидел то, чего ожидалось. Его глаза загорелись, а рот приоткрылся.

— Вы нашли их вчера вечером и никого здесь не видели? — Спросил Рейн у парня.

— Так точно.

— Почему не вызвали полицию?

— Побоялись, что она заподозрит нас. Мы не убийцы, но с законом не дружим.

— Хорошо. — Рейн расстегнул наручники, сковывающие его и парня. — Вы свободны.

Уходите и никому не говорите об этом месте.

Парень буквально выбежал на улицу. А мой друг моментально стал напрягать мозги и анализировать. Правда, что меня удивило, начал он со стен и с пола, а не непосредственно с трупов. Запах стоял отвратительный, потому я не рисковал к ним подойти.

— Думаешь, мы правильно поступили, что отпустили этих двоих? — Спросил я.

— Плевать, Картер. Они подарили дело куда интереснее.

— Ты не думаешь, что это могли сделать эти парни?

— Исключено.

Рейн продолжил исследовать помещение. Хотя оно было максимально пустым. Единственный стол стоял справа от двери. На нем красовалась старая настольная лампа. Мой друг уделил этому столику больше всего внимания. Все это приходилось делать с фонариком, поскольку в доме не было света.

Спустя долгие десять минут, Рейн принялся изучать трупы. Только сейчас до меня дошло, что они перемотаны цепью. Причём, не только шея, а все тело. Также, у одного из них были отрезаны кисти рук. Я не смог дальше там находиться, потому вышел на улицу вдохнуть свежего воздуха и заодно убедиться, что парни не позвонили в полицию. Благо, они этого не сделали и тихо ушли.

Я ждал своего друга двадцать минут. Он вышел и сразу закурил. Очевидно, что от меня толку было мало. Дело не только в запахе. Я просто ума не приложу, что могло здесь произойти и, пожалуй, если бы начал строить теории, выглядел бы идиотом.

— Это преступление отличается от всех, что мы видели ранее, Картер.

— Твой тон звучит так, будто мы имеем дело с мистикой.

— Нет здесь никакой мистики, — строго ответил Рейн. — Но дело и вправду будет не из простых. Ты, конечно, не разглядел все детали?

— Да, посвяти меня.

— Первое, что бросилось в глаза, это следы. Я с лёгкостью смог отличить их от следов парня, что нас привел. Всех этих людей принесли сюда на руках и потому на полу только

следы двух человек. Один явно высокий, а второй поменьше. Но сильный.

— Это можно узнать по следам? — Спросил я.

— Конечно. Рост, скорость ходьбы и примерное телосложение. В сыскном деле изучение следов — это целая наука. Также должен отметить, что жертвы не просто задушены.

— Разве это не очевидно? Они ж висят на цепях.

— Я уже сказал тебе, что их сюда принесли. Судя по трупным червям и по стадии разложения, они умерли намного позже, чем их принесли сюда.

— Хорошо, что ещё?

— На стене слева убийцы нарисовали эмблему. Планета внутри черного квадрата. Понятия не имею, что это может значить. Но над трупами хорошенько поиздевались.

— Да, я видел. У парня нет кистей рук.

— И не только у него. У второго отрезан нос, а у первого язык.

— Ого, — с искренним удивлением вымолвил я. — И в правду не похоже, чтобы мы видели хоть что-то подобное.

— Подобное среди наших дел — нет. А вот в своей практике я уже видел нечто похожее. Это как будто ритуал. Жертвоприношение или метемпсихоз.

— Ритуал? Метемпсихоз?

— Да. По углам разбросана пшеница и другие зерна. Рисунок на стене. Отрезанные части тела. Все это картина. Рисунок не известного нам художника.

— Как, по-твоему, они убиты тогда?

— Кураре. Африканский яд, который использовали ещё давно, намазывая стрелы. Малейшей царапины хватает, чтобы существо задохнулось. Я нашёл явные признаки у каждого, хотя могу и ошибаться. И так же нашёл ингалятор в кармане у того парня, которому отрезали нос. И мне все это не нравится, Картер. Слишком много деталей, будто специально для нас подготовлено.

Мы вернулись домой и там, как и ожидалось, Рейн уселся на диван и, закрыв глаза, отправился внутрь себя. Долгое время мы ни к чему не приходили с этим делом. Никаких деталей, которые могли бы нам помочь. Ровно до сегодняшнего дня. Ещё две недели назад полиция озвучила имена убитых. Тони, Грейсон и Вильям. Первый занимался поставками воды в Африку. Второй имел аграрный бизнес, а третий был программистом и астматиком. Пресса подняла много шума. В один момент полиция перестала отвечать на какие-либо вопросы. Большинство людей после огласки завалили интернет теориями о маньяке, появившемся в городе.

— Я сделала тебе кофе. — Сказала Эбби, протягивая мне стакан, пока я сидел за ноутбуком и читал новости.

— Спасибо. Ты не знаешь, где Рейнбол?

— Вышел прогуляться в парке. Телефон оставил дома.

После того случая, когда мы с Эбби сблизились, почти ничего не изменилось. Мы не стали спать на одной кровати или ходить за руку. Мы толком и не обсуждали то, что произошло. И все же, она явно стала добрее ко мне.

— Я налила хлопьев с молоком. — Продолжила она. — Можем лечь на диван и посмотреть фильм.

Я с удовольствием согласился на предложение. Но решил дочитать новости и наткнулся на объявление одной женщины. Некая Клара писала о том, знает ли кто-нибудь об

организации с эмблемой планеты в квадрате. Я замер, перечитывая этот текст. В новостях ничего не говорилось о рисунке на стене, потому вряд ли она могла знать об этом из СМИ. Я взглянул на Эбби. Она уже успела прочесть написанное и твёрдо сказала мне бежать за другом.

Я взял номер телефона и адрес женщины, и побежал в парк искать Рейнбола. Он сидел на лавке, рассматривая детей, играющих на площадке. Казалось, что он вспоминает своё собственное детство. Я рассказал ему о том, что узнал. А он будто бы и не слышал меня. Продолжал смотреть на детей, пока резко не встал и не зашагал быстрым шагом до выхода из парка. Ему понадобилось немного времени, чтобы переключиться и выйти из воспоминаний.

Мы пришли к дому Клары. Это была девушка лет двадцати пяти, одетая явно по-домашнему. Невысокий рост, светлые волосы и теплые глаза. Она вела себя очень мило. И выглядела моложе, чем мне показалось изначально. Мы представились частными детективами по старой схеме, и нас пустили в дом, в котором, собственно, не было ничего примечательного. Несколько комнат, куча однообразной мебели. Детей у девушки не было, и возможно, потому все комнаты выглядели сероватыми. Мы сели за стол и принялись обсуждать вопрос Клары.

— Должен заметить, — начал Рейн. — Что все, что знаем мы, это конфиденциально. Потому мы здесь сугубо для того, чтобы выслушать вас. И оказать ту помощь, на которую будем способны.

— Я благодарна.

— Расскажите, что случилось, и что вы знаете об этой организации.

— Все началось около месяца назад. Мы с моим молодым человеком, с Эриком, все вечера проводили вместе, но внезапно он стал редко появляться дома. Он работает за токарным станком, и время работы фиксировано. С девяти утра до пяти вечера. Домой приезжает к шести. Но последнее время он не бывал дома раньше восьми. Говорил, что отдыхает с друзьями, но я звонила его друзьям, и они это отрицали. Затем я попыталась за ним проследить, но он заметил меня и устроил скандал. Сказал, что это его дело, и ему самому нужно разобраться. Что я не должна в это лезть.

— Вы не думали что у него любовница? — Перебив девушку, спросил я.

— Это очень маловероятно. Эрик несколько лет назад был в гостях, в доме, в котором начался пожар. Он был единственным, кто выжил после него, но в результате получил сильные ожоги. Мой парень голо.

— Простите?

— Неважно, — ответил мой друг и хозяйка продолжила.

— К тому же, мне выпала возможность убедиться, что он попал в неприятную ситуацию. Мы сидели вечером несколько дней назад за ужином. Раздался звонок в дверь, и Эрик пошёл посмотреть, кто пришёл. Я плохо слышала разговор, но увидела пистолет, наставленный на голову моего парня. Я очень сильно испугалась и взяла телефон, чтобы позвонить в полицию, но Эрик запретил это делать. А на руке у парня я увидела татуировку в виде планеты в квадрате. Они пытались зайти в дом, но Эрик их не пустил. А вчера я видела порезы на его руке, которые он, бедный, забинтовывал дрожащими руками.

— С чего вы взяли, что это эмблема организации? — Прервал её Рейнбол.

— Я не видела их лиц. Они были очень странно одеты. В плащах с капюшонами. Как сатанисты или кто там так одевается. Вот и решила, что это культ. Ну, и Эрик тоже случайно

обмолвился. Но все мои попытки узнать хоть что-нибудь оборачивались неудачей. А ведь ему угрожает серьёзная опасность.

— Вы видели запястье человека с оружием, верно? — Спросил Рейн.

— Да, верно.

— Стол находится справа от входной двери. Выходит, человек державший оружие, левша. Они были разного роста? Те парни, которые приходили.

— Да.

— Как ваш муж добирается домой?

— На метро. Думаю, он уже едет.

— Это вот он с вами на фото? Хорошо. Мы поговорим с ним, и будьте уверены, приложим все усилия, чтобы вам помочь.

Мы с Рейном вышли на улицу и направились в сторону метро. Стояли минут пятнадцать возле входа, рассматривая всех прохожих.

— О чем ты сегодня думал, там, в парке? — Спросил я у него.

— Я размышлял над сценой в доме. Над идеей допущения собственного жертвоприношения.

— Ты думаешь, жертвы были не против?

— Я не знаю. Это не было местом их смерти, потому невозможно сказать наверняка о попытках сопротивления. Но сделано все максимально аккуратно. Практически без единых следов, которые могли бы указать нам или полиции ключ к разгадке.

— Я уже догадался об этом. Только не пойму, зачем убивать в одном месте и выставлять напоказ в другом, как картины.

— Потому я и назвал это сценой, Картер. Это и есть картина, как я сразу и сказал тебе. А сам факт её наличия — это психология серийных убийц. Они любят показывать то, что сделали. Я слышан о случаях, когда труп подбрасывали прямым под двери полицейского участка. Мол, смотрите, что я творю прямо у вас под носом.

— А что такое голо?

— Это такая река во Франции. Ну, и ещё так называют парней без полового члена.

— Что ж. Жаль их обоих.

Высокий парень в тёплой, зимней куртке вышел из метро. Мы сразу узнали его и попытались заговорить. Однако парень шёл себе дальше в сторону дома, не обращая на нас внимания. Тогда Рейн сказал ему, что мы хотим поговорить о той организации, с которой он связался, и это, однако, тоже ничего не изменило. Он дальше направлялся к дому, ускоряя шаг. Чтобы мы ни говорили, он не останавливался, и в результате мы довели его прямо до двери дома. Тогда Рейнбол схватил его за руку.

— Ты, возможно, и сам не понимаешь, какие у тебя проблемы, парень. Разреши помочь тебе.

В этот раз вышло ещё хуже. Мужчина достал пистолет, направив его на нас. Машинально я поднял руки, и мы с Рейном отошли в сторону. Не отводя оружие, Эрик открыл дверь и вошёл в дом, пригрозив пристрелить нас, если мы вернёмся. Пришлось пойти домой.

Весь вечер я недоумевал.

— Я не понимаю его реакции, Рейн. — Сказал я своему другу, пока тот усаживался на диван. — Если ему угрожает опасность, почему он не обратится за помощью.

— Ты видел их семейные рамки в доме? — Спросил Рейнбол.

— Да, видел.

— Очевидно, он делал их вручную. Думаю, он сильно любит свою девушку и пытается защитить её. Конечно же, я считаю так не только из-за ручных рамок. На него наставили оружие, но он все равно не пустил тех двоих в дом. Для него неважно, что его могут пристрелить, а важна она. Так что, скорее всего, он хочет защитить её любой ценой.

— И поэтому не просит помощи?

— Конечно. Скорее всего, эти ребята пригрозили убить его жену, если он обратится за помощью. Ты, кстати, не увидел небольшие порезы на его руке?

— Припоминаю. Возможно, только краем глаза. Я точно видел бинт. Кстати, об этом. Я постоянно забывал спросить тебя. Позволь применить небольшой анализ.

— Ну, попробуй. — Ответил Рейн, применив на мне свой смирительный взгляд.

— Ещё давно я увидел, что те царапины, которые ты получил при побеге от убийцы, ровные. И находятся в ряд. Есть те, которые выглядят как естественные. Но те, которые более глубокие... Мне кажется, ты сам их себе нанёс.

— Что ж. Учишься быть более наблюдательным, похвально. Я это делал, потому что боль вызвала некий фрагмент воспоминания. И тогда я продолжил, чтобы вспомнить больше, но у меня не вышло.

— Что это был за фрагмент?

— Тяжело описать, и не думаю, что это имеет смысл.

— Ясно. Так значит, у тебя сейчас нет никакой теории?

— Гипотезы, не более. Как я уже сказал, слишком мало фактов. Но они уже наводят на мысли. Я думаю, он не резал себе руку. Скорее, он набил тату, точно такое же, как у тех парней, что к ним приходили.

— Планета в квадрате?

— Именно. Он не выглядел напуганным, когда мы шли за ним. И пистолет он держал достаточно ровно. Не похоже на человека, который от страха стал бы себя резать. Да и ситуация не складывается в таком случае.

— То есть, он один из них, и не хочет, чтобы жена узнала, чем они занимаются.

— Не совсем. Ему угрожали. Я думаю, тут скорее, он был с ними в группе или только недавно стал её членом. Но когда узнал про убийства, решил прекратить сотрудничество. Или по еще какой-либо другой причине.

— И что нам теперь делать?

— Проследим за ним. Вариантов немного. Он либо приведёт нас к остальным участникам группы. Либо его заставят кого-то убить перед уходом. В любом случае, это пока единственный вариант.

Оставшийся вечер я провел на диване с Эбби, просматривая её любимый сериал. Мне не совсем нравилось то, что нравилось ей, но приходилось идти на уступки. Это навело на мысль о том, что, к сожалению, у нас с ней нет ничего общего. А я слышал о том, что это очень важно. Сегодня мы снова уснули с ней рядом на диване, однако полночи я искал у нас с ней общие интересы и смотрел на своего друга, который пил коньяк и курил одну сигарету за другой глядя в окно, за которым шёл снег.

На следующий день, мы встали рано утром и отправились к дому мисс Клары. Выбрали себе удобную позицию, чтобы хорошо видеть входную дверь дома. Рейн успел задремать, пока я наблюдал, не отводя глаз. Эрик стоял на кухне и явно ссорился с Klarой. Они кричали друг на друга, пока в один момент он развернулся и пошёл к двери. Я разбудил

Рейна.

Эрик вышел на улицу, и мы отправились за ним. Ожидалось, что он поедет на встречу, на метро, но он почему-то прошёл мимо входа на станцию. Затем он вилял улицами и дворами. Некоторые люди засматривались на нас, и я напомнил Рейну, чтобы он надел очки. Приходилось держаться вдали, чтобы Эрик ничего не заподозрил и, в конце концов, мы стали на углу одного дома и стали крутиться вокруг своей оси. Оба были в недоумении, ибо Эрик пропал. Его не было нигде. Как будто растворился в воздухе. Спустя пятнадцать минут, нам так и не удалось разобраться. Я рассказал о том, что они ссорились перед выходом, и мы решили отправиться к Кларе и поговорить с ней.

— Мисс Клара! — Крикнул мой друг, когда мы заходили в дом. Хозяйка не отозвалась, и спустя минуту мы услышали хрипы на кухне и вошли туда. Девушка плакала, сидя за столом.

— Присаживайтесь, ребята, я сделаю вам чай. — Через слезы сказала Клара, и мы сели. Она залила кипятком в стакан и села напротив, явно успокоившись. — Простите, ради бога. Мне всегда тяжело удавалось сдерживать эмоции.

— Что случилось? — Поинтересовался я.

— Сегодня утром я узнала, что Эрик снял все деньги со своего счета в банке. Они предназначались нам на свадьбу, но он не звонил ни в какое бюро. А когда я спросила, зачем он это сделал, то он грубо ответил и велел не лезть в его дела. Мы поссорились из-за этого, и он ушёл на работу.

— Не уверен, что на работу. — Начал Рейн. — Мы решили проследить за ним, и его дорога вела точно не на работу.

— Вы узнали, куда он пошел? — С некоторым испугом в глазах спросила девушка.

— Нет. Мы его упустили. Он брал с собой какие-то вещи утром?

— Не знаю. Кажется, только телефон и сигареты. Кошелёк у него всегда с собой.

— Вы знаете пароль от его электронной почты?

— Не уверена, что помню его, а почему вы спрашиваете?

— С помощью него можно узнать местоположение смартфона.

— Сейчас попробую. — Девушка залезла в свой телефон на несколько минут. — Простите. Все-таки не помню. Но он же наверняка пошёл заплатить тем парням, которые приходили в наш дом.

— Возможно. Мисс Клара, вы не могли бы нам показать вашу спальную комнату?

Девушка согласилась, и мы прошли в спальню. Рейнбол рассматривал все стены и шкафы, пока мы с хозяйкой стояли в стороне. Лично мне все казалось довольно обычным.

— Много молитесь? — Спросил мой друг.

— Да что вы. Бывает, но редко. — Ответила девушка.

Мы закончили и, пока шли обратно на кухню, Рейн дал мне телефон. Глянув на экран, я увидел текст, который гласил, что мне нужно попросить хозяйку показать, где уборная. Так я и сделал, хоть и понятия не имел, зачем. Но все же была догадка, что мой друг что-то нашёл, и ему нужно взглянуть на это без посторонних. После моего возвращения мы попросили хозяйку сообщить нам, когда вернется Эрик. Затем вышли и направились в ближайшее кафе, чтобы перекусить.

— Зачем было отправлять меня в туалет? — Спросил я у Рейна.

— Затем, что я хотел заглянуть в телефон нашей девицы. Она оставила его на столе.

— Что-то не так?

— Она мне не нравится. У меня есть предчувствие. И как по мне, она скрывает от нас некоторую часть информации.

— Что ты нашёл в телефоне?

— Отсутствие звонков за сегодняшний день вообще. Она не звонила в бюро. А в комнате я увидел много церковных свечей за шкафом, но она ответила, что они не часто молятся.

— Это все можно объяснить и другим путём. Может, свечи купили давно на всякий случай. А звонки в бюро. Ну, не знаю. Может, она все удалила, или проблемы с телефоном.

— Очевидно, что информацию можно интерпретировать по-разному, но в таких делах, Картер, лучше предполагать отсутствие случайности. Иначе можно закрыть глаза на что-то важное. Хотя, как по мне, лучше всегда избегать случайностей.

— И что ты предлагаешь теперь?

— Дождёмся вечера, чтобы вернуться. Нам нужна постоянная слежка за этим парнем. Я чувствую, что занавес поднимется уже очень скоро.

Пока Рейнбол остался «ошиваться» около дома Эрика, я отправился домой, чтобы принять душ. Эбби не было дома. Глянул на свой Е-мэйл и увидел, что на данный момент нет заказов по работе. Потому я занялся своими делами. Привел себя в порядок, постирал одежду. Обычно этим занимается Эбби, но уже становится как-то неловко. Я успел поиграть немного на ноутбуке и полежать на диване. Затем собрался и отправился обратно к своему другу. К тому моменту Эрик уже успел вернуться домой. Рейн спрятался на том же месте, на котором мы были утром, и наблюдал за окнами.

Как только стемнело, весь свет в доме выключился. До этого мы наблюдали за тем, как Клара готовила на кухне, пока парень занимался чем-то в спальне. Но когда свет окончательно погас, спустя пятнадцать минут, мы увидели едва заметный источник света.

— Ты ведь не до конца договорил, — обратился я к другу. — Ты понял, что этими свечами явно пользуются, и не сказал мне.

— Допустим. Но это не имеет значения. Я предполагал, что молится его девушка, но это не она.

Спустя долгий час свет погас, и к дому подошёл парень в чёрной куртке. Затем к нему вышел Эрик, и они отправились в метро. Мы пошли за ними и проехали четыре станции. Людей уже было не много, потому мы не боялись и старались вообще не смотреть на парней, чтобы Эрик нас не узнал. Но передо мной встало несколько человек, и появилась возможность взглянуть на второго человека, рядом с Эриком. Я не видел лица, но мне показалось, что я увидел длинные женские волосы.

Вышли на улицу и пошли в то место, где сегодня утром разминулись и не догнали Эрика. Они зашли во двор и затем в здание, в котором не горел свет. Присмотревшись, я понял, что в этом доме уже никто давно не живет. Это заброшенный детский сад.

Справа от входа кто-то поджег мусорный бак. Мы боялись, как бы не приехали пожарники с копами.

Зашли в дом. Кругом было слишком темно, и мы не видели, куда именно направились парни. На всякой случай Рейн глянул на запасной выход, чтобы убедиться, что они не пошли дальше. Затем стали ходить на носочках по первому этажу. Дело было не в том, что мы ничего не видели, мы ничего не слышали. Ни разговоров, ни шагов. Тем временем запах дыма уже пробрался в здание. Но когда мы поднялись на второй этаж, его перебил легкий запах краски.

Мой друг рванул вперёд. Я достал пистолет и побежал за ним. Он заглядывал во все комнаты по дороге, и в конце коридора мы увидели свет из одной из комнат. Забежали туда, но было уже поздно. Парень лежал с перерезанным горлом на полу. Его плечо тоже было в крови. Так же две свечи на подоконнике возле свежесрисованного рисунка. Маленькой планеты в квадрате.

Под окном стоит пожарная лестница, по которой, скорее всего, и спустился преступник. Мой друг сидел рядом с телом Эрика и рассматривал его руку. Даже при свечах я видел, что ему отрезали часть кожи, на которой были шрамы от огня. Тем временем я рассматривал уже знакомый нам рисунок. В нем не было ничего необычного. Единственное, прошлый был нарисован кистью, а этот явно пальцем. Возможно, полиция бы смогла определить отпечаток. Я повернулся, чтобы сказать это Рейнболу, но момент оказался неподходящим. Он подошёл к окну и ударил кулаком по деревянной раме, бормоча разные ругательства себе под нос.

— Мы снова облажались, Картер. — Сказал он. — Обещали девушке, что поможем, но банально не успели.

— Ты сам всегда говорил, что людей убивают, и это неизбежно. Мы же не можем помочь всем. Зачем винить себя?

— Всем — нет. Но этому парню могли и не сделать это. Ещё и убийца успел скрыться. — Рейн закурил.

— Зачем ему могли отрезать часть кожи?

— По той же причине, по которой забрали части тела у других убитых.

— Посмотри на рисунок. Он спешил и, вероятно, потому нарисовал его пальцем.

Не успел мой друг обратить внимание на рисунок, как мы услышали сирены. Приехала полиция. Звуки явно издавались от центрального входа, и мы сбежали оттуда тем же путём, что и убийца. Через пожарную лестницу.

Когда вернулись домой, я лёг спать, ибо уже не было сил. А Рейн остался на кресле и, кажется, я слышал, как он выходил на улицу.

Утром мы завтракали с Эбби и смотрели телевизор, пока Рейн был в душе. Чертова Клара рассказала о нас полиции. Причём сама же выдвинула теорию о том, что возможно — это мы убийцы её парня. А когда ей рассказали о том, кто мы такие, она и вовсе подала заявление. О нас вспомнили снова, и это не могло не огорчать. Уже около месяца в новостях почти не упоминали о нас, и тут снова начнут.

— Вам лучше прекратить заниматься этим делом сейчас. — Начала Эбби. — Если вас сейчас поймают, то могут навешать множество разных убийств.

— Я понимаю, но Рейнбол ненавидит оставлять дело незаконченным и вряд ли сдастся. Тем более, после того, как мы провинились, и дали бедному парню умереть.

Мы молчали, и я попытался обнять Эбби, но она отстранилась в сторону. Эта девушка для меня загадка. Её настроение постоянно меняется, и я уже не знаю, как нужно реагировать.

В комнату вошёл Рейн с чашкой кофе и сел рядом с нами. В новостях стали рассказывать про труп Эрика и про рисунок на стене. Показали, что под ним было написано три имени. Ральф, Конан, Эрик. Рейнбол подошёл ближе и уставился на экран телевизора. Затем резко встал, от чего стакан с кофе упал на пол, и побежал в коридор. Эбби легко толкнула меня в плечо, имея в виду, что я должен пойти с ним.

— Куда мы бежим, Рейн?

— На первое место событий. — Ответил мой друг, пока мы спускались в метро. Только когда мы оказались уже внутри, до меня дошла мысль, что нас только что показали по телевизору, а мы даже не надели очки.

— Может, ты объяснишь?

— Три имени жертв. Что тут объяснять? Наверняка они позже написали и в первом месте имена первых троих. И если это так, то где-то ещё лежат два трупа.

— Почему ты так уверен, что каждое их действие имеет подтекст? Тебе напомнить, сколько всего натворили мы?

— Это другое, Картер. Мы были под вещами. А здесь есть идея. Смысл, который всегда первоначален. То, что мы видим — это сцены, которые говорят нам о том, что мы не принимаем.

Мы вышли из метро и направились в тот дом, в котором нашли первых трех жертв. Он не опечатан, потому его успели разукрасить разными граффити. И все же, нам удалось найти нужную нам запись. Тони, Грейсон, Вильям. Это и есть имена трёх убитых, найденных здесь. Рейн говорил вслух, но скорее с собой, чем со мной.

— Здесь указаны имена убитых на этом месте, и в заброшенном детсаду то же самое касается Эрика. Ещё два трупа должны быть где-то там.

— Но полиция ведь точно осмотрела все здание и ничего не нашла. — Ответил я. — Может, их убили не там?

— Они именно там и должны были это сделать. Ты всю программу по телевизору смотрел?

— Да.

— Они спускались в подвал? Котельная комната.

— Кажется, нет. Не было необходимости.

— Запах дыма, что мы с тобой слышали. Слишком насыщенный. Вероятно, горящий мусорный бак — это просто совпадение. Уверен, их сожгли в подвале. Нам нужно отправиться туда и проверить.

Люди в метро смотрели косо на нас, потому я решил сделать более мощную конспирацию. Мы надели молодёжные куртки и маски каких-то чудовищ. Я не видел никого в них на улице, но решил, раз их продают — значит, и носят, даже не в Хэллоуин.

Мы пришли к заброшенному детсаду. Я не знал, что делать, поскольку возле входа стоял дежурный полицейский. Но пока я думал, мой друг уже воспользовался пожарной лестницей и пролез вовнутрь. Я зашёл следом за ним, и мы нашли дверь, ведущую в подвал. Странно, что никому и в голову не пришло спуститься и проверить, есть ли там улики.

Спустившись по старым ступенькам, мы оказались в максимально темном помещении. Рейн оказался прав. В нем безумно пахло гарью. Я включил фонарик на телефоне и на полу, в конце помещения, мы увидели два тела и много разбросанных церковных свечей.

Тела не были сильно сгоревшими. Судя по состоянию лиц, подпалена была только одежда. Я дал телефон Рейнболу и отошёл в сторону, чтобы посмотреть на лестницу и убедиться, что мы остались незамеченными.

Затем мой друг подошёл к стене, и мы разглядели много разных надписей и рисунков. Среди них не было уже знакомого, зато было нечто новое. Семь кубков, над каждым из которых находился индивидуальный рисунок. Вода, земля, воздух, огонь, цветок, молния и какое-то животное. Кажется, это был олень.

Я услышал шаги охранника. Он делал обход по всему зданию. Переждав десять минут,

мы ушли тем же путём. Затем вернулись домой, и Эбби вместе со мной наблюдала за тем, как Рейн повесил на стене семь листков бумаги, нарисовав на каждом по одному символу из тех, что мы видели в подвале. Эбби удалилась на кухню, чтобы сделать нам чай.

— Огонь стёр улики? — Спросил я у него.

— Нет, не думаю.

— На этот раз без отрезанных конечностей?

— Нет. У парня отрезано ухо, а у девушки отрезаны волосы.

— Я думал, их спалил огонь.

— Я нашёл этих двоих в интернете. Фотографии тоже были. Девушка носила длинные волосы, и будь они сгоревшими, остался бы пепел. — Рейн поставил кресло напротив рисунков и закурил.

— Я понимаю, ты сейчас в глубоких раздумьях, но, может, все-таки отвлечешься и расскажешь мне подробности?

— Что тебя интересует?

— Кто они такие. Почему, по-твоему, убиты, и что вообще происходит. Шесть трупов, а мы понятия не имеем, кто за этим стоит, и как его поймать. И я бы не нервничал сейчас, если бы не тот факт, что, благодаря Мисс Кларе, полиция думает, что это сделали мы. И если не разберемся, то так оно и останется. А у нас и без того хватает обвинений. Рейнбол тяжело вздохнул.

— Последние двое — это муж и жена. Ральф и Конан Берти. Она занималась защитой растений. А он в свою очередь занимался защитой животных. Если верить интернету, к уголовной ответственности никогда не привлекались. Вели спокойную жизнь, снимали квартиру на Коркоран-стрит. Убиты наверняка потому, что связаны с этой организацией. Вот только тату на их теле я не нашёл.

— А на Эрике оно было?

— Да.

— Почему мне не сказал?

— Ты не спрашивал.

— Что ж, ясно. Одни вопросы. Ты называешь это организацией. Почему?

— Это какой-то культ. Один человек едва ли бы проворачивал подобное. Тем более, татуировки на жертвах говорят о том, что они входили в эту организацию. И к Эрику приходили двое. Думаю, их много, и до конца осталось совсем немного времени.

— На первых трёх жертвах были тату?

— У двоих. У третьего не знаю, ибо ему отрезали руки.

— А почему ты считаешь, что этому скоро конец? — Рейн подошёл ближе к рисункам.

— Каждый из них что-то олицетворяет. Я же говорил, что это картина. Очевидно, каждый убитый был связан с каждым из них. Первые три знака — это вода, земля и воздух. Первые три трупа. Это Тони. Возил воду в Африку. Грейсон. Имел аграрный бизнес, а Вильям — астматик. Соответственно, одному отрезали нос, другому кисти рук и третьему язык. Далее, ещё три знака. Огонь, цветок и лось. Клара говорила, что Эрик выжил после пожара. Они забрали его шрам. Отрезанное ухо и волосы ничего не олицетворяли, зато сами ребята связаны с цветами и животным.

— То есть, последняя жертва — это...

— Знак молнии. Человек должен быть связан с электричеством.

— Электрик?

— Что за глупость. Это слишком просто.

— Работник или владелец электронной станции?

— Вот это уже ближе. Дай мне ноутбук, я буду искать связь.

На самом деле, даже при том, что Рейн мне все объяснил, я понимал, что от меня много толку не будет. Я дал ему свой ноутбук, и просидел весь вечер с Эбби, просматривая ее любимый сериал. Пытался с ней заговорить, но от той ласковости, которая была присуща ей последнее время, не осталось и следа. Она снова стала отдаляться от меня. Я то и дело смотрел на неё и внезапно понял, что она выглядит так, будто заболела гриппом. Может, я себя успокаивал тем, что она заболела и потому не подпускает к себе. Но шанс выяснить это так и не выпал. Я уснул на диване, пока она успела уйти в свою комнату.

Рейнболл разбудил меня среди ночи. Спустил пару часов после того, как я уснул. По его словам, он нашёл того, кто должен стать следующей жертвой и даже успел достать его адрес. Мы вышли на улицу и направились напрямик туда. Денег на такси не было, потому мы просто шли быстрым шагом. Нужный дом находился в шести кварталах от квартиры Эбби. Нам повезло, что не дальше.

— О чем думаешь? — Рейн шёл рядом, уставившись вперед, будто бы смотрел сквозь предметы. А я едва успевал за ним, ибо чувствовал усталость из-за прерванного сна.

— О картине и самой идее её создания.

— Почему ты так уверен, что нашёл нужного человека?

— Это парень, который выжил после трёх ударов молнии. На своем фейсбуке он писал о том, что все скоро изменится. Что буквально через мгновение придут перемены и все жертвы будут не напрасными. Как по мне, это идеально подходит. Я таких людей называю гаечными ключами. Это значит — люди, которые хотят изменить весь мир. Сделать его лучше. То, что мы с тобой видели в подвале, не что иное, как ритуал настоящего жертвоприношения. И времени у нас совсем в обрез. Учитывая написанное этим парнем, он готов принести себя в жертву. Значит, это может произойти в любой момент, если уже не произошло.

Мы подошли к нужному нам дому. Двухэтажное здание, на безлюдной улице. Ночью я чувствовал себя увереннее благодаря тому, что нас никто не сможет узнать. Хотя улица была пуста, и некому и пытаться, однако от этой тишины создавалась неприятная для меня атмосфера. Дверь была заперта и мы стали разглядывать все окна. Дом большой. Не знаю, чем занимается этот человек, но он явно богат. Мраморные ступени к двери. На кухне не закрыты жалюзи, потому я увидел, что там сделан хороший ремонт. Это навело на определенные мысли. Ожидаемо, когда мир хотят изменить те, кто беден. Но ведь этот парень может многое себе позволить, зачем ему это? Может с девчонкой поссорился и винил судьбу. Или что-то с родителями случилось. Я знал, что мой друг тоже об этом думает. Ведь это так просто, что даже мне удалось понять. То, что он богат и хочет изменить мир путём жертвоприношения, не совсем логично, и потому можно предполагать, что он и есть основатель этой организации.

Рейнболл увидел в одном окне свечи на подоконнике и несколько разбросанных вокруг фотографий. На одной из них изображение разных символов, которые мы видели в подвале детсада. Он резко взял у меня пистолет и начал выбивать ногой двери. С пятого раза у него все-таки вышло, и мы попали в дом.

— Тут сигнализация на двери, Картер. У нас есть не более пяти минут. Ищи любую подсказку того, где они могут находиться.

Полное безумие тратить на это время, ведь если нас поймают, то теперь навешают ещё и лишних обвинений, и тогда точно прощай мир и здравствуй виселица. Я бы поспорил, но есть мнение, что моего друга невозможно переубедить.

Мы разделились и направились в разные стороны дома. Рейнбол пошел в спальню, пока я обыскивал кухню и гостиную. Внешне дом казался обычными, однако внутри, не считая кухни, это настоящее пристанище для самоубийц. Стены разрисованы разными непонятными надписями. Я узнавал и римский, и китайский языки. Но были и другие, которые вообще ни на что не похожи. Мебель вся одного стиля, и стиль этот вдохновляет лишь на отсутствие вдохновения. Может, дом и богат, но признаться, в моем гараже было и то уютнее.

К сожалению, все, что я видел, не несло никакой информации, а пять минут уже успели пройти. Я не слышал сирен полиции, но мой друг вернулся и, схватив меня за рукав куртки, рванул к выходу. Полиция подъехала к дому без сирены и, заметив нас, они стали быстро приближаться. Мы устремились во дворы зданий, что находились рядом, где проход был слишком узким для проезда машины. Потому они пошли пешком и догнать нас не смогли. Мы же успели уже улучшить навык побегов. Прошли через несколько домов, машин и толпу людей, в которой в результате и затерялись, после чего, надев очки, зашли в бар. Полицейские никогда не предполагают, что преступники могут резко сесть перекусить или выпить пива, и это правда, ведь логичнее продолжать убегать. Но иногда правильное решение — это спрятаться.

— Что ты думаешь об этом? — Спросил мой друг, протягивая фотографию, на которой более десяти человек сидели на коленях перед горячей бочкой с огнём. Также рядом с ней стоял парень, раскинувший в сторону свои руки.

— Очевидно, это и есть наша группа безумных убийц и придурков.

— Не поддавайся эмоциям, Картер. Они сейчас излишни.

— Странно, что ты им не предаешься. Мы, как минимум, только что снова убегали от полиции. Есть целые группы людей, мечтающие упрятать нас за решетку или прибить гвоздями к стенке. И все они заняты поисками нас, а не поиском настоящих преступников, которые убивают людей и отрезают им конечности! — Я произнёс это довольно громко, и нам повезло, что в баре немного людей, и подозрительным взглядом нас наградила только официантка. Мой друг попросил её ещё дополнительно наградить нас двумя пинтами пива.

— Успокойся, — упрекнул меня Рейнбол, закуривая сигарету. — Иначе полиция приедет сюда, и деваться будет некуда. И ты не увидел никакой нужной информации. У нас мало времени, помнишь? Нужно понять, где их место сбора и предотвратить хотя бы последнюю смерть.

— Это фото может быть сделано в подвале детсада. — Официантка принесла пива, и я сразу выпил половину.

— Нет, это место гораздо больше и не похоже на здание, которое было предназначено для жилья. Скорее, что-то под землёй.

— Но разве можно узнать, где это, только по этой фотографии? Рисунки на стенах и сами стены из старых кирпичей.

— Старых? С чего ты взял? — Заинтересовался Рейнбол.

— Ну, смотри. Обычные кирпичи или ровные, или с дырками. А эти стены из тех, которые ещё называли камнями. Такие не ровные. Их ещё клали на дорогах во времена, когда не было машин, и единственными способами передвижения были колесницы или

верхом на коне.

— Гениально. Признаться, я даже поражён, ведь сам этого не заметил. Но в то время, о котором ты говоришь, были ещё как минимум поезда. И так, это даёт подсказку. Какую?

— Ты меня проверяешь, что ли?

— Не совсем. Когда я думаю, то задаю вопросы сам себе. Задавать их кому-то иногда эффективнее.

— Ладно. — Согласился я играть в вопросы и ответы, попивая пиво и параллельно наблюдая за официанткой. Боялся, чтобы она не позвонила в полицию. — Подсказка в том, что место построено довольно давно.

— Семнадцатый или восемнадцатый век, если быть более точным. — Подчеркнул мой друг.

— Да. Как доказать, что оно под землёй?

— А дома из таких кирпичей строили?

— Нет. Ты прав, все логично. И так, подвал некоего здания, построенный довольно давно и точно непосещаемый. Ведь если бы он хоть как-то охранялся, то уже бы обратились в полицию по причине вандализма. Ты прав, я втянулся. Это увлекательно.

— Этой информации недостаточно. Таких помещений полным-полно по Вашингтону. Что ещё? И с чего ты взял, что это подвал?

— А что ж ещё?

— Катакомбы. Их не меньше.

— Все равно много. Дай ближе посмотрю на фото. — Я взял фотографию, и мой друг вручил мне небольшую складную лупу. Не знал, что он всегда носит её с собой. Присмотревшись, я разглядел пол, на котором была разлита много воды. Так же стены тоже были влажными. — Стены влажные. Значит, это глубоко под землёй.

— Не меньше семидесяти метров.

— Заброшенная станция метро?

— И они бы туда заходили такой толпой? Даже будь такая станция, это не подходит.

— Но на катакомбу похоже. — Я залез в интернет. — Есть восемь заброшенных катакомб и только пять из них достаточно глубокие. Все расположены далеко друг от друга, и от нас тоже. Даже будь машина, чтобы проверить все, пришлось бы потратить не меньше двух часов.

— Не глупи. Есть ещё ода подсказка, о которой ты забыл. Вода на полу. Много воды. Колени на штанах костюма в доме повелителя молний тоже были мокрые.

— Почему сразу не сказал?

— Решил, что так тебе будет сложнее и интереснее.

— Я все понял. Вода означает, что это катакомба, которая единственная находится возле воды.

— Та, что под центральным мостом. Отправляемся туда немедленно.

Мы выбежали из бара и сели в такси. Было бы очень печально, если бы мы не нашли там никого, но наши ожидания оправдали себя моментально. Сам вход в катакомбы — это большая металлическая дверь, которая была не заперта. А на ступеньках мы увидели множество различных следов.

Катакомбу сделали слишком близко к воде. Со временем в стенах начали появляться трещины, и некоторые комнаты начало затапливать. Хотя, с другой стороны, они были мокрыми и на самом верху, где находятся ступени, на которых тоже собиралась вода,

которая стекала со стен. По прогнозу моего друга, не более двадцати лет, и это полностью затопит водой.

— А ведь мы вообще никак не связаны с этим делом. — Вспомнил я.

— Да, скорее всего. И по времени не сходится.

— Если бы не те двое, даже бы не ввязались в это.

— Тут ты ошибаешься. Ты бы узнал об этом из новостей, и я бы не смог пройти мимо.

Мы спустились вниз, прошли через несколько коридоров и оказались в том месте, в котором было сделано фото. На стенах нет рисунков, ведь они влажные, и краса попросту сползла бы. Зато в центре стоял парень. Не знаю, сколько именно на полу плавало свечей, но их было точно больше трех десятков, и пускай помещение огромное, они его отлично освещали. А человек стоял в штанах и без футболки, устремив свой взгляд на семь ваз. Или колб. Точно сказать трудно. Себе под нос что-то бормотал, потому даже не заметил, как мы подошли вплотную. И когда я подошел ближе, то обошел незнакомца с боку и увидел шрамы на его спине. Они сами по себе были похожи на молнию или ветки деревьев. Начиная от лопатки и заканчивая на пояснице. Рейнбол прервал его.

— Это ритуал, верно? — Парень не вздрогнул. Он бы знал о нас, если бы тут ловила связь, ведь ему бы позвонила полиция.

— Именно. — Ответил парень. — Ритуал, который поможет нам связаться с высшими силами и прекратить все земные пороки. — Человек специально говорил громко и с такой интонацией, как говорит Санта Клаус. — Голод больше никогда не потревожит детей и на улицах прекратится насилие. — Рейн подошёл ближе к колбам и заглянул в них. Парень попытался его остановить, но Рейн достал пистолет и навел на него. Я забыл его забрать после проникновения в чужой дом и побега от полиции.

— То есть, каждую из частей тела вы положили в колбу, за исключением той, что ещё должна быть твоей. И затем нужно сделать что?

— Ничего. После того, как это произойдёт, нужно все сжечь и произнести нужное заклинание.

— А ты при этом останешься живым?

— Нет, и потому я не боюсь твоего оружия. Все люди, приносившие часть своего тела в жертву, не должны оставаться в живых. Потому что самая важная жертва — это их жизнь.

— Что ж, довольно увлекательно. Удачного жертвоприношения. Надеюсь, ты заполнил донорскую карту.

Мой друг развернулся и направился к выходу, чем в результате вызвал недоумение и у меня, и даже у того психа. Я догнал его.

— Ты с ума сошёл? Он же убьёт себя!

— И что?

— И что?!

— Самоубийцы — не наша специфика, Картер. Пускай делает, что хочет. Это проигранная битва. Мы могли спасти три или хотя бы одну жизнь, и нам это не удалось. Теперь это неважно. Дело закрыто, пошли отсюда. Все равно он либо убьёт себя сам, либо это сделает кто-то другой.

Но едва Рейнбол закончил, как в комнату вошла группа людей. Лица плохо видно, поскольку все в мантиях с капюшоном. Это бы забавляло, ведь я будто попал на карнавал, но как только люди увидели нас, один из них приказал схватить нас. Они быстро ринулись в нашу сторону. Рейн стал стрелять во все стороны, и я и глазом моргнуть не успел, как его

повалили на пол несколько человек. Он продолжал стрелять, но не в людей.

Один человек набросился и на меня тоже. Приложив немного усилий, я его сбросил с себя и понял, что это девушка по торчащим волосам. Параллельно тот, кто остался у двери, бормотал что-то про ритуал. Кажется, рассказывая о том, что помимо всего прочего, он связан с семью человеческими грехами. Но мне не удавалось никого расслышать, ибо после того, как я встал, девушка снова набросилась на меня, прижав к стене. Я увидел татуировку на ее запястье и также увидел в углу помещения трубку, с которой двумя струями текла вода. Рейн попал в неё выстрелом пистолета, и помещение медленно наполнялось водой.

Девушка захала мне между ног и снова завалила на пол. Я ели встал и прижал её к стене. Тогда повернул голову и увидел, как парень, которого ударила молния, уже успел убить себя. Три человека занимались Рейнболом, а остальные стояли на коленях перед колбами и, судя по всему, главный склонился над трупом, чтобы отрезать часть его плоти.

В этот неудачный момент мне позвонила Эбби. Девушка вцепилась зубами мне в руку. Я не удержался и, схватив её за голову, ударил об трубу. Тогда она упала на пол, и я увидел, как у неё пошла кровь. Снял капюшон и узнал в ней девушку Эрика. Мисс Клара. Глаза остались открытыми, но она явно была в отключке.

Рейнбол скинул с себя всех троих и, схватив пистолет, сделал ещё несколько выстрелов в пол, случайно попав одному парню в ногу. Это заставило их отойти в сторону. Затем мы с ним выбежали наружу, и он закрыл дверь, сунув в неё палку. В руках у него я заметил чей-то телефон, с которого он вызвал полицию и после чего выбросил в реку.

— Это наше самое отстойное дело, Картер. Семь трупов, кучка идиотов, которая отправится за решетку, и все напрасно.

— Почему же напрасно?

— Потому что суд, вероятно, признает их невменяемыми и отправит в психушку. — Я заглянул в свой телефон и увидел смс от Эбби.

— У меня есть для тебя новости. Эбби пишет, что закончила подсчет всего, что мы натворили.

— И что там?

— Мы с тобой замешаны в трёхстах четырнадцати преступлениях.

— Что же, будет, чем заняться. А теперь пошли отсюда, пока не приехали копы. После такого мне нужно выпить.

«Палка с двух концов»

Мы решили поменять тактику с моим другом. Тот блокнот, из которого мы брали дела, был началом моих записей. Намного резоннее найти тот, что был последним, и разбираться в делах более свежих.

Самое свежее дело оказалось связанным с двумя братьями. Гленн и Джордж Барти. Это все, что было записано в блокноте. Перед тем, как явиться к одному из них, мы достали немного информации. Один из них был убит в особняке. Джордж, старший брат. Полиция не смогла с этим разобраться. Другой же, Гленн, и есть владельцем этого особняка. Занимается бизнесом, связанным с продажей и арендой машин. Спонсирует несколько благотворительных фондов. Мы не знали, как с ним связаны, но при встрече он нам все объяснил.

Он знал, что мы натворили и знал, что мы были под наркотиками. Сказал, что мы с ним встречались после того, как все произошло, и пытались помочь, но потом куда-то исчезли. Только сейчас до меня дошло, что никто из людей не понимал, что мы неадекватны.

Особняк п-образной формы. Два блока напротив друг друга и один посередине, который их соединял. Несколько этажей. Построен он ещё пару столетий назад, но находится в отличном состоянии. Его вид снаружи и внутри не пугал, а привлекал. Я пытался разглядеть все детали. Колонны, узоры на стенах, викторианская мебель. Мне была приятна атмосфера.

— Пройдемте на кухню, господа. — Ласково пригласил нас Гленн. — Мисс Кирсти принесёт нам кофе.

Мы сели за длинный стол, и спустя несколько минут милая кухарка принесла нам кофе с молоком. Это была немолодая женщина, в белом фартуке, с милой и доброй улыбкой без помады на губах. Гленн выглядел спокойно. Это человек среднего телосложения, но явно следящий за собой. Официально одет, носит очки, и так же у него небольшой шрам под глазом. Короткие темные волосы и низкий рост.

— Расскажите, что произошло в тот день. — Попросил Рейнбол. Гленн тяжело вздохнул.

— Это произошло вечером. Около шести часов. Мой брат позвонил мне и сказал, что он в столовой на втором этаже. Попросил подойти и поговорить с ним. Я был на первом этаже и занимался бумагами. Затем внезапно произошёл выстрел. Не громкий, и его почти никто не услышал. Я поднялся наверх и увидел, как Мисс Кирсти уронила посуду, глядя на пол. На полу лежало тело, и из-под него полилась кровь. Тогда я подошёл ближе и увидел своего брата с дыркой в голове. Мы вызвали полицию. Внутри дома нет камер, только снаружи, и они смотрят во все стороны. Никто посторонний не приходил. Тогда полиция провела допрос и ничего не выявила. Следствия тоже не дало результата, и дело ещё открыто.

— То есть, это мог сделать только кто-то, кто был в доме? — Спросил я.

— Если только этого человека не высадили на вертолёте на крышу. Оружие тоже найти не удалось.

— Что сказали полицейские?

— Сказали, что не похоже, чтобы это сделал кто-то из тех, кто были в доме. Предположили, что убийца проник в дом ещё давно и выжидал удобного момента. Мы дали им записи с видеокamer за последний месяц, но не думаю, что это к чему-то приведёт. Ведь уже бы давно был результат. Зачем так стараться, если проще пристрелить его дома. Разве

что, для того, чтобы подставить меня или моих людей. Отвлечь внимание.

— Сколько людей было в доме? — Спросил Рейн.

— Пятнадцать, если учитывать меня с ним.

— У него бывали конфликты с вашим персоналом?

— Бывали. Джордж, признаться, бывал просто невыносим. Доставал вопросами и любил доказывать всем, что они ничтожества, хотя скорее таковым являлся он сам. Часто одалживал денег у меня, у охраны, у менеджера.

— У него есть девушка?

— Они не были вместе с Мэри. Но между ними точно что-то было. Это моя секретарша. Вероятно, она сможет рассказать про брата то, чего я сам не знаю. — В столовую зашла молодая, красивая девушка, которая подошла к Гленну. — Дорогая, у меня важный разговор. Подожди меня наверху. — На каблуках, особа с ярко рыжими волосами, медленно удалилась.

— Давно вы вместе?

— Мы познакомились с Мишон за пару недель до того, как произошло несчастье.

— Никто не уволился после этого?

— Нет, но думаю, хотели. Они боятся вызвать на себя этим подозрения. В доме теперь далеко не та атмосфера, что была раньше. Все смотрят друг на друга с недоверием, а ходят по коридору со страхом. Умоляю, разберитесь в этом. Мне нужно, чтобы вы хотя бы доказали, что мои люди тут не причём.

Договорив с Гленном, мы вышли на улицу. Глаза моего друга горели. Это дело интереснее многих остальных, и он ловит кайф. Я это видел, и мне это на руку. Мы много времени проводим вместе, и когда он угрюм, это отражается и на мне.

Перед уходом, Рейнбол ещё поговорил с хозяином дома, и мы ушли.

— Что ты ему сказал? — Обратился я к Рейну.

— Мы не можем до конца ему доверять. Он или кто еще, может вызвать полицию, но у меня есть одна идея. Расскажу позже, а сейчас пошли за лекарствами.

Лекарства нужны для Эбби. Она заболела, и последние несколько дней не вставала с кровати. И казалось, ей становилось все хуже, потому она обратилась к своему врачу, который пришёл и прописал лекарства. Мы не могли находиться рядом в этот момент, но, по её словам, врач сказал, что у неё осложнение гриппа, и ей лучше лечь в больницу. Она отказалась и запретила нам проводить много времени с ней, чтобы не заразиться. Что меня немного расстроило, ведь это был шанс показать ей, каким заботливым я могу быть.

Мы пришли домой. Эбби лежала в своей комнате, и пока Рейн был на кухне, я зашёл к ней. Выглядела она паршиво. Грязные локоны волос, бледное лицо, руки.

— Ты не вставала с кровати?

— Нет. — Строго ответила Эбби уставшим голосом. — Вы занимаетесь тем делом, о котором ты говорил утром?

— Да, мы уже начали. Расскажу тебе все подробности, когда поправишься. А сейчас принесу тебе лекарства, и ты будешь дальше отдыхать.

— Нет. Оставь их на столе, и спрячьте свои вещи.

— О чем ты?

— Ко мне придёт сестра скоро. Решила позаботиться какое-то время. Мне жаль, если она решит остаться на ночь, но в моем столе ты можешь найти немного денег. Этого хватит, чтобы вы смогли оплатить ночь в недорогом отеле.

— Хорошо, сейчас уберемся.

Я сидел рядом с ней на кровати, разглядывая её больную, но все так же очаровательную красоту. Но когда попытался встать, она остановила меня, схватив за руку.

— Вам нужно поторопиться. Будьте аккуратными и берегите себя. Уверена, вы справитесь со всеми проблемами.

— Ты говоришь так, будто прощаешься со мной Эбби. Тебе, может, и плохо, но это не смертельно. Поправишься и сможешь дальше преодолевать проблемы вместе с нами.

— Береги себя, Картер.

Она повернулась лицом в сторону стены, и я отправился на кухню, чтобы сказать Рейну, что нам нужно собираться. Соседи снизу уже объявились, и вариант скинуть все вещи снова на их балкон был невозможным. Потому мой друг занялся уборкой следов в квартире, чтобы не было понятно, что здесь вообще кто-то бывал. А я тем временем спрятал все наши вещи под кровать и диван. Вряд ли сестра Эбби туда полезет, но на всякий случай поставил рядом стол, чтобы нельзя было заглянуть под кровать, не убрав его.

Мы не успели спрятать оставшиеся вещи из комнаты и коридора, как в двери послышался стук. Эбби нашла силы встать с кровати и приказала нам спрятаться в туалете. Мы слышали, как зашла её сестра, и они болтали, но не слышно, о чем. После звуков удаляющихся на кухню шагов мой друг тихо открыл дверь, и на цыпочках мы вышли из квартиры. А затем направились обратно к дому Гленна. По крайней мере, я так думал. Но перед этим мы зашли в кафе поесть.

— Мы ведь могли поесть у него дома. — Заметил я.

— Верно. Но я слишком обожаю местные блинчики. — Мы заказали две порции и компот.

— Я не брал деньги, которые предлагала Эбби. Они ей нужнее, как мне кажется. У нас хватит, чтобы снять на ночь номер в отеле?

— Не думаю, но нам это и не нужно. — Официантка принесла блины, и Рейнбол буквально налетел на них. Я и не знал, что он их так любит.

— Почему не нужно?

— Мы сегодня останемся на ночь в доме Гленна. Постараюсь за ночь решить загадку.

— Но ведь это могли сделать не только его люди, а кто-то ещё.

— В таком случае нам нужно найти тому подтверждение. Иногда важнее доказать чью-то невиновность, чем вину. Ты сам его слышал насчёт обстановки в доме после случившегося.

— Вижу, ты подобрел и хочешь им помочь.

— Ошибаешься. Меня интересует только загадка и, как и у любой другой, у неё должна быть цель. Либо найти виновного, либо доказать, что среди них виновных нет.

— Ты говорил, что у тебя есть план. Расскажешь? — Спросил я, допивая компот.

— Большая часть людей, как сказал Гленн, ночует в этом особняке и лишь иногда возвращается домой. Несложно догадаться, что это та часть, у которой нет семьи. Все остальные уходят по вечерам, но сегодня останутся все. Я попросил Гленна, чтобы он помог это устроить и закрыл на ночь все двери наружу.

— Думаешь, они могут попытаться уйти?

— Может тот, кто причастен, а может тот, кто испугается. Телефоны они тоже все сдадут, чтобы у нас не было проблем с полицией.

— Как ты его уговорил на это?

— Речь же о его брате. Он заинтересован и потому готов на все ради того, чтобы разобраться. Единственная просьба Гленна, это чтобы мы были мягче с его будущей невестой. По его словам, она ранима и может начать сильно беспокоиться, если на неё давить. Но что мне сильно понравилось, так это то, что он не исключил её из списка подозреваемых. Это наводит на мысли.

— На какие? Что он ей не доверяет?

— Именно. В ином случае он бы сказал вообще к ней не подходить. Этот парень объективен, потому подозревает всех.

— И каков план?

— Нужно больше информации. Для начала мы придём туда и хорошенько изучим весь дом снаружи, чтобы убедиться, что в него было максимально тяжело или даже нереально пробраться извне. Затем изучим дом внутри, включая место выстрела и место, где был убит его брат Джордж. Полиция не смогла найти винтовку, но ведь она не могла испариться. У меня есть подозрение, что есть тайный ход под землёй к дому. Я уже видал здания с таким строением. Тем более, у них есть старая котельная. В общем, попробуем найти винтовку. Проработаем сценарий, по которому было совершено убийство. Затем, все присутствующие будут ужинать, и мы будем вместе с ними. Может, поболтаем с ними. Изучим. Эта задача и тебя касается. А после ужина Гленн предоставит мне список всех людей в доме с той информацией, которую о них знает сам, включая и его брата. И после мы можем начать допрос.

— Допрос?

— Да. Нужно пообщаться с ними, узнать их мнение насчёт того, что произошло.

— Ух, и заставим же мы их понервничать.

— Зато это самый эффективный способ быстрее добраться к разгадке.

Мы пришли к дому. Издалека на нас пялился охранник. Я заметил, что это не тот, который был здесь утром. Значит, их несколько. Надеюсь, первый не ушёл домой, ведь суть плана в том, чтобы изучить всех до единого.

Мы обошли весь дом вокруг. Рейнбол периодически стучал рукой по стенам, будто проверял их на прочность. Впервые я увидел в его руках лупу. Хотя, возможно и не впервые, но это редкость. Затем он хорошенько рассмотрел деревья вокруг. Я знал, что это значит. Есть вероятность того, что убийца через дерево попал на крышу. Но расположение камер и расстояние от деревьев до крыши полностью исключали такую вероятность. После недолгого изучения мы пошли в дом.

На входе уже стоял хозяин дома со всем своим персоналом. Пару охранников, менеджер, секретарь, экономка, повариха и остальные. Он почти договорил, когда мы подошли.

— После ужина вам всем придётся сдать свои телефоны. — Говорил он спокойным тоном. — Чтобы лишний раз не тревожить полицейских. Я понимаю ваше беспокойство и тоже хочу, чтобы мы уже с этим покончили, и никто не тыкал друг в друга пальцами. Потому будьте благоразумными и не мешайте детективам выполнять свою работу. А теперь разойдитеесь по своим делам. Сбор в столовой через два часа. Гленн подошёл к нам и дал мне связку ключей.

— Это запасные ключи от всех дверей в доме. Вам никто мешать не будет. Они знают, кто вы такие, но я им все доходчиво объяснил. После ужина дам список, а сейчас можете познакомиться с моим поместьем.

Владелец дома удалился с красоткой, которая успела переодеться в красное платье. Я услышал, как он попросил секретаршу принести ему кофе, и мне пришло в голову, что он слишком часто его пьёт.

Первым делом мы отправились в комнату отдыха. Вернее, в комнаты. Их целых четыре, и всё в целом выглядело одинаково. Несколько кроватей, шкафы, чайники и холодильники. Туалет общий, и находился напротив. Учитывая обои, шторы и интерьер, можно сказать, что люди здесь вкуса не имеют. Я бы не хотел жить в таком месте. Вроде бы все не так плохо, но атмосфера не из приятных. Да, это завораживает. Столько пространства, но что-то было не так. К сожалению, моему другу тоже не удалось найти ничего интересного. Хотя он залазил и на шкафы, и под кровати. Стучал по стенам. Он чуть позже объяснил, что ищет потаённое место, в котором можно спрятать винтовку.

Затем мы ходили по коридорам. Снаружи дом выглядел большим, но внутри казался ещё больше. Я бы мог и заблудиться, ходя по этим коридорам. И все же нам удалось пройти их все, после чего мы зашли в кабинет секретарши. Её зовут Мэри. Девушка средних лет. Блондинка с длинными волосами, в очках и строгих туфлях. Она не обращала на нас внимания, но в воздухе чувствовалось напряжение.

Место выстрела — это незаселенный кабинет в конце коридора. В нем находился только диван и небольшой столик. Постучав по всем стенам, Рейнбол подошёл к окну, и снова достав свою лупу, хорошенько рассмотрел подоконник и ковёр на полу. Затем мы отправились на то место, где был убит Джордж. Это возле последнего окна в столовой. Повариха ласково спросила, не желаем ли мы чего-нибудь особенного на ужин, на что Рейнбол не совсем ласково ответил, что голод способствует лучшей работе мозга. Затем неуместно или, скорее, просто не смешно, пошутил, что возможно она убийца и хочет притупить его сознание, чтобы он не смог разобраться в деле. Повариха не ответила, а лишь с испугом и непониманием посмотрела на него. После чего мой друг извинился и повёл меня на крышу.

— И так, здесь кажется тоже ничего. — Начал я. — Зато есть ещё одна камера, которая смотрит на вход в здание с крыши, что еще раз опровергает тот факт, что убийца мог зайти через крышу.

— Не спеши с выводами, Картер. Мы ещё не можем знать, что произошло. Нужно подумать.

— Ты нашёл что-то важное, пока мы ходили по всем этим комнатам?

— Нашёл немного мелкого стекла в ковре под окном, из которого стреляли.

— И что с того?

— Гленн говорил, что стреляли из открытого окна. Значит, либо убийца разбил что-нибудь, либо уборщица. Надо будет это выяснить.

— Это нам почти ничего не даёт. — Рейнбол подошёл к краю крыши, сел на него, свесив ноги, и закурил.

— Согласен. Но некоторые вещи и так ясны. Расстояние между окном и столовой не меньше тридцати метров. Я знаю, что убит парень калибром 7,62,39. Под него многие винтовки подходят, но из любой из них, чтобы попасть на таком расстоянии, нужна твёрдая рука и отличная меткость.

— Куда пришлось попадание?

— В голову. Прямо в лоб, если быть точнее.

— Значит, наш стрелок не новичок.

— Однозначно. Мы вероятно ищем того, кто прошёл военную службу.

— То есть, все девушки исключаются?

— Я бы не спешил с этим, но здравый смысл подсказывает, что женские хрупкие руки уборщицы или секретарши для этого не подходят.

— Почему-то я уверен, что мы во всем разберёмся, когда получим от Гленна информацию обо всех работниках в доме.

— Ты, как всегда, спешишь, Картер. Мы ещё не исключили возможность того, что сюда проник человек извне. А девушки все также важны, поскольку одна из них может знать, кто в этом замешан.

— Ты сам все усложняешь.

— Не правда. Я повидал много дел и просто знаю, что поспешные выводы опасны. За три месяца до того, как мы с тобой натворили миру лишних проблем, из центральной тюрьмы освободили шестьдесят человек по причине невиновности. И по сей день это происходит, а все благодаря поспешным выводам. Соберём как можно больше информации, а затем будем думать.

Когда закончили беглый осмотр, солнце успело спрятаться за горизонт, и мы пришли в кабинет к Гленну. Он уже почти закончил характеристику и сказал, что допишет её за ужином. Его кабинет меня впечатлил. Начну с того, что он был огромным. Один кабинет как двухкомнатная квартира Эбби. Весь засыпан разного рода безделушками. Дубовый стол, картины известных художников. И в тоже время картины, подписанные детьми. Думаю, они сделаны в благодарность за помощь приютам. На одной из картин я увидел мрачно изображенное здание, в котором мы находились, а на другой, будто бы Гленн обнимал самого себя. Рейнбол болтал с ним ни о чем, пока я разглядывало все, что находилось вокруг. Создалось ощущение, что когда человек становится богатым, ему больше ничего не остается, как заняться благотворительностью. Наверняка же дело не только в том, что появляется хорошая возможность.

Хозяин дома, упомянув о том, что время имеет большое значение, пригласил нас на ужин. Его девушка, Мишон, успела переодеться в третье платье за сегодня. На этот раз зеленое. Интересно было бы взглянуть, насколько велик ее гардероб.

Весь персонал уже собрался за большой стол в столовой. Но никто не начинал ужинать, пока Гленн не сел в центре и не пожелал всем приятного аппетита. Мы с Рейнболом сели напротив хозяина поместья. Благо, мой друг увидел блинчики и занялся ими вместо своей обыденности прожигать взглядом всех и каждого. Это расслабило, ведь в ином случае я бы чувствовал себя неловко.

Однако сам я не удержался. Предположительно, убийство совершил мужчина. Это сократило количество подозреваемых почти в два раза. Ведь за столом сидели семеро мужчин. Двое охранников, менеджер, бухгалтер, личный водитель, уборщик и совладелец по бизнесу. Последний казался мне подозрительнее остальных. Это был мужчина с длинной бородой, в черном пиджаке, который недовольным взглядом то и дело смотрел на меня и моего друга. И одновременно перешептывался с секретаршей Мэри.

В такие дома редко берут охранников, которые не проходили военную службу, как мне казалось. Но выглядели они совсем обычными. Сидели между двух барышень, шутили шутки, и все весело смеялись. Однако, если верить Рейну, то такими очень часто оказываются самые кровожадные. Чуть позже я узнал, что их зовут Рокки и Митчел.

После того, как все закончили трапезу, повариха вынесла несколько бутылок вина.

Мужская сторона взяла на себя ответственность разлить всем по бокалу, включая меня и моего друга. Тогда весь стол рассосался на небольшие группы людей в столовой. Все весело болтали, будто бы забыв о том, что происходит на самом деле. Это навело меня на мысль, что я не просто попал в чужой дом. Я ворвался в чужую семью, где все давно друг друга знают, и было бы максимально неловко оторвать одного человека от них, обвинив в убийстве. Вот о чем говорил Рейнбол и Гленн. Вот почему так важно доказать, что среди них нет виновного, если это так. Ведь они уже давно родные друг для друга.

Я увидел, как мой друг общался с Мэри, и я решил, что нужно быстрее выполнить поставленную задачу, чтобы оставить этих людей в покое. Первым делом я подошёл к охраннику Рокки. Это невысокий мужчина, с голубыми глазами и веселой улыбкой. Я поймал себя на мысли, что он либо искусно притворяется, либо не чувствует во мне угрозы. Тогда мне вспомнились слова хозяина дома о недоверии людей друг к другу, ведь возможно, этот человек ни в чем не виновен, а я подозреваю его в притворстве.

Наш разговор совсем не был похож на допрос. Мы поговорили про то, насколько велик этот дом и насколько прекрасны люди в нем. Однако в подробности Рокки не вдавался. Почти ни слова не сказал ни о ком из присутствующих, за что ему от меня мое почтение. Но, к сожалению, это лишь тормозит дело.

После этого я зашёл на кухню и заговорил с мисс Кирсти. Максимально доброжелательная женщина. Она заговорила об остальных, но обо всех отозвалась хорошо. Почти к каждому в доме она обращается «мой мальчик» или «моя девочка». Для себя, в голове, я сделал пометку, что просто невозможно, чтобы она совершила подобное. И вместе с ней я решил сразу все-таки убрать туда же всех девушек. Однако Рейн сказал, что одна из них может владеть информацией. Но мисс Кирсти точно ничего не знала.

Она рассказала мне о том, какие тут все дружные и готовые помочь друг другу. О том, как ей нравится то, чем занимается Гленн. О том, что каждое воскресенье приходят дети и благодарят его. Бегают по дому, играют. В голове появилась идея, и после того, как повариха начала говорить о том, что у Гленна аллергия на лактозу, потому ему нельзя кофе с молоком, и что её замучила больная спина, я максимально вежливо принес извинения и удалился.

Рейнбол уже заполучил список всех присутствующих и предложил осмотреть оставшиеся комнаты. Пока мы ходили по кабинетам, я взял список и принялся внимательно его изучать.

Спустя двадцать минут мы обошли оставшиеся комнаты, на которые я не обращал внимания, и спустились в котельную. Ещё одно большое помещение со множеством цистерн, труб и вентилях. Металлических труб настолько много, что было тяжело перемещаться. Благодаря тому, что я внимательно читал список на входе, не заметил трубу на уровне головы и ушибся об неё, набив себе небольшую шишку. Мой друг улыбнулся и попросил быть внимательнее.

Мы искали две вещи. Возможность проникнуть иным путём в это здание, нежели через дверь. Также искали, где можно было спрятать винтовку, но это даже моему другу казалось тщетным, ведь даже будь убийца одним из тех, кто здесь работает, он бы наверняка спрятал её в другом месте. С другой стороны, винтовка — вещь не маленькая, и даже вынести её убийца в мешке или чемодане, он бы вызвал подозрения. Потому первым делом Рейнбол спросил, нет ли среди местных работников музыкантов. Ведь винтовку можно вынести в чехле для гитары или контрабаса. Но никто не занимается музыкой, и этот вариант быстро

себя исчерпал.

— Я забыл тебе сразу сказать, — начал я. — Мисс Кирсти рассказала, что почти каждое воскресенье в дом приходят дети, и не только. Люди, которые благодарят за помощь. Дети и их родители. Может, убийца прошёл вместе с ними и спрятался в доме, дожидаясь нужного момента?

— Звучит вполне не плохо, но опять же, полиция хорошо изучила видео, и если бы кто-то попытался пронести винтовку даже в каком-то предмете, они должны были бы заметить.

— Должны? Твой аргумент основан на том, что они должны были увидеть? Не ты ли говорил мне, что даже большинство полицейских не достаточно внимательны.

— Хорошо, ты прав. Сейчас отправимся в кабинет к Гленну и попробуем посмотреть и убедиться сами.

Все люди всё еще веселились в большом зале. Гленн стоял в стороне, общаясь со своей девушкой. Мы оторвали его от неё и прошли к нему в кабинет. Он и не спрашивал, зачем нам просматривать видео отчёт с камер наблюдения. Но из кабинета не выходил. Остался стоять возле двери, пока мы с Рейном смотрели видео.

Много детей, много взрослых. Я предполагал, что винтовку могли разобрать и таким образом пронести её в небольшой коробке или типа того. Но, к сожалению, максимум, что было — это пакеты с конфетами и рисунками в руках у детей. Ничего подозрительного. Да и более того, было всего пару мужчин, которые вели детей за руку. Все остальное — это девушки.

Тогда мой друг повернулся в кресле. Закурил сигарету прямо в кабинете, но на удивление, Гленн ничего не имел против. Только достал из верхнего ящика стола пепельницу. Рейнбол рассматривал стены, предметы и детские рисунки. Его взгляд остановился на рисунке, на который я обратил внимание ещё в первый раз. Два одинаковых лица хозяина поместья.

— Почему вас здесь изобразили в виде двух человек? — Спросил мой друг у Гленна.

— Это и есть мой брат. — Ответил тот. — Мы позировали, улыбаясь в саду.

— То есть, ваш брат — близнец? Почему вы сразу не сказали?

— А разве это имеет значение?

— Конечно, имеет, болван.

— Рейн! — Крикнул я, и мой друг обернулся. — Имей уважение. Мы все-таки в гостях.

— Если ваш брат — это ваш близнец, — продолжил мой друг — То это может означать, что на самом деле хотели убить вас, а не его.

Мы решили вернуться на крышу, чтобы немного подумать. Гленн взял под руку свою девушку и отправился дальше отдыхать. Сидя на крыше, мы слышали, как играет музыка и веселится народ.

— Теперь дело осложнилось, верно? — Спросил я.

— Не совсем. Скорее даже, наоборот. Что более вероятно. Что хотели убить бедного или богатого брата?

— Наверное, богатого. Но ведь он занимается благотворительностью и все такое.

— У любого человека могут оказаться враги. И, насколько я знаю, благотворительностью он занимается только последние несколько лет. А как насобирав себе такое состояние, мы не знаем.

— Значит теперь важно понять, кого именно хотели убить?

— Нет, Гленн был прав. Это пока не имеет большого значения. Первым делом

определим подозреваемых. Будем искать мотив к обоим из близнецов.

— То есть, ты уже уверен, что убийца — один из жителей?

— Почти на сто процентов. Конечно, человек мог бы сначала принести ещё давно винтовку, спрятать её в доме и только затем спрятаться там и совершить убийство. Но в таком случае, он до сих пор должен был бы быть в доме. Потому что я посмотрел видео до сегодняшнего дня, и никто посторонний не выходил. На главном входе есть камера, и по ней видно, что те два человека с детьми проходили только в столовую. Все остальное время ждали на улице. А ведь убийца точно знал, откуда и куда стрелять. Даже будь это человек извне, у него должен был быть сообщник, который сообщил про пустую комнату. Насчёт спрятанной винтовки тоже не сходится. Я осмотрел все стены и полки во всех местах, и везде была убрана пыль. Уборщица убирает днём и вечером, и делает это максимально тщательно. Так что два варианта. Или тут сообщник, или убийца. Но, как я уже сказал, не вижу ни единого шанса для совершения преступления человеком, что пришёл с улицы. Ни единого пути в дом, на который не смотрели бы камеры. В этот дом нельзя проникнуть, не засветившись на них.

— И что теперь?

— Теперь расскажи мне обо всем, что написал Гленн.

И тогда, смотря на текст, я рассказал обо всем, что там было написано. Рейнбол курил и внимательно слушал, глядя на темное небо.

Двое охранников. Митчел и Рокки. Двое весельчаков. Любят посмеяться, поболтать ни о чем. Оба служили, но не бывали в полевых условиях. О том, в каких именно войсках, Гленн не знает. Но знает, что Рокки был влюблён в Мэри. В секретаршу, с которой у Джорджа была интрижка. Я сделал заметку об этом, ведь ревность могла послужить хорошим мотивом. Однако мой друг никак это не прокомментировал. Видимо, он так не считал.

Два бухгалтера, Райли и Джон. Джон — серьёзный парень, довольно амбициозный. Никогда не жаловался на зарплату и всегда был верен. Райли — его супруга, и про неё Гленн может отозваться точно так же, как и про него. Так же Гленн упомянул, что его брат должен Джону денег. Но уверен, это не могло послужить мотивом, если сумма не велика.

Далее идёт повариха мисс Кирсти. Про неё Рейнбол сказал даже не читать. Мол, с ней и так все ясно.

Менеджер Эндрю. Парень с высшим образованием. Выделялся хорошим умом. Никогда не вызывал конфликтов. Со всеми общителен. Часто задерживался на работе, чтобы заработать больше денег и порадовать своих детишек. Жена и двое детей. Мальчик и девочка.

Мишон. Девушка Гленна. Познакомились недавно. Работала учительницей французского языка в старшей школе. Но после встречи с Гленном перешла на частные уроки, чтобы иметь больше свободного времени.

Сестра его девушки, Оливия. Помогает с благотворительностью. Особо ничего о ней не знает.

Уборщик Гордон. Веселый дед. Любит спагетти и поболтать под бокал вина о своей молодости.

Личный водитель Шун. Кореец. Приехал в страну около пяти лет назад и сразу устроился в этот дом на работу. Тут и живет. О себе трепаться не любит.

Совладелец по бизнесу Гилбо. Строгий мужчина. Возраст под пятьдесят. Не женат. Детей нет. Немного помещан на прибыли, на бизнесе и на всем, что с ним связано. Он

казался мне подозрительным.

Помощница по бизнесу Кэтрин и секретарша Мэри. Подруги. Устроились вместе. Познакомились с Гленном в кафе. Обе с высшим образованием. Первая закончила юридический. Обе хороши и дружелюбны.

— Очень не густо. — С тяжестью проговорил Рейн. — Всю эту информацию я мог узнать, проведя здесь один день и общаясь с ними. Слишком не достаточно.

Рейнбол решил поговорить с несколькими людьми наедине. С бухгалтерами и с менеджером. Тем временем, я решил поговорить с Мишон. Хозяин поместья просил быть с ней помягче. Это означало, что к ней лучше не подпускать моего друга.

Казалось, она наслаждается тем, насколько богат её парень. Разговор с ней был сложен и короток. Она явно не желала болтать и была совсем не рада моему присутствию.

Мы с Рейном вышли на улицу. Этот день, казалось, длился вечно.

— Узнал что-то интересное?

— Почти ничего. — Ответил Рейн, выпивая стакан горячего кофе. Все окна в доме погасли. Музыка перестала играть и, спустя десять минут, дом спал.

— Теперь мы потеряли возможность узнавать информацию от присутствующих. И что же теперь делать?

— Любитель ты, Картер, задавать много вопросов, что очень правильно, но плохо, что совсем не пытаешься искать ответы. Сейчас мы ещё раз заглянем в несколько комнат. А затем отправимся в котельную.

Мы зашли в кабинет Гленна, к бухгалтеру и множеству других, но все так же безуспешно.

— Одна из девушек сказала, что охранник Рокки имеет привычку спускаться в котельную и читать книгу. — Начал Рейн. — Однако я не видел там ни одного стула. Можешь считать это интуицией, однако я думаю, что это может оказаться зацепкой.

Долгие полчаса не дали результата, и мой друг судорожно стал проверять все углы. Не знаю, как правильно это описать. Он выглядел безумным. Я прямо-таки чувствовал его напряжение, ведь мы обыскали абсолютно все, что было в этом доме, и так ничего и не нашли. С улицы, очевидно, тоже никто прийти не мог, то есть, мы просто что-то упускали. И все-таки нам повезло. В цилиндре неизвестного предназначения мы нашли снайперскую винтовку. Одна из первых SSG. Мы точно не знали саму модель. Однако должен отметить, что она тяжелая и не практичная. Тяжело было представить, как с ней человек совершил убийство и смог ее спрятать. Итого, у нас появился подозреваемый. Охранники воевали и имели дело с оружием. Пазл складывался, но не для моего друга. Он все ещё не видел мотив преступления даже в том случае, если хотели убить Гленна, а не его брата. Мотив тут всегда ясен — это деньги. Но Гленн еще не составлял завещание. С новой девушкой они не женаты и, как мне кажется, все его деньги перешли бы в благотворительность, если не младшему брату. Правда, у обоих братьев могли быть враги, по той или иной причине, но мне в голову пришла одна идея. Что, если младший решил убить старшего, нанял убийцу или договорился с кем-нибудь в доме, но благодаря тому, что они одинаковы, убийца их перепутал и убил другого. Вполне здравая идея, но я хотел еще обдумать её прежде, чем рассказать другу.

Но думать долго не пришлось. Послышались крики сверху, в главной зале, и мы тут же выбежали наружу. То, что произошло, поставило нас обоих в ступор. На полу лежал охранник Рокки с перерезанным горлом. Почти все уже успели сбежаться на крик. Труп обнаружила бухгалтерша, когда выходила в туалет. Несколько минут мы молчали, пока вниз

спустился Гленн.

— Нет! — Закричал он. — Никакой полиции! Я не позволю, чтобы в новости попала информация о том, что творится в этом доме. Старайтесь сохранять спокойствие и здравый ум. В дом никто не заходил, потому оставайтесь в зале.

Рейнбол попросил у меня пистолет, но оказалось, что я забыл его дома. Тогда он стал изучать труп, пока Гленн попросил повариху присмотреть за Мишон, он также попросил меня принести пару лавочек и стол в это помещение. Центральное, с высокими потолками.

После завершения хозяин дома отправился к своей девушке, пока все сели за стол и испуганно наблюдали за моим другом и мной. Повариха дала всем немного выпить, чтобы успокоиться. Все девушки дрожали от страха. Затем Рейн сделал нечто неожиданное для всех, включая меня. Он сел за стол и сказал, что сейчас мы все сыграем в игру. Нужно будет угадать, кто убийца.

— Какие, к черту, игры!?! — Возмутилась сразу секретарша. — Здесь самый настоящий труп. А ведь это могли сделать даже вы.

— Для нас в этом нет никакого смысла, мисс Мэри. — Ответил Рейн. — Давайте начнём с вопроса о том, кто мог желать ему зла?

— Он самой доброй души человек. У него нет врагов. — Проговорил второй охранник. Он выглядел одновременно напуганным и злым. Его глаза пылали ненавистью. Спустилась заплаканная кухарка и села к остальным за стол. Райли, бухгалтер, тоже плакала.

— Мы не будем играть ни в какие игры. — Продолжала настаивать на своём секретарша. Однако мой друг ответил ей в известной мне манере.

— Послушайте, милочка. Все двери закрыты. Вызвать полицию вы не можете, поскольку нет телефонов. В результате у вас есть два варианта. Либо молчать, либо попытаться помочь. Можете еще попробовать убежать, правда, боюсь, тем самым вы лишь вызовете подозрения к себе. — Но, к сожалению или к счастью, девушка решила молчать. Тогда мой друг удалился и после вернулся со снайперской винтовкой, которую положил на стол по центру. Все продолжали смотреть на него в недоумении. — Из этой винтовки был убит брат Гленна. Совершенно очевидно, что тот же человек убил охранника. Патронов в ней нет, так что каждый из вас может без опаски её изучить.

— Почему вы уверены, что оба убийства совершены от рук одного человека? — Спросил бородатый мужчина по имени Гилбо.

— Ему перерезали горло так, будто бы это сделал мясник. Рука крепкая и знает своё дело. То же самое следует сказать о стрелке. Конечно, я могу ошибаться, но сразу предполагать свою ошибку глупо

— А где вы нашли винтовку? — Спросил менеджер Эндрю.

— В подвале. Вижу, все желающие посмотрели. Теперь я жду вашего мнения.

— Вы считаете нас всех подозреваемыми? — Спросил уборщик. — Винтовка тяжелая, можно сразу исключить женский пол.

— Это должен был быть профессионал! — Внезапно выкрикнула секретарша Мэри. — Попали с большого расстояния. Но я даже представить не могу, кто мог желать зла бедному Рокки. — На секунду дама задумалась. — Может, он узнал правду, и человеку пришлось убить его?

На ухо мой друг сказал мне, что вот и началась игра, которую мы запланировали. Безумие, что он достаёт всех этих людей прямо в трёх метрах от трупа их друга. Сумасшествие, никак иначе, но таковы методы Рейнбола. И главное, что они работают. Даже

Мэри, которая только что кричала, что против игр, поддавалась соблазну.

Рейн попросил меня поискать нож, которым был зарезан охранник, и проверить все двери в доме. Я включил везде свет и принялся быстро обыскивать все комнаты. Когда я уходил, мой друг начал хорошенько обыскивать всех присутствующих. У убийцы было около полутора минут, чтобы его спрятать. Однако я обошёл весь дом и не смог ничего найти. Посмотрел за каждым шкафом и под каждый стол. Нигде не было и намеков на холодное оружие. Мне уже казалось, что нужно было искать другой предмет. В этот момент мои мозги уже абсолютно закипели. По словам Мэри, она слышала тихий грохот, после чего сразу вышла в уборную. Этот грохот — это звук упавшего тела бедного охранника. Он был обнаружен почти сразу после смерти. Все люди выходили по очереди, и последним вышел хозяин поместья. Он выглядел уставшим и сонным. Только проснулся, и ему даже понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя, а затем сразу прийти в ужас, как и всем присутствующим. Если убийца среди них, то он отличный актер. Лично мне казалось, что это мог сделать Гилбо. Наверное, я предвзят, но он, правда, выглядит очень подозрительно. Хотел, чтобы Гленн оставил денег ему, а не своему брату, или завязал интрижку с женой. Не знаю мотива, но еще на роль убийцы подходил второй охранник. Все остальные были, ну, уж очень напуганными и слабыми. И самое сложное заключалось в том, что ответ нужно получить как можно скорее, иначе могла приехать полиция. Или кто-то бы сошел с ума от разговоров с моим другом. Я бы не удивился.

Я пришёл обратно спустя минут тридцать и рассказал о том, что не смог найти оружие убийства. Все молчали и смотрели на меня. Мой друг попросил всех сидеть на месте, и мы отправились в спальню Гленна, чтобы объяснить, как обстоят дела. Он сидел, обняв Мишон, которую Рейнбол вежливо попросил спуститься к остальным. Хозяин дома не спорил, и лишь вежливо сидел и слушал моего друга.

— События становятся все более очевидными. — Начал он. — Убийца должен был быть крепким человеком, служившим, с железными нервами. Винтовка не маркирована, значит, куплена на чёрном рынке. Доступ к нему, к слову, тоже есть не у всех. К тому же, мы не смогли найти нож. Картер обыскал весь дом, и это не логично, ведь с ножа должна была капать кровь. Его можно было только помыть или спрятать, но в столовой никого не было. Оставалось только вытереть об незаметную часть одежды. Однако у всех внизу она чиста.

— Хотите сказать, что убийца не один из тех, кто внизу, а проник сюда ещё давно, и продолжает убивать?

— Сядьте. Я так не думаю. Я подозреваю вас. — Рейнбол ничего не сказал мне об этом. Гленн с широко открытыми глазами встал со стула и подошёл ближе. Мой друг сделал два шага назад, и я машинально повторил за ним.

— Да что вы себе позволяете? — Хозяин поместья сильно разозлился. Его лицо покраснело. — Вы хоть знаете, скольким людям я помог. Сколько детишек живы, благодаря мне.

— Я уверен, что Гленн — потрясающий человек. Тут без вопросов. Дело в другом. Я провёл игру с вашими подчиненными. Нужно было узнать, кто убийца, и подчиненные, зная все факты, все равно оказались бесполезными. Они не смогли даже предположить, кто на это способен. А это полный абсурд. Также абсурден изначальный факт убийства не богатого брата. Это все, очевидно, был проработанный план, и совершенно не очевидно, почему его не убили в другом месте. Зачем было так напрягаться? С каждым потоком информации мы лишь врзались в стену. Факты говорили, что скорее хотели убить вас, но и в таком случае,

отравление или перерезанное горло лучше, чем выстрел. И тогда до меня все дошло. — Внезапно хозяин дома достал нож из-под своего пиджака. Но моего друга это не остановило, и он продолжил говорить. — Вы ненавидели брата. Жили в нищете и не видели счастья. И подозреваю, встретили девицу, под именем Мишон, которая в вас влюбилась и подсказала план о том, как можно избавиться от брата и разбогатеть. Были некоторые нюансы, как, например, тот факт, что у него есть отличительные черты на лице. Но вы избавились от этой проблемы, прострелив их. А после назвали именем брата и забрали себе его титул, деньги и сам дом. Но мне нужно было это проверить. Потому, когда мы последний раз были у вас в кабинете, я подлил немного молока в вашу кофе. У Гленна была аллергия на лактозу, в отличие от вас. Кстати, должен еще упомянуть ваши маленькие шрамы под глазом. Вам нужен был точный выстрел, и нельзя было стрелять без очков. Но вы, видимо, забыли или не знали, какая у винтовки отдача и сами разбили себе очки при выстреле, тем самым порезав область вокруг глаза. Я где-то ошибся?

— Мой брат был идиотом. — Начал Гленн, однако мой друг его перебил.

— А вы, Джордж, видимо, считаете себя интеллектуалом, несмотря на то, что вас вычислили?

— Молчать! Мой брат не думал о семье. Отец умирал, и ему нужна была помощь, а вместо этого мой брат пожертвовал деньги больным детишкам. И никогда не хотел помогать мне. Своему родному брату. Говорил добиваться всего самому, чтобы гордиться потом собой. Если вы попытаетесь меня остановить, я перережу вам глотки.

Джордж открыл двери и стал выходить из комнаты, не сводя с нас глаз, как вдруг его ударили по голове. Ножкой от стула его огрел парень с бородой по имени Гилбо. Вся толпа стояла вокруг, и посередине обмотанная веревкой Мишон, которая брыкается и пытается выбраться. Рейн сразу рассказал всем свою догадку и попросил поймать девицу. Полицию уже вызвали, поэтому мы быстро ушли с моим другом.

Звёздное небо и луна освещали дорогу. Мой друг продолжал о чем-то думать. Видимо, не все детали ему были ясны, но мне казалось, что мы хорошо поработали сегодня и заслужили отдых.

— Где мы будем ночевать?

— В отеле. Ещё днём я украл немного денег со стола у Джорджа. — Мы посмеялись.

— Да уж. Насыщенная получилась ночь у нас. Я и не догадался бы, что он убил брата и притворился им. — Признался я.

— На самом деле я и сам не был в этом уверен. А у тебя такой взгляд. Я что-то упустил?

— Нет. Просто то, как ты ему все это говорил, уж больно было похоже на Холмса. Сначала сделал вывод, а потом по полочкам разложил то, как ты пришёл к нему. И в конце еще и задал вопрос о достоверности своих выводов.

— Но ведь по-другому было бы не интересно.

Эта ночь могла прекрасно закончиться в отеле. Я бы принял тёплую ванну, ведь мы шли пешком, и у меня замёрзли ноги. Однако этому не суждено было случиться. На нас внезапно налетела девушка, которая уцепилась за моего друга. Он испугался, но не отходил от неё. Отдышавшись, девушка объяснила, что она сестра Эбби и что знает, кто мы такие. Затем рассказала что у нашей подруги большие проблемы. Она умирает, и времени осталось немного. Переведя дыхание, мы побежали в больницу.

«Текучие реки»

«В детстве я находил воду, которая шла ручьём по земле, и пытался ее остановить, но это было невозможно. Вода всегда находила иные пути. То же самое можно сказать про упрямых людей, которые идут по жизни подобно ручью»

Дела стали плохи во всех смыслах. Оказалось, что Эбби скрывала тот факт, что у неё в мозгу опухоль. Она проходила лечение, суть которого заключалась в том, чтобы уменьшить размер образования до операбельных размеров, но это не дало нужного результата. Врачи сказали, что ей осталось жить три месяца. Однако, если пройти болезненное и неприятное лечение, то есть шанс продлить ей жизнь до полутора лет. Но упрямая Эбби отказалась от этого. Она решила, что лучше проживет три месяца без той боли, которая будет от лекарств и терапии. Не верила, что врачи смогут продлить ей жизнь и не хотела рисковать, ведь, если не выйдет, то свои последние три месяца она проведёт в муках. Её сестра попросила нас помочь убедить её в обратном и всеми силами заставить согласиться на лечение.

Конкретно я испытывал в момент осознания всей ситуации смешанные чувства. Но они все были одинаково паршивыми. Один из самых близких мне людей складывал руки и сдавался перед неминуемой смертью. Я не мог сосредоточиться. Не представлял, что можно ей сказать. Мои мысли не могли собраться во что-то целое. Каша из разного мусора, вот на что они были похожи. Мне было безумно жалко её и безумно жалко себя. Четно говоря, я был уверен, что мне не удастся переубедить Эбби, и потому оставалось надеяться, что проблема решится сама собой. Надежда — это все, на что я был способен в тот момент. Можно было бы рассказать ей о глубине моих чувств, но если бы она выбрала лечение в таком случае, то только по причине жалости ко мне. И все же я не мог думать ни о чем, кроме того, что ей осталось жить совсем немного.

Помимо этого, люди из дома Гленна рассказали о нас. Полиция всего штата снова оживилась, наперегонки готовя наручники. Главным в деле назначили Лукаса Грэма. Рейнбол хорошо знал этого парня. Один из лучших в своей профессии, который поклялся, что мы не останемся на свободе, и даже мой друг не сомневался, что скоро мы окажемся за решеткой и затем будем казнены. Вокруг города и в самом городе поставили множество постов полиции, чтобы мы не могли сбежать. Патрули прочёсывали улицы и все места, в которых можно спрятаться.

Мы с Рейном стояли в коридоре возле палаты, в которой лежала Эбби. На данный момент она была без сознания. Её сестра, Лиза, сидела с ней рядом и держала за руку.

— Ты знал? — Спросил я у своего друга.

— Нет. Я видел симптомы и говорил тебе о них, но не подозревал о том, что это могло так закончиться.

— Ничего не кончено. — Строго ответил я. — Мы переубедем её.

— Врачи сказали, что она будет без сознания, по меньшей мере, несколько часов. Я хочу заняться ещё одним делом, и узнать, насколько плохи наши дела в плане полиции. Ты со мной?

— Нет. Я хочу больше времени провести с Эбби.

— От того, что ты будешь сидеть у её кровати, ей легче не станет.

— Плевать. Иди уже, куда собирался.

Рейнбол ушёл из больницы, а я вернулся в палату. Лиза смотрела на меня с надеждой.

Мы поговорили с ней. О детстве, о родителях. Оказалось, их предки уехали в другой штат и даже не знают, что Эбби попала в больницу. Если верить на слово, они не сильно переживали за свою младшую дочь. Да и за старшую тоже. Спустя полчаса болтовни Лиза убедила меня, что мне нужно отдохнуть. Прогуляться, развеяться. Я согласился, но не потому, что был с этим согласен. Я держался несколько недель, но на почве стресса ломка усиливается и возрастает в разы. Я уже не мог держаться.

В знакомом месте под мостом, как обычно, «ошивалось» несколько продавцов. Они настолько приставучие, что приходится прятать часть денег и показывать после покупки, что в карманах ничего не осталось. Иначе они не могут успокоиться, пока ты не купишь все, что сможешь унести.

Все тело крутило. Я еще больше стал дезориентирован и не мог сфокусироваться на чем-то одном. На окружающих людей и патрули полиции мне было плевать, и я начал кашлять, вследствие чего заглянул в ближайший бар, в котором попросил воды, но на ней останавливаться был не намерен. Настроение поднималось. Находиться в людном месте рискованно, однако меня все меньше и меньше это волновало. Спустя два скотча я уже сидел в туалете, вставляя иглу, которую украл в больнице. Затем вернулся и обнаружил парня на своём месте. Он наблюдал за мной и решил составить компанию, поскольку тоже пришёл в бар один.

Его звали Энтони. Заурядная личность, как мне показалось. Рассказывал о работе, с детях и своей жене. Казалось, все, что должно приносить радость, он всей душой ненавидел. Но мне ничего не оставалось, как слушать его. Это продолжалось какое-то время. Я не быстро пьянел, и осилил ещё два скотча. Затем посмотрел на телефон и увидел четыре пропущенных звонка от Рейнбола. Он кретин, который думает только о себе, и я не хотел ему перезванивать. Но потом решил, что это может быть чем-то важным и, взглянув снова на телефон, заметил, что он разряжен. Тогда я попросил своего собеседника одолжить телефон и направился в туалет. Кнопки на телефоне стали расплываться, и мне пришло в голову, чтобы там ни случилось, я не хочу видеть своего единственного друга. Моё настроение быстро менялось.

Спустя пять минут я вернулся за стол и стал рассказывать Энтони об Эбби и о том, как я обеспокоен. И тут мужчина сообщил мне, что, кажется, эта красотка пришла в бар и ищет меня. Это показалось бредом ровно до того момента, как я увидел её, подняв голову. Она была одета в яркое красное платье. Выглядела все ещё больной, и взгляд строгий и явно недовольный тем, что я нахожусь здесь. Но она подошла, одобрительно кивнула Энтони и, взяв меня за руку, увела прочь. Уже успел наступить вечер, и мы с ней направлялись пешком в сторону набережной.

— Ты на меня злишься? — Спросил я.

— Лишь самую малость. — Милым голосом ответила Эбби. — Я понимаю, что ты переживал за меня.

— Куда мы идём?

— Сегодня вечеринка на скромной яхте. Я достала нам два билета.

— А Рейн где?

— Занимается важными делами. Давай просто расслабимся.

— Но ведь ты больна. И твоя сестра сказала, что ты отказалась от лечения.

— Все в порядке, Картер. Я отлично себя чувствую и не отказываюсь от лечения. Но времени, в любом случае, осталось совсем мало. И я хочу, чтобы оставшееся время было

самым прекрасным в моей жизни.

Аргументов против у меня не нашлось, и мы отправились на большой корабль. Он был и вправду впечатляющих размеров, то есть, совсем не скромным. На входе Эбби показала билеты, и мы попали на палубу. Множество людей, которые дружно общались, смеялись и улыбались. Я слышал, как кто-то говорит, что на крыше есть бассейн. Уже спустя пару минут мы отправились в плавание по реке, пока я наблюдал за официантом, который разносил мартини.

— Угостишь девушку? — Задала вопрос Эбби, не отводя от меня глаз.

В её состоянии это не лучшая идея, но я уже был в состоянии эйфории, и казалось, был согласен на все. Мы выпили несколько бокалов мартини и под весёлую музыку принялись со всеми танцевать. Я на удивление прекрасно себя чувствовал. Эбби попросила купить ей экзотической еды, и я уже было хотел отказаться, вспомнив о том, что у меня нет денег, однако, заглянув в бумажник, обнаружил там несколько крупных купюр. Мы перекусили и несколько часов покоряли танцевальный причал. Затем я пьяный прыгал вместе с Эбби в бассейн.

Спустя еще некоторое время мы стояли на причале и долго целовались. Я сходил с ума от радости. Все было слишком хорошо. Она схватила меня за руку и повела в каюту. Кюта была пустой и, уложив меня на кровать, Эбби сказала подождать, пока она сходит за выпивкой. Я лежал и думал о ней. О том, как сильно я влюбился и в тоже время о том, как мне будет плохо, когда её не станет. Внезапно мои мысли прервались высоким мужчиной, который ворвался в каюту с пьяной девушкой.

— Вы бы не могли освободить этот туалет, мистер? — Спросил меня незнакомец. Видимо, он был пьян ещё более, чем она, раз умудрился перепутать каюту с уборной.

— Здесь есть кровать, что исключает возможность того, что это туалет, если ты не заметил. А ещё сейчас сюда придёт красотка в разы красивее твоей, потому давайте быстрее убегайте отсюда.

— Вы займётесь сексом прямо здесь?

— Надеюсь, что да. — Ответил я.

— Ясно. Я видел её и не скажу, что она красивее моей.

Заявление о внешности Эбби со стороны незнакомца совсем не расстроило меня. С обиженным лицом мужчина вышел с каюты, а следом за ним зашла Эбби и закрыла дверь. Она была полураздетой, и сразу села на меня сверху. Стала расстёгивать мою рубашку. Передать чувства, которые я испытывал в тот момент, не сложно. Любовь и эйфория в высшей степени. Моя рука спустилась с кровати, и я почувствовал влагу. Поднял голову и увидел, что каюта стала быстро наполняться водой. Я начал нервничать и кричать Эбби, что нужно убираться отсюда. Но она вжала меня в кровать, продолжала целовать в шею и говорить, что все в порядке, будто бы и вовсе меня не слышала.

Затем я попытался сбросить её с себя, как вдруг она стала рассыпаться, как песок, прямо на меня. Тем временем вода уже заполнила всю каюту, и я стал погружаться в темноту. Буквально тонул в ней, будто бы умирая. И когда почувствовал, что конец уже близок, мои глаза вновь открылись. Я находился в кабине туалета, где лежал на полу с мокрым лицом. Надо мной, с кувшином воды в руках, склонилась не симпатичная девушка. Она кричала моё имя мужским голосом. Уже спустя мгновение я узнал в ней Рейнбола, который пытался меня разбудить. Он помог мне встать и снова облил водой. Понемногу я стал приходить в себя.

— Что происходит, Рейн? — Спросил я у него.

— Ты придурок, и нам нужно выбираться через чёрный ход.

Краем глаза я увидел, что весь бар наполнен полицейскими. Мы с моим другом вышли через чёрный ход и устремились в сторону дворов, однако из-за угла выходили ещё двое полицейских. Рейн прижал меня к стене и сделал вид, что мы целуемся. Моего лица не было видно, но оно наверняка стало багрового цвета от стыда. Мой друг не касался меня губами, но дышал в шею, и это было отвратно. Краем глаза я увидел, как мужчины развернулись в другую сторону, и затем мы убежали.

После пройденных нескольких километров мы остановились в круглосуточной кофейне, где не было посетителей.

— Сейчас попробую тебе все объяснить. — Начал Рейнбол, поставив кофе на стол. — Я прогуливался по городу, чтобы оценить, насколько плохи наши дела, и спустя полчаса столкнулся с нашим инспектором прямо посреди улицы. Он вёл беседу с патрульными и обнаружил меня. Началась погоня. Я был в центре Вашингтона и по сторонке прятался по магазинам. В один момент оказался в магазине косметики и воспользовался маскировкой. — Только сейчас мне удалось хорошо разглядеть моего друга. Ресницы и брови накрашены. Парик длинных каштановых волос. Припудренный нос и щеки. А также ярко выраженная красная помада.

— Кто тебя учил краситься? — С небольшой насмешкой спросил я.

— Очень смешно. Короче, мне удалось скрыться, но один полицейский заподозрил что-то неладное в моем образе, и меня преследовали до самого бара.

— Как ты понял, что я нахожусь именно в нем?

— Хвастаться нечем. Я сначала угадал, а уже затем додумался пробить твой мобильник. Кстати, их нам придётся выкинуть на всякий случай, когда будем сматываться.

— Куда сматываться?

— Прочь из Вашингтона. Нам нельзя здесь оставаться.

— А как же Эбби? Она пришла в сознание? Я долго был отключен?

— Я не знаю, сколько времени ты провёл в царстве Морфея. Предполагаю лишь то, что точно больше часа. И нет, Эбби ещё не пришла в себя.

— Мы должны забрать её с собой. — Начал настаивать я.

— Это может обернуться угрозой и для неё, и для нас. Знаю, ей осталось не так много времени, но сомневаюсь, что она захочет оставшееся время провести в бегах или за решёткой.

— А вот мне кажется совсем наоборот. Давай поедem к ней и сами все узнаем, когда она придет в сознание.

— Не сейчас. Я занялся новым делом.

— Каким, к черту, новым делом?! — Глупо было бы отрицать, что я был на нервах.

— Послушай, я понимаю, что полиция наступает нам на пятки, но связанных с нами преступлений в Вашингтоне осталось не так много. Мы с тобой колесили по всей округе. В прошлом деле оказалось, что мы сами подали идею убийства брату близнецу. Сейчас я узнал, что новое дело из той же оперы. Мы подсказали одной аферистке, как обойти охрану и украсть дорогое украшение у одной немолодой, но очень богатой особы. Однажды в её доме уже была совершена кража, и её делом занимался я. Видел дом изнутри и снаружи и знал, какая там система охраны.

— Ты думаешь, у нас есть на это время?

— Конечно. Сегодня у её сестры свадьба в одном ресторане. И у меня есть все основания предполагать, что у воровки это ожерелье будет с собой. Она любит хвастаться и наверняка наденет его на себя прежде, чем отправится в Китай продать. Ну, и я обыскал её номер в отеле и ничего не нашел. Это отличная и более того, единственная возможность закрыть это дело.

— У меня немного не укладывается в голове время. Мы ведь говорили с ней уже давно. Почему только сейчас она совершила ограбление?

— Я знал, что у хозяйки дома несколько дней назад была годовщина. На каждую из них она с мужем отправляется в трёхдневное путешествие. А уверен я, что преступление совершено особой, о которой идёт речь, потому что в первый раз было совершено ею же. Но сработала сигнализация, и ничего не удалось. А сама дама сбежала до того, как мы успели до неё добраться.

— И какой план?

— План прост. Попробуем на свадьбу, найдём её и зажмём в угол.

— Найдём? Ты хотя бы знаешь, как она выглядит?

— Конечно, знаю. Но она могла замаскироваться. Кстати, тебе это тоже сейчас нужно.

Мы отправились в туалет. Из пальто Рейн достал верхнюю женскую одежду, парик и украденную косметичку. Я переоделся, и Рейн нарисовал меня примерно тем же образом, как и самого себя. Лицо бармена было потрясённым, после того как он видел, что из его туалета вышло две девушки и ни одного мужчины. Та одежда, которую он мне дал, поместилась по карманам по той причине, что одежда была предназначена для осеннего или даже летнего сезона. Потому я быстро замерз.

Мы пошли на свадьбу. Количество людей было колоссальным. Видимо, у семейки много родственников. И я, и мой друг предполагали, что сестра воровки знает о том, чем занимается её родная сестра и, более того, возможно, замешана в этом. Нашу подозреваемую зовут Лаура Фомин. А её сестру Ребекка Гловстоун, начиная с сегодняшнего дня.

Накрытые столы прогибались от количества еды. Не знаю, откуда, но Рейн достал билеты на свадьбу. Я подошёл к зеркалу и несколько минут разглядывал самого себя. Мой друг нарисовал меня на скорую руку, однако должен признаться, что у него неплохо вышло. Видимо, он этому обучался и пользовался этим навыком раньше.

Все слишком сильно было похоже на мой сон, будто бы у меня было видение. Я говорил Рейнболу об этом, но он ответил, что это был всего лишь наркотический трип, а все остальное — совпадение. Я сам убеждал себя в этом, пока не подошёл официант с подносом, полным мартини. Затем я увидел парня, который мне привиделся в галлюцинации. Он шёл под руку с брюнеткой, которая подходила под описание дамы, которую мы искали. Я продолжил идти за ними, пока они не разделились. Девушка пошла в уборную, и я вслед за ней.

Она принялась поправлять свой макияж напротив зеркала. Мой друг говорил, что у неё родинка на левом плече. Одета в платье, и мне в голову не пришло ничего лучше, чем резко снять часть платья с плеча, чтобы взглянуть на него. Однако там ничего не оказалось, и за свою оплошность я получил пощечину такой силы, что это свалило меня с ног. Я ошибся — это была все-таки галлюцинация.

После того, что я с собой сделал, моё состояние ужасное. В зале выдавали бесплатные сигары. Я редко курю, но, не удержавшись, взял одну вместе с бокалом мартини и отправился на второй этаж, на балкон. Думал об Эбби. Согласится ли она отправиться с

нами? Каково ей будет, когда болезнь начнёт побеждать? Ведь в конце люди испытывают ужасную боль, а достать лекарства вряд ли представится возможным. Тогда она начнет сильно страдать, и я не смогу этого перенести. Мог бы смириться с тем, что мы не будем вместе, но не могу смириться с тем, что её не станет.

Рейнбол позвонил и попросил подойти в раздевалку как можно быстрее. Но я, не торопясь, сначала допил мартини, разглядывая огни на небольшом побережье возле моста. Эбби рассказывала, что раньше любила сидеть на нем и вживаться в нужную ей роль.

В раздевалке на полу, под стенкой лежала девушка лет двадцати пяти. Я сразу узнал в ней Лауру Фомин. Затем заметил кровавый след на голове. Девушка была без сознания. В красивом вечернем платье и с рядом украшений на руках. Каштановые волосы спускались по плечам, и еще недавно красивая прическа стала чуть безобразной.

— Ты её ударил, что ли? — В недоумении спросил я у своего друга.

— Нет. Это сделали за несколько минут до меня. На груди я увидел следы. Она и вправду надела украшение, и кто-то, кто знал об этом, вырубил её и украл его.

— Мы оба с тобой знаем, что это, вероятнее всего, сестра. Так ты смотрел на грудь, пока она была без сознания?

— Выбора не было. Подожди, она приходит в себя. — Девушка открыла глаза и испуганно посмотрела на нас. Затем схватилась за грудь.

— Это вы украли его?

— Нет, мисс Фомин. — Начал мой друг. — Это не мы. Мы хотим помочь. Вы видели того, кто вас ударил?

— Нет, не видела. Это, видимо, сон.

— С чего вы взяли?

— У вас мужской голос.

— Мы детективы. Знаю, выглядит нелепо, мы просто под прикрытием. Знаем, кто вы и чем занимаетесь и, если вы не хотите быть арестованной, нужно, чтобы вы нам помогли.

— Я не знаю, как вам помочь. — Девушка схватилась левой рукой за голову и нащупала рану с кровью. Затем попыталась встать и резко упала.

— Скажите, Лаура, вы ведь правша? — Спросил снова Рейнбол.

— Верно.

— Не могли бы вы поднять левую руку? — Девушка подняла вверх правую руку и с испуганным взглядом посмотрела на моего друга. — Спешу вас огорчить, у вас тяжелая травма головы. И теперь мне видно, что удар вам нанесли каблуком, уже в тот момент, когда вы упали на землю. Вы достаточно помогли, а теперь не двигайтесь. Мы принесём вам воды и вызовем скорую помощь. Хотя я надеюсь, что травма помешает вам и дальше заниматься вашей так называемой профессией.

Мы находились на втором этаже, с которого было видно весь зал. В центре сестра жертвы и одновременно воровки начала прятать что-то в сумку и затем отправилась к выходу.

— Хочет спрятать ожерелье в машине. — Сказал Рейн. — Нужно не дать ей это сделать или отобрать ключи.

— Сколько вообще стоит эта штука?

— На чёрном рынке могут дать несколько миллионов.

— У тебя нет соблазна...

— Украсть? Конечно, есть. Но это не интересно и не в нашем стиле.

Мы только собрались спускаться вниз, как вдруг музыка выключилась, и в здание зашло множество вооружённых полицейских. Все люди стали напуганными. Полиция реагировала быстро. Несколько человек стали обходить все комнаты, пока остальные принялись допрашивать присутствующих. Среди них был и наш инспектор Лукас. Он стоял на входе. Рейн сказал вести себя естественно. Мы стояли наверху и наблюдали за всем происходящим. Этот Лукас — это высокий мужчина с такими строгими чертами лица, что я смог это подметить с двадцати метров. Он рассматривал весь зал, пока не наткнулся на нас. Лукас узнал моего друга и сразу принялся вести огонь.

Пули пролетели мимо. Мы успели спрятаться под стенку и затем забежать в небольшую комнату, закрыв за собой двери. Копы быстро прибежали и принялись ее выламывать. Мой пистолет был все ещё в квартире у Эбби. Мне не пришло в голову его забрать, и казалось, единственный вариант — это прыгать из окна и ломать ноги. Кстати, должен был ещё давно сказать, что любое состояние опьянения запросто исчезает от адреналина. Но в этот раз нам повезло. Мы попали в то окно, за которым находилось дерево, идеально подходящее для того, чтобы спуститься по веткам вниз. Нам удалось это без проблем.

Было ясно, что одна часть полицейских отправилась выламывать двери, пока другая часть побежала к окну. Но мы успели спуститься, и после, я очень быстро побежал в густые деревья. Маленький парк. Я спрятался в определенном месте, на которое указал Рейнбол, но его самого рядом не оказалось. Он лишь предупредил, чтобы я ждал его не более пяти минут. Я весь дрожал и потерял контроль над руками, как только снова услышал выстрелы. Прошло уже десять минут, но ни одна полицейская машина не уехала. Я был уверен, что, если его поймут, то сразу отвезут в участок. А все остальные продолжают поиск. И внезапно две машины из четырёх выехали со двора ресторана и с включёнными сиренами устремились в темноту. На тот момент прошло уже пятнадцать минут, и я уже собирался уходить, но мой друг меня не подвёл. Рейн улыбался, держа в руках ожерелье. Он сумел стащить его прямо из-под носа у полицейских и, казалось бы, славный конец, однако, я заметил у него окровавленное пятно и дырку от пули на одежде.

Его ранили в бок. Наш инспектор Лукас оставил моему другу навсегда память о себе. Врачи сказали, что рана серьёзная, но он выкарабкается. Сначала я не знал, что делать и, пока он был в сознании, успел предложить одну идею. Мадам, у которой украли ожерелье, уже успела вернуться в Вашингтон. Она узнала, кто мы, но не собиралась сдавать в полицию, а получив назад своё украшение, и вовсе согласилась помочь. В очередной раз я удивлялся, как легко расположить к себе людей, лишь рассказав им причину своих плохих поступков. Я полтора часа рассказывал ей нашу историю, объясняя все факты.

В общем, моего друга лечили под другим именем. Это все устроила та дама, которой мы вернули украшения. На входе в больницу стоял человек, лично присланный этой любезной мадам, который следил за тем, приедет ли полиция, чтобы предупредить нас о ней в нужный момент. Последнее время мы часто спасались, благодаря везению, включая и тот факт, что Лукас не заметил, что ранил моего друга. Таким образом, нас искали по городу, а не в больнице. Также я успел принять теплую ванную, что отрезвило меня, и затем смыл с себя макияж. Макияж моего друга стерли врачи, пока я тем временем достал нам нормальной одежды из медицинской раздевалки.

Я сидел на лавочке в коридоре, напротив двух палат, в которых лежало два самых близких для меня человека. Хотя самых — громко сказано. Скорее, единственных. Два человека, которые всегда готовы были мне помочь, и обоих я мог потерять. Я мечтал стать

сильнее, чтобы быть в состоянии защитить их. У меня все ещё играла мысль, что можно было бы насобирать денег на хорошего адвоката, отсидеть в тюрьме и начать жизнь заново. Но в связи с диагнозом Эбби я не могу позволить этому произойти. Даже с лечением у неё чуть больше года, но после этого я бы точно сдался в полицию.

Лиза вышла в коридор и попросила меня зайти. Эбби пришла в сознание. Она выглядела бледной и слабой. Я плохо разбирался в медицине, но глядя на датчики, понял, что с ней и сейчас не все хорошо, но она стабильна. Оказалось, они уже успели начать разговор с сестрой, и той не удалось убедить Эбби на лечение. Должен признаться, меня это злило. Бесило и раздражало до такой степени, что лицо наливалось кровью от злости.

— Это жизнь в муках. — Продолжала она. — Зачем мне это?

— Да, тебе может быть плохо, но это жизнь, Эбби. Как говорил Рейн, лучше жить в мучениях, чем умереть в них.

— Он цитировал писателей.

— Плевать. Ты должна бороться. Люди, которые верили и были уверенными в своём здоровье, проживали дольше. Мозг лечил тело.

— Тебе не понять это, Картер. Мои головные боли буквально убивают меня. Ты знаешь, что такое душевная боль, но это не одно и то же, что физическая. Я не хочу жить в страданиях. Я бы могла умереть с улыбкой, если бы вы просто поддержали меня и были рядом. А вместо этого вы делаете хуже. — Эбби смогла встать и села на кровать. Тогда в разговор вступила её сестра, которая уже сидела вся в слезах.

— Но ты ведь и нас таким образом оставишь одних.

— Нашла время думать о себе, сестренка. Не забывайте, что я здесь умирающая, а не вы. Вам не дано тело с истёкшим сроком годности. А если не можете меня понять, то будьте добры не мешать. Я хочу побыть одна.

Я попытался её остановить, но Лиза не дала мне этого сделать. Мы оба понимали, что Эбби пошла на побережье возле моста. Там часто рисуют художники с натуры, потому кругом много стульев. Она любила садиться на один из них и любоваться водой и жизнью города. Но Лиза меня разочаровала. Похоже, она и в правду совсем не знает свою сестру.

Я дал Эбби уйти и пошёл в палату к Рейну. Лиза убелила меня, что скоро приедут родители и, возможно, им удастся её уговорить на лечение. Я очень на это надеялся, а тем временем, мой друг проснулся. Он выглядел совсем неплохо, по крайней мере, в сравнении с Эбби. Врач, видимо, преувеличил, сказав о его тяжелом состоянии. Мы поговорили о завершённом деле и о том, куда поедет. На выбор был Нью-Йорк или Нью-Джерси. Оба большие города и есть, где спрятаться. Затем мы заговорили об Эбби, и я поведал о разговоре с ней. Рейн тут же встал с кровати и вышел в коридор. Лиза сидела там, и мы оба с ней смотрели на то, как Рейнбол надевает своё пальто.

— Вы идиоты. Плевать, насколько ей плохо, она должна бороться. Жить ради тех, кто тебе дорог, разве не в этом смысл?

— Но ведь ей больно! — Крикнула Лиза и посмотрела на Рейна суровым взглядом, но на её глазах проступили слезы. Он подошёл ближе.

— Дорогуша, жизнь — это боль, понимаешь? Она есть в той или иной мере у каждого. Заведомо нельзя быть счастливым всегда. У тебя будут проблемы с учебой, с работой, с близкими людьми. Тебе будут разбивать сердце. И все, кого ты любишь, будут падать с ног, как домино, по очереди, и умирать. Страдания неизбежны. Мы можем быть счастливыми лишь иногда. Лишь моментами. Иногда подольше, иногда поменьше. И я точно знаю, что

жизнь стоит этих коротких моментов. А знаете, что делает вы? Вы рыдаете возле её постели, тем самым показывая, что вам хреново. От этого ей становится ещё хуже, и она не хочет, чтобы еще и вы страдали. Люди, которым больно, принимают неверные решения. Она просто хочет избежать боли. А вы идиоты. Можете сколько угодно думать о том, что вы уважаете её выбор. Но своим принятием её решения вы её убиваете. А своими слезами доказываете, что она права. И что в жизни нет ничего хорошего, и жизнь не стоит того, чтобы бороться. Вы сдались точно так же, как это сделал она. — С полминуты мы с Лизой молчали, глядя на моего друга.

— Мне нечего сказать, Рейн. — Ответил я. — Потому что, кроме тебя, никто бы и не сказал лучше. Может, ты с ней поговоришь?

— Я? Ты во мне увидел героя? Я всего лишь дилетант, который несёт бред людям. И если быть откровенным, то мне легче убедить человека повеситься, чем наоборот.

— Но ведь её родители сдадутся так же, как и мы. Получается, что ты — единственная надежда. Она сейчас на побережье, возле центрального моста. Знаю, ты ещё слаб, и там полиция, но она не взяла с собой телефон. Пожалуйста, попробуй сделать что-нибудь.

Мой друг согласился. Я ожидал от него такую реакцию, ибо в отличие от меня, от Эбби и от ее семьи, он продолжает думать логикой, а не эмоциями. На это и был расчёт. Но я не смог отпустить его одного. Пока ему меняли повязку, я сделал трюк, который уже видел от него ранее. Позвонил со своего телефона ему и подбросил его в пальто, чтобы слышать весь разговор. Рейн добрался до нужного места через полчаса, и я, надев наушники, стал внимательно слушать их разговор, сидя неподалёку.

— Не бойся, он не отравлен. — Сказал Рейн, поставив рядом с Эбби ещё один стул и протягивая ей стакан лимонада. Она просто любовалась восходом солнца.

— Не бояться, шутишь? Я бы сказала «спасибо». Ты тоже будешь убежать меня, что жизнь бесценна?

— Посмотрим. Может ведь и наоборот.

— Мне кажется, в глубине себя ты намного мягче и слабее, чем кажешься.

— Ну, я спрятал все это настолько глубоко, что если попытаешься это найти, то выкопаешь себе могилу и сама заблудишься в бесконечном лабиринте.

— Я это уже слышала. У тебя повязка в крови. Что-то случилось?

— Неудачный денёк. Стоило тебе на время уснуть, как мы умудрились с Картером сорвать свадьбу, устроив там стрельбу. И меня ранил один очень меткий полицейский.

— Больно? — Спросила она.

— С твоей болью, конечно, не сравнится. Но да, бывало и лучше. А бывало и хуже. Намного хуже. Но я ещё держусь, может, и тебе стоит попробовать?

— Как бы я ни любила повторяться, но, видимо, придётся, чтобы и до тебя дошло.

— Чушь. Ты нейтральна к повторам. Я много раз слышал, как ты часами повторяешь свои слова в пьесе перед выступлением. Глядя на себя в зеркало. Так что с повторами у тебя проблем нет.

— Я сдалась, Рейн. Для меня все кончено. Все и так было слишком сложно, но теперь и вовсе невыносимо. Любая попытка бороться оборачивается крахом. Болью и страданиями. Пускай я лучше быстрее умру со спокойной душой.

— Ты ведь знала, правда? — Перебил её Рейнбол. — Свой диагноз знала ещё при нашей встрече. Я думал, ты решила нам помогать потому, что спятила, но нет. Дело в другом. Знала, что тебе осталось не так много времени, и решила попробовать связать себя с чем-то,

грубо говоря, грандиозным. Как бы пафосно это ни звучало. Ты ведь могла ошибиться, и мы бы оказались убийцами, и прикончили бы тебя, как только бы вышли из автобуса. Но ты не боялась этого, потому что для тебя больше не существовало слово «риск». О счастливой жизни и думать было нечего. Потому ты могла ответить взаимностью Картеру, но ничего более серьёзного. Я-то дурак, думал, что дело в нем и в том, что мы натворили. А с самого начала дело было в тебе.

— Я могу умереть со спокойной душой прямо сегодня, потому что знаю, что сделала что-то полезное. Помогла двум спутникам, которые совершили глупость. Не дала вам сложить руки и помогла двигаться дальше. Знаю, вы бы и без меня справились.

— Нет, не справились бы. — Оспорил Рейн.

— Пускай. В любом случае, я собой довольна, и ты ни в чем меня не переубедишь.

— Вообще-то, я уже решил, что не буду и пытаться. Это слишком эгоистично по отношению к тому, кто спас мне и моему другу жизнь ценой своего времени и усилий. Ты ведь продолжала работать только для того, чтобы оплачивать квартиру и покупать на всех еду. Говорят, жизнь человека принадлежит тому, кто будет её оплачивать. Я не уверен, что могу согласиться с этим или оспорить. Но я точно теперь знаю, что твой выбор основан не только на боли. Из-за боли люди совершают ошибки, а ты, похоже, даже с ней придерживаешь той концепции, которую сама себе нарисовала.

— Но смерть — это ещё не конец. Все ваши благие дела, все добро, что вы принесете в мир, будет и на моей совести тоже. Пойманные насильники, воры и серийные убийцы. — Эбби рассмеялась. — Честное слово, я была уверена, что ты без проблем сможешь меня понять.

— Возможно. Но надеюсь, что ты ошибаешься.

— Насчёт чего?

— Что смерть — это ещё не конец. Иначе все, чем я занимаюсь всю жизнь, не имеет смысла. Все повторится вновь. Люди будут убиты, изнасилованы и обокрадены. Время будет идти по кругу, оставляя миллионы людей без денег, родных и счастья.

— Кажется, ты говорил, что все, что нужно для торжества зла, это бездействие добра. Сложить руки — это точно не выход.

— Это я и пытаюсь до тебя донести, Эбигейл.

— Первый раз от тебя слышу своё полное имя. Но ты так меня и не понял. — Эбби казалось, стала слегка нервничать. Она стала говорить со злой, как мне показалось, интонацией. — Кончено, значит кончено, и с этим можно только смириться. Мне знаком палец без кольца у тебя или у моей сестры или у Картера. Никто не будет рисковать карьерой или свободой ради того, кто не хочет жить. Это я, как минимум, говорю о том, что тебя ищет полиция, но ради меня ты все еще здесь. Или ради того, что даже просто интересно. Или даже ради того, что считаешь должным, если есть что потерять. Если осталось, что потерять. Любимого человека или самого себя или будь что, что тебе по-настоящему дорого. Этим ты мне напоминаешь мою сестру. Нормальные люди заводят детей, создают семью. Хобби, отдых с друзьями. Они не имеют того, на чем помешаны. Они боятся своих скрытых желаний, потому что им есть, что потерять. Моя сестра такая же. Она с легкостью перешла в большое кино, потому что ей легко это давалось. Уже не один десяток людей признает её одной из лучших. А меня не хотели брать даже на съемку рекламы. Картер не в счёт, он лишь помогает тебе. Ты такой же помешанный, как и она. Когда Лиза заинтересовалась актерством, она позабыла про меня и про семью. Понимаю, у

тебя были другие обстоятельства, которые этому способствовали, но результат один и тот же. Ты лучший детектив из тех, о которых я слышала. То, чем ты занимаешься — это то, о чем ты думаешь постоянно. Я наблюдала за тобой и поняла, что это то, от чего ты просто не можешь быть нормальным. Таким, как все. И благодаря этому тебя и мою сестру можно назвать гениями. Это делает вас лучшими в отличие от остальных и от меня. От нормальных. Но все остальное не касается вас. Никогда тебя не встретит человек, который тебя любит. Никогда ты не услышишь этих слов. Жена не приготовит тебе поесть, и ты не устроишь романтический ужин при свечах для неё. Не соберёшь друзей, чтобы напиться и поболтать или поехать на рыбалку. У тебя есть друг, но внутри ты абсолютно одинок. Там нет ничего и никого, потому что тебя можно ненавидеть или восхищаться и быть благодарной, но ты сам не позволишь тебя любить. И это путь несчастья и одиночества, который ты сам выбрал, чтобы отдать себя полностью тому, что интересно. Чтобы быть лучшим в этом. Я верю в тебя и Картера, потому что ты был прав. Ничего никогда не кончается. Одни игроки уходят, другие приходят. Убийцы и дальше будут убивать, и два отважных война, которым не страшны ни огонь, ни грозы, будут их останавливать. Потому что, когда все ломается к чертям, когда ломаются мосты, люди плачут и не видят выхода из тьмы, эти двое остаются, просто потому, что должны. И я безумно рада, что есть такие люди. И рада, что помогла им и оказалась связанной с их историей. Однако ещё больше я рада тому, что я умру счастливой и, к сожалению, ты проживешь дольше, но тебе уже никогда не быть счастливым, Рейнбол.

Эбби встала со стула и направилась в сторону воды. Рейн сидел неподвижно. Я выбежал из кустов и побежал в их сторону. Остановился возле своего друга и смотрел на Эбигейл, которая зашла по колено в воду. Я представления не имел о том, чего она хочет, пока не увидел в её руках свой пистолет. Она украла его и на наших глазах подставила дуло к своему виску. В этот миг наверняка и она, и я, и мы все задержали дыхание. Время будто бы остановилось. Я не слышал никаких звуков, будто бы оглох, за исключением своего сердца. Удар, еще удар. Спустился курок. Прекрасное тело упало в воду. Удар, еще удар. Сначала я, рыдая, упал на колени, затем нашёл в себе силы и побежал к ней. Я взял её на руки и вынес на берег. Рыдал и стучал по её не бившемуся сердцу. Удар по груди, и еще удар, но это не давало результата и не могло бы дать. Будто не замечая потока льющейся крови, я схватил её руку и крепко сжал, придавив к себе. Параллельно повторяя стоящему надо мной Рейну, что он не уберег её, но он лишь повторял, что мы остались только одни. Она сломала его логику эмоциями. Он не смог её остановить. Мои слёзы капали на щёки Эбби. Мой мир рухнул в одно мгновение. Я судорожно проверял пульс каждые несколько секунд, кричал её имя и просто не мог поверить, что её больше нет. Она была права: после того, как мир рухнул, остались только два странника, которые должны идти дальше, но я не мог. Я был сломлен, и мне было слишком больно. Где-то неподалеку слышались сирены полицейских машин. Мир в одночасье сгорел и рухнул. Прости, Эбби, но я не смогу идти дальше по этому пути, даже если должен.

Больше книг на сайте - Knigoed.net